

КОНАН И СОЖЖЕННАЯ СТРАНА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ	КОНАН И МЕН КОДУНА	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ	КОНАН И ГОЛАНТАН ПЕДЕР	КОНАН И ПЛЕСИЯ СИТОВ	КОНАН И НЬЮССНАЯ СКИРИ	КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОГ
10	2	3	4	5	6	7	8	9
КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ	КОНАН И ДАР МИТРИ	КОНАН И НОЧНЫЕ КАМЕНЫ	КОНАН И ГРОТ ДАНОМЫ	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯЩЕГО	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАСИДЫХ СТИВ	КОНАН И ТЫСЫ БОГИНЫ	КОНАН И ГЛАСОМ ЗАА	КОНАН И БЫ НЕРЛАДА
19	11	32	13	14	15	16	17	18
КОНАН И ГОРЫ ПАИЗНЫХ ЛУШ	КОНАН И ИСТОРИЯ СУДЕЙ	КОНАН И СВЯТИЕ АММНАНА	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО	КОНАН И ПРИБРАЗ ПРОШАГО	КОНАН И ВОЛОСТ СМРАКА	КОНАН ВАРАР ИЗ КИММЕРИИ	КОНАН И РЫЖИЙ ЧСТРЕВ	КОНАН И ПЛАН БЕЗДЫ
28	20	21	22	23	24	25	26	27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ	КОНАН И КОЛЫ КРОМА	КОНАН И БРАТЫ КЕЧНОСТИ	КОНАН И АЛАМАЙН ЛАБИРИНТ	КОНАН И ВСЮДОГДЫ ИДОЛ	КОНАН И ЧАСА БЕЗМОЛВИЯ	КОНАН И АДЯЙНО СТАРК	КОНАН И ГОРНЫЕ ГРЕДАМИ	КОНАН И АЛАРЬ ПОЕДЫ
37	38	39	40	41	42	43	44	45
КОНАН И БИТВА МОСМЕРТИЙ	КОНАН И ПОКОИКИ ПЛОТИ	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ	КОНАН И НЕЛАМЫЧА НЕВЕС	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ	КОНАН И КОЛЫ ВЛАСТИ	КОНАН И ЗОВ АРЛЕННИХ	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ
46	47	48	49	50	51	52	53	54
КОНАН И ГНЕВ СЕТА	КОНАН И ХРАМ НОРИН	КОНАН И КРОЛЬ БОРОЙ	КОНАН И ПОДЗАМНЫЙ ГООНЬ	КОНАН И МАНТЕК ЧЕМПРЕЗ	КОНАН И КЛАМО ЗМЕЯ	КОНАН И ХОДИМ ДОКАНА	КОНАН И КОРОЛЯ МИРА	КОНАН И ПОСЛАНИК СИЛА
55	56	57	58	59	60	61	62	63
КОНАН И СТИЦИЕ ЗАО	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА	КОНАН И СКАЗЫ ХАОСА	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА	КОНАН И СИМПАНИЧЕ СИСТОВ	КОНАН И ГОЛАНТАН МОЛНИЯ	КОНАН И ИГРИ ХАНГОРИ	КОНАН И ВСАДНИК БУРН	КОНАН И СЛАД ИСКРИНА
64	65	66	67	68	69	70	71	72

Дуглас Брайан, Лилиан Трэвис

КОНАН И СОЖЖЕННАЯ СТРАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

Б87

Серия «Конан» основана в 1993 году

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать 11.10.07. Формат 84x108¹/32.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 6000 экз. Заказ № 5971.

Брайан, Д.

Б87 Конан и сожженная страна : [сборник] /Дуглас Брайан,
Лилиан Трэвис . — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс,
2008. — 383, [1] с. — (Конан).

ISBN 978-5-17-042898-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-93698-394-8 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец скитаются по свету в поисках приключений. Он
охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами
от Вендин до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей
Хайбории, спасая невиновных и карая злого.

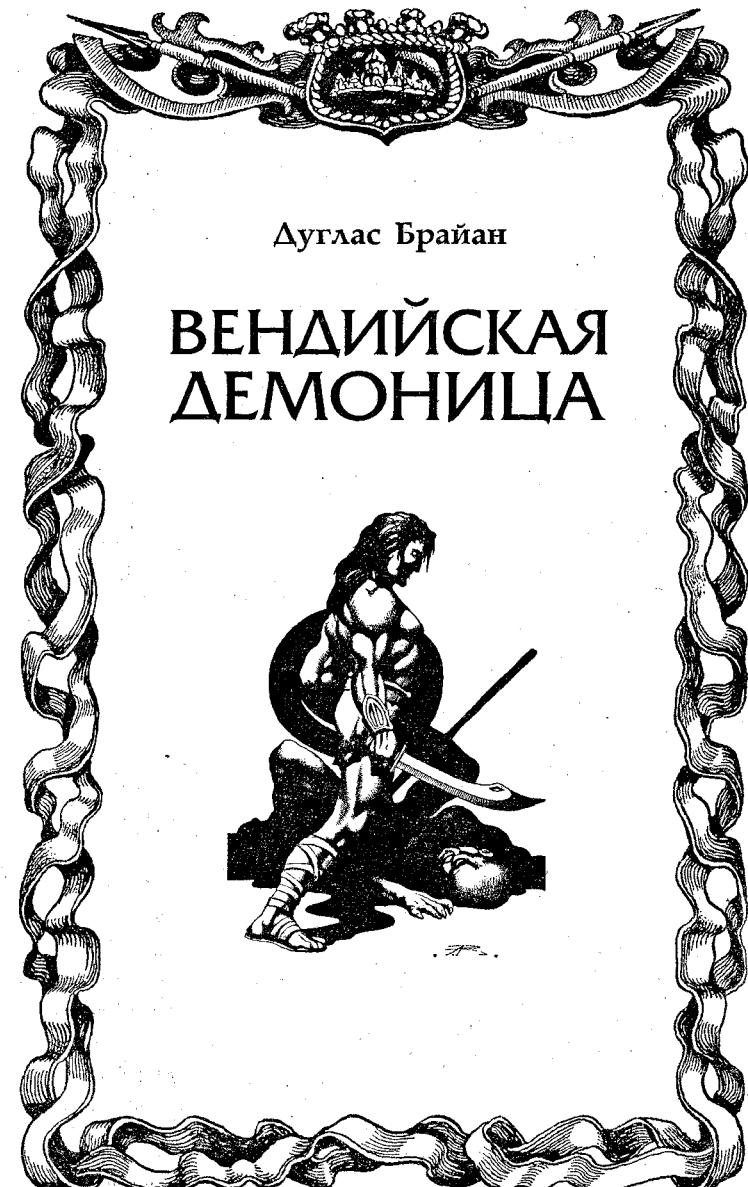
УДК 821.111(73)

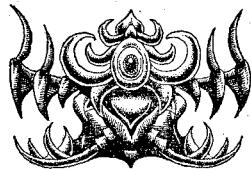
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999

© «Северо-Запад Пресс», составление и

подготовка текста, 2007

Глава первая Драка со странными участниками

И

емало потасовок повидал на своем веку Конан-варвар, но такой, наверное, не случалось на его памяти никогда.

Начиналась она, впрочем, весьма обычно, да и место действия было вполне ожидаемое: рынок города Акифа в Туране.

Конан торговался из-за конской сбруи, демонстрируя несговорчивому торговцу не только свою поражающую воображение мускулатуру, но и не менее удивительный запас бранных слов на десятках языков Хайборийского мира. Тот владел куда меньшим ресурсом, однако пользовался тем немногим, что было в его распоряжении, с большим искусством. Он стучал кулаком себя по голове и заверял покупателя, что будет полным глупцом, тушицей, болваном, недостойным отприском мула и коровы, существом, которого даже грязный язык скотоложца погнулся назвать человеком... и так далее, если он согласит-

ся на цену в пять серебряных монет, предлагаемую тупым варваром за эту дивную, чудесную, надежную, великолепную, отменно сработанную упряжь, достойную украшать любого скакуна, включая и небесных коней, что несут по синей тверди светозарных богов.

Словом, разговор вышел увлекательный. Ни одному из участников не хотелось прерывать его, поэтому поначалу Конан даже не обратил внимания на шум, возникший поблизости. Мало ли кто шумит на рынке! Однажды Конан по молодости лет попал в глупую ситуацию. Бросился «спасать» молодую особу от «насильника», а оказалось, что та всего-навсего не сошлась в цене с торговцем-ювелиром. Впрочем, это было давно — несколько лет назад.

Поэтому Конан лишь досадливо покосился в сторону источника шума. Пусть себе ругаются, если заняться больше нечем, но нечего мешать почтенным господам договариваться о цене.

Но тут киммерийца сильно толкнули, так что не обращать внимания на происходящее он попросту больше не смог. Развернувшись в сторону драчунов, Конан отшвырнул одного из них ударом могучего кулака, после чего с удовольствием вернулся к прерванной беседе.

— Я сам назову тебя ублюдком пьяной коровы, если ты не сбавишь цену, — заговорил он с торговцем.

Тот смерил Конана высокомерным взглядом.

— Должно быть, немало дел имел ты с пьяными коровами, если так хорошо разбираешь-

ся... Эй! Осторожней! — оборвал он сам себя, когда один из нападавших рухнул прямо на его прилавок и своротил навес, под которым торговец укрывался от яркого солнца.

Конан понял, что сейчас сделка не состоится. Невозможно разговаривать о делах в подобных условиях. Ну и городок этот Акиф!

Оставив своего собеседника причитать и возмущаться, киммериец наконец ввязался в потасовку.

Он сразу заметил, что часть участников этой свалки — гирканцы, с острыми чертами лица, смуглые и гибкие. Обычно подобные люди бывают рассеяны в толпе, но сейчас они непостижимым образом собирались вместе и в свалке, где, казалось, невозможно поддерживать даже видимость порядка, ухитрялись прикрывать друг друга. Было очевидно, что они действуют заодно.

Все прочие размахивали кулаками, почти не отслеживая, кому достался очередной удар. До ушей варвара донесся пронзительный вопль: кого-то уронили в общей сумятице и начали топтать ногами. Упавший человек отчаянно барахтался на земле, пытаясь подняться, но ему не позволяли: толпа оказалась слишком густой. Скоро крики затихли. Изрядно избитый, человек на четвереньках выбрался наружу. Лицо его превратилось в распухшую подушку, разукрашенную кровоподтеками.

Двое драчунов вцепились в Конана. Одного огромный киммериец сразу отшвырнул от себя, так что человек пролетел четверть полета стре-

лы и рухнул вдали от общей драки, сокрушая своим телом прилавок с пряностями. Душистое облако поднялось в воздух, и рынок огласился криками и чиханьем. У всех, кто оказался поблизости, слезы потекли из глаз, люди мучительно чихали, кашляли, терли глаза и еще больше размазывали по лицу мельчайшие частицы жгучего перца и удущливой корицы.

Хозяин прилавка в бешенстве бегал вокруг. У него тоже слезы лились рекой, но не столько от пряностей — за зимы торговли этим товаром он притерпелся к неожиданным эффектам, который дает соприкосновение с приправами из далеких стран, — сколько от досады. Одним махом погублен товар на сотни золотых! И кто это сделал? Кто виновник случившегося несчастья? Кажется, хозяин убил бы его, если бы встретил...

Но Конан тем временем уже занимался вторым своим противником. Незадачливый драчун напоминал тугое тесто под кулаками усердной стряпухи. Конан вымешал на нем всю свою досаду — и бил его до тех пор, пока тот не начал плеваться кровью. Тогда варвар с гневным рычанием отшвырнул его от себя и огляделся по сторонам в поисках следующей жертвы.

И тут он обнаружил, что драка концентрируется вокруг богатых носилок. Четверо чернокожих невольников, исключительно красивых молодых мужчин, из последних сил удерживали рукоятки носилок. Могучие черные тела лосились от пота, лица были искажены гримасами.

Носилки раскачивались, как утлая лодчонка на море во время шторма.

Негры отталкивали дерущихся от носилок и пытались вырваться из общей свалки, но у них плохо получалось. Единственное, на что они могли рассчитывать, — это удерживать толпу на некотором расстоянии от самих носилок, но вынести своего господина из драки им не удавалось. Толпа наседала.

Конан пригляделся и понял, что в основном к носилкам пытались прорваться гирканцы. Вот один из них проскочил вперед, сразу же вслед за первым появился еще один, с другой стороны... Пригибаясь, озираясь вокруг себя, уворачиваясь от ударов, они рвались к носилкам.

Вдруг заверещал очень высоким, почти звериным голосом один из дерущихся. Толпа отхлынула, и Конан увидел кровь, а почти сразу же вслед за тем — блестящее лезвие кинжала, сверкнувшее в руке одного из гирканцев.

Сравнительно мирная драка превратилась в опасную поножовщину. Гирканцы начали доставать оружие. Стало быть, им чрезвычайно важно добраться до человека, скрывающегося в носилках. А это уже становится интересно...

Конан отшвырнул ближайшего к нему рыночного зеваку и рванулся вперед. Он обрушил удар могучего кулака на голову гирканца, обошел другого и очутился рядом с теми двумя, что подбирались уже к самым носилкам.

Размахивая кинжалом, гирканец приближался к негру-носильщику. Невольник с ужасом

глядел на лезвие. Конан видел, как сокращаются мышцы живота, словно тело человека пытается стать меньше и уйти от неизбежного удара ножом. Тем не менее сам чернокожий оставался на месте. Костяшки его пальцев, удерживающие рукоятку носилок, посерели, крупные капли пота выступили на лице.

Конан понял: этот человек скорее даст себя зарезать, чем бросит носилки. Кто же находится внутри? Какой-нибудь могущественный маг, подчинивший себе волю своих прислужников?

Ухмыляясь, гирканец поднял кинжал. Он был готов нанести чернокожему последний удар и тем самым расчистить себе путь к цели...

В этот миг занавески носилок раздвинулись, оттуда показалась женская ножка в парчовой туфельке. Она сверкнула, как атакующая змея, — стремительно и безжалостно. Гирканец взмыл и выронил кинжал. Женщина, прятавшаяся в носилках, ловко и безжалостно ударила его между ног. Нападавший согнулся пополам и, завывая, отошел в сторону.

Негр перевел дыхание. И тут огромный киммериец пришел к нему на помощь. Ибо вслед за первым гирканцем показался второй, а за его спиной уже маячил третий...

Конан обнажил меч. Это был длинный прямой меч, которым киммериец владел в совершенстве, — как раз подходящий для его могучих рук.

Конан взмахнул мечом и, не колеблясь, нанес удар ближайшему гирканцу. Клинок опустился

на шею нападавшего, и голова покатилась по рыночной площади. Зеваки отскакивали, давая ей дорогу. Никому не хотелось соприкасаться с жутким трофеем. Пыль набилась в глаза и ноздри умершего. Наконец голова остановилась, слепо таращась на продавца конской упряжи. Тот плюнул и ушел, в свою лавку.

Завизжала какая-то женщина. Толпа начала разбегаться.

И тут наконец на площадь явились стражники.

Большими круглыми щитами они оттеснили толпу, заставив ее вернуться на место происшествия. Толпа, выплеснувшаяся было в соседние улицы, опять заполнила площадь. Люди кричали, женщины истерически плакали и умоляли отпустить их домой. Какая-то кухарка повисла на шее капитана стражников, тыча ему в лицо только что купленной рыбой и уверяя, что «хозяйка повесит ее на воротах собственной кухни, если рыба протухнет». Кухарку едва отодрали от капитана, и она, не веря собственной удаче, бросилась бежать по улице — подальше от площади.

Другие оказались менее удачливы. Прокладывая себе дорогу через толпу, стражники приближались к носилкам. Там стоял, тяжело дыша, киммериец. Бездыhanное тело гирканца лежало возле его ног, еще двое, раненые, отползали в стороны и скулили, точно побитые псы. Негры-носильщики настороженно смотрели по сторонам, а человек, прятавшийся в носилках, не давал о себе знать.

— Это твоих рук дело? — осведомился капитан стражи.

Конан посмотрел на изрубленного гирканца и отступил на шаг. Затем перевел взгляд на капитана:

— Уточни свой вопрос. Что именно здесь должно быть делом моих рук?

Капитан указал на труп:

— Вот это.

— Для начала, этот предмет изошел из лона какой-то несчастной шлюхи, которой не достало ума утопить младенца сразу же после рождения, — задумчиво произнес Конан.

Капитан понял, что над ним издеваются, и поднес меч к горлу киммерийца.

— Отвечай, когда тебя спрашивают представители закона!

— Интересно, где были представители закона, когда этот ублюдок пытался прикончить даму в носилках и ее рабов?

— Вопросы задаю я!

— А, — сказал Конан, зевая, — а я не понял.

Ну, спрашивай.

— Кто убил этого человека?

— Если речь идет об этой навозной куче... — Конан указал на труп гирканца жестом философа-созерцателя.

Один из раненых прервал его и подал голос:

— Он набросился на нас! Он убил нашего товарища! Этот варвар — настоящий дьявол!

Капитан нахмурился.

— Я арестую тебя, — обратился он к Конану. — Полагаю, в тюрьме ты станешь более разговорчивым.

И тут занавески носилок наконец раздвинулись, и наружу явилась дама, которая скрывалась внутри.

Она была не слишком молода — лет тридцати, должно быть, и не слишком красива — во всяком случае, явно не входила в число первейших красавиц Хайборийского мира.

Кое-что в ее чертах выдавало гирканское происхождение, и это позволяло предположить, что дама относится к числу аристократии Турана. Кожа ее была светлее, чем у большинства уроженок Акифа, темные волосы отливали медью. Искусно подведенные глаза горели ярко-зеленым цветом. Чуть удлиненные, слегка раскосые, они смотрели на мир удивленно и с откровенной радостью. А улыбка была лучшим ее украшением. Крупный чувствственный рот охотно улыбался — и, должно быть, так же охотно и сладко целовал.

Все эти мысли пролетели в голове Конана, когда он увидел даму. Должно быть, нечто сходное подумал и капитан городской стражи. Впрочем, у капитана появились и другие соображения — он явно знал эту даму.

Помолчав, он чуть отступил назад и поклонился.

— Госпожа Масардери, — произнес он. — Я должен был узнать ваши носилки.

— Немудрено, что в такой суматохе вы их не узнали, — отозвалась она. — Впрочем, теперь недоразумение выяснилось. Этот человек заступился за меня, и я прошу отпустить его. Без его помощи, без его отваги мы с вами сейчас бы, наверное, не беседовали.

— Пфа! — вскричал капитан с видом величайшего презрения и смерил Конана взглядом с головы до ног. — Этот варвар? Я уверен, что большую часть дела сделали ваши отличные чернокожие рабы... Кстати, госпожа Масардери, мое предложение остается в силе. Помните? Я предлагал вам по сорока золотых за каждого.

— Нет, — ответила она кратко. — А теперь позвольте мне и моему другу удалиться.

Она кивнула в сторону Конана так величаво и вместе с тем так просто, что у киммерийца и мысли не возникло возражать. Разумеется, он нашел бы десяток свидетелей, которые высказались бы в его пользу... Но он был в этом городке чужим, к тому же — варваром, так что кое-какие неприятности ему были бы обеспечены. Госпожа Масардери, в свою очередь, предлагала ему свое гостеприимство. Пусть она делала это чесчур настойчиво — вряд ли в ее доме Конану не понравится.

Поэтому киммериец дружески ухмыльнулся капитану стражи и последовал за носилками. Больше всего Конана веселила мысль о том, что капитану предстоит теперь собирать показания свидетелей драки, а также заниматься уборкой площади. Что касается раненых гирканцев, то те

почти наверняка успели скрыться. Поэтому разузнать, кто подослал их к Масардери, не представляется возможным.

* * *

Особняк госпожи Масардери выделялся среди прочих богатых домов Акифа. Это был большой дом с множеством украшений на фасаде. Резные каменные цветы были исполнены с величайшим искусством и вполне могли соперничать с кружевами.

Часть фасада была раскрашена синей и золотой краской, а два окна на верхнем этаже напоминали удлиненные глаза, похожие на глаза хозяйки. Нарисованные ресницы, казалось, вот-вот моргнут, а изогнутые брови над ними выражали радостное удивление.

Конан вошел вслед за рабами во двор. Ворота тотчас затворились, и небольшой садик подарили чудесную прохладу после раскаленного дня на рыночной площади. Носилки бережно опустили на землю, и Масардери вышла наружу. На ней было прямое платье из белого тонкого льна, перехваченное в талии узеньким золотым поясом. Длинные светлые волосы дамы были убраны под кисейное покрывало, подколотое снизу. Весь ее наряд выглядел очень просто и вместе с тем изысканно.

Конан невольно уставился на нее, оценивая эту женщину. Она, разумеется, хорошо понима-

ла значение этого взгляда, потому что улыбнулась ему и погрозила пальцем.

— Будьте скромнее, — приказала она тоном общей любимицы. — Иначе я прикажу убить вас.

— Вряд ли, — фыркнул Конан. Он слишком хорошо знал женщин, чтобы не понять, что нравится ей.

Она вздохнула.

— Вот так всегда... Все мне дерзят. Наверное, я слишком добра.

— Возможно, — не стал возражать Конан. — Сегодня я собственными глазами видел, что ваши люди готовы умереть, но не бросить вас в беде. А это большая редкость.

Она вздохнула, мимолетом оглядев своих негров: все четверо стояли возле носилок, ожидая, пока хозяйка их отпустит отдыхать.

— Великолепны, правда? — спросила Масардери. — Четверо братьев. Их привез мой муж из одной своей дальней поездки...

При слове «муж» лицо Конана чуть омрачилось. Масардери заметила это и покачала головой.

— Он умер, — сказала она просто. — Собственно, об этом я и хотела бы с вами поговорить...

— Я не жрец, чтобы давать утешение dame в подобном деле, — предупредил Конан. — Все, на что вы можете со мной рассчитывать, — это жаркая ночка и... Проклятье, надеюсь, я не оскорбил вас?

Она качнула головой.

— Нет. Мне нравится, когда люди говорят то, что думают. Чем откровенней — тем лучше. Правда не может оскорбить.

— Смотри какая правда, — пробурчал Конан.

— Оставим философию, — перебила женщина. — Полагаю, вы не философ?

— Иногда, — сказал Конан. — Обычно я убийца. Изредка — вор. Случается, командую армиями. Но чаще всего — торчу в каком-нибудь кабаке и пропиваю заработанное...

— Вот такой человек мне и нужен, — сказала Масардери. И снова повернулась к своим рабам. — Я уже говорила вам, что мой муж привез их из одного своего путешествия. Они вполне преданны мне. Наверное, они в меня влюблены. Как вы полагаете, с неграми такое случается?

— Мне доводилось жить среди чернокожих, — сказал Конан. — И могу вас заверить: белые женщины не всегда вызывают у них добрые чувства. Есть племена, которые рассматривают белых людей как нечто крайне непривлекательное, с дряблой кожей неестественного цвета. Нечто вроде гусеницы.

— Гусеницы? — переспросила Масардери, которую явно забавлял разговор. — Никогда бы не подумала! А как же вы? Вы ведь белый человек?

— Вполне белый, если не загораю под солнцем до цвета темной бронзы, — хмыкнул Конан. — Кроме того, я не похож на гусеницу.

— Скорее, на жука, — добавила Масардери, лукаво. Она повернулась к неграм и сделала им

знак, чтобы они уходили. Они удалились, даже не поклонившись ей; очевидно, так было принято в доме.

— Впервые в жизни вижу, чтобы зачинщиком безобразной рыночной драки была дама, да еще такая богатая и — уж простите меня — хорошо воспитанная, — сказал Конан, направляясь вслед за хозяйкой к дому.

Она остановилась и резко обернулась к нему.

— А вы считаете, что зачинщик — я? — осведомилась Масардери.

— После всего, что я видел... думаю, да, — кивнул варвар. — И это самое удивительное из всего.

Масардери взяла его за руку. Ее рука оказалась неожиданно сильной и очень теплой.

— Идемте в дом, — пригласила она. — Для начала я угощу вас обедом. И расскажу, пожалуй, о моем покойном супружке.

Глава вторая Пляшущий золотой мальчик

Сулис женился довольно рано. В его кругу было принято сперва «встать на ноги», обзавестись связями в торговом мире, а уж потом вводить в дом жену. И хоть Сулис и унаследовал немалое состояние, так что особой надобности в том, чтобы «встать на ноги», не имелось, все же его ранняя женитьба вызвала некоторое недовольство родственников.

Хорошо предвидя, какую бурю поднимут они, если прознают всю правду касательно его избранницы, Сулис тщательно замел все следы и представил Масардери своей многочисленной родне как наследницу обедневшего аристократического рода откуда-то из Гиркании. Они даже нашли где-то и повсюду водили с собой на приемы старушку весьма обнадеживающей наружности: сухонькую, со вкусом носившую пожелтевшие кружева и умевшую с осуждающим видом кивать на все, что бы ей ни сказали. Эта старушка считалась родственницей Масардери и

являлась чем-то вроде талисмана. Рассуждая о знатном происхождении Масардери, молодые супруги неизменно указывали в сторону старушки, а та осуждающе кивала, и все вокруг понимали — о да, такое лицо может быть только у очень-очень-очень знатной старой дамы.

Потом старушка скончалась, но представление о древнем происхождении Масардери уже укоренилось в головах ее новой родни.

На самом деле Масардери была танцовщицей из квартал увеселений. Она не помнила ни отца, ни мать; владелица заведения нашла девочку в канаве, неподалеку от городской свалки, куда частенько относят нежелательных отпрысков разные заблудшие служанки и дочери богатых домов.

Сердобольная хозяйка вырастила девочку. Поначалу та занималась уборкой в доме, но когда подросла и сделалась хорошенькой, хозяйка обучила ее танцам и разным хитростям в обращении с мужчинами, и Масардери начала работать с клиентами.

Она не была проституткой в полном смысле слова. Ее задача заключалась в другом: танцуя, исполняя песни, наливая мужчинам выпивку, она пробуждала в них желание; а уж как удовлетворить это желание — знали товарки Масардери по заведению.

Сулис был пленен ее манерой держаться — простой, сердечной, чуть лукавой. Спустя луну он сделал хозяйке предложение, от которого та не решилась отказаться: Сулис вручил ей тыся-

чу золотых монет и забрал Масардери с собой. При расставании обе женщины, молодая и старая, прослезились. Масардери, как и ее приемная мать, понимала: отныне ей вход в это заведение заказан. Ни у кого не должно даже тени подозрения возникнуть насчет прошлого Масардери.

И Сулис увез ее в свой родной город, где представил родственникам как аристократку. Эта игра увлекала обоих, и они немало веселились, глядя, как их родственники-торговцы пыжатся, пытаясь выглядеть более «аристократично».

— Они полагают, что пить следует только разбавленное вино, — хохотала Масардери.

Сулис вторил ей:

— И после каждой фразы добавлять — «к вашим услугам, добрая госпожа»...

Они были по-настоящему счастливы вдвоем, особенно в первые зимы супружества.

Помимо ранней женитьбы, Сулис допустил еще один «промах», с точки зрения традиции: его жена была почти его ровесницей. Обычно супруги богатых купцов бывали лет на двадцать моложе. И когда обоим исполнилось по тридцать, случилось неизбежное: Масардери начала увядать, а Сулис только-только расцвел.

Несколько раз ей казалось, что муж начал поглядывать на более молодых девушек. Масардери не была ревнива — ее воспитание полностью исключало подобные чувства. Но все же ей было неприятно.

Впрочем, Сулис продолжал оставаться заботливым и милым. Из своих многочисленных поездок он постоянно привозил ей подарки и в том числе — тех четверых братьев-негров, которым были поручены носилки госпожи. Она по-прежнему вызывала зависть окружающих: красивая, богатая,зывающе простая... истинная аристократка!

Единственное, чего не доставало Масардери и ее супругу, были дети. Как они ни старались, наследник все не появлялся на свет. И за спиной у Масардери уже начали перешептываться: мол, аристократы всем хороши, но иной раз вырождаются.

А все гордость! От гордости братья женятся на сестрах, чтобы не пускать в семью посторонних — и вот результат! Богам не угодны подобные браки и подобные семьи. Вот и случается бесплодие.

Да, не повезло Сулису. А все потому, что нарушил обычай. И для чего ему было гнаться за аристократизмом? Взял бы в жены простую девушку, с хорошим приданым, здоровую и молодую...

Сулис начал грустить. Как-то раз Масардери предложила ему:

— Возьми наложницу. Посмотрим, сумеет ли она родить тебе сына. И если да — то объяви его своим наследником. Я не буду против.

— Ты забываешь о том, что все эти разговоры о «вырождающейся аристократии» не имеют к тебе никакого отношения, — возражал Сулис.

— И правда! — улыбалась она. — Я и забыла, что мое происхождение выдумали мы с тобой...

— А если это моя вина? — продолжал Сулис. — Наложница только подтвердит то, что я сам подозреваю... И для всего города сделается очевидным, кто из нас двоих бесплоден. Какой позор для меня!

Масардери обняла мужа и прошептала:

— В таком случае, пусть все останется как есть. Я согласна считаться бесплодной, лишь бы ты не подвергался унижению.

И Сулис понимал, что судьба одарила его настоящим сокровищем.

Во время своей последней торговой поездки в Вендию он задержался чуть дольше, чем этого требовали дела. Ему хотелось привезти жене какой-нибудь особенный подарок. Что-то удивительное. Такое, от чего она всплеснула бы руками и радостно рассмеялась, а потом расцеловала бы его.

Но что купить ей? У них, кажется, имелось в доме все. Драгоценности — ожерелья из изумрудов и рубинов, алмазные диадемы, браслеты для запястий и щиколоток изумительной работы, с бубенчиками, с инкрустациями из слоновой кости и эбенового дерева... Шкатулки работы самых различных мастеров, от Кхитая до Шема... Ткани — тончайшие шелка, почти прозрачные, изящный прохладный лен... Узорчатые покрывала, керамические и металлические сосуды, статуи из всех стран, где только побывал Сулис...

Так что же может удивить Масардери? Он

побывал в нескольких городах Вендии прежде чем отыскал действительно красивую вещь. И самое странное — ему не пришло за нее платить, ибо он отыскал ее в глухих вендейских джунглях, посреди заросших травой развалин какого-то давным-давно заброшенного храма.

Зрелище поразило купца. Он пробирался со своим караваном по джунглям. Проводник оказался пьяницей, ни к чему не годным и к тому же полоумным. Он свернул с тропы, объявив, что знает более короткий путь, — и, разумеется, завел караван в чащобу. Несколько дней кряду путешественники вынуждены были прорубаться сквозь джунгли. Двое носильщиков погибли, укушенные ядовитыми змеями, и сам Сулис едва избежал смерти, когда наступил на гнездо земляных ос, чрезвычайно злых и также ядовитых. Они изжалили проводника, и тот распух так, что его пришлось нести вместе с товаром, уложив на носилки.

Сулис понимал, что обязан подавать своим людям пример стойкости и твердости, поэтому когда караван остановился и люди в изнеможении попадали на землю, хозяин вызвался пройти вперед и разведать дорогу. Его провожали взглядами, полными тоски и отчаяния. Люди уже не надеялись выбраться из этой ловушки. Проводник бредил и не понимал, когда к нему обращались.

Сулис сделал десяток шагов и очутился на большой поляне. Он споткнулся и понял, что некогда здесь имелось каменное строение. Его

чуткие пальцы нащупали резной камень, наполовину ушедший в землю и заросший растительностью. Сулис огляделся и вдруг яркий золотой блеск привлек его внимание. Как будто какой-то озорник пустил солнечного зайчика прямо в глаза чужестранцу.

Сулис выпрямился. Да, он не ошибся. Среди густой зелени, в самой гуще развалин, стояла маленькая золотая статуэтка, изображающая танцующего мальчика. Она была выполнена с таким искусством, так тщательно, что невольно хотелось взять ее в руки, провести пальцами по гладкой поверхности статуи.

Сулис приблизился и протянул к ней руки. Статуэтка была размером в локоть, не выше, но оказалась очень тяжелой. Сулис, хоть и был человеком довольно крепким, с трудом поднял ее. Он внимательно рассмотрел ее, медленно вращая перед глазами. Статуэтка являла собой совершенство. Никогда прежде Сулису не доводилось видеть таких изысканных, таких чистых линий.

Мальчик застыл в сложной танцевальной позе, поджав под себя одну ногу и вывернув ступни и ладони в особых положениях. Неведомый мастер изобразил цветочный узор на набедренной повязке мальчика и тонкие кисточки, украшающие ее по нижнему краю. Видны были и браслеты на ногах и руках танцора. Лицо мальчика, тонкое и красивое, приветливо улыбалось, глаза, казалось, постоянно следили за наблюдателем.

Внезапно Сулис понял, что ничего в жизни так не желал, как завладеть этой статуэткой. Сейчас он уже не расстался бы с нею ни за какие блага мира. Поэтому, невзирая на то, что она была очень тяжелой, он все же взял ее с собой и вернулся к своим спутникам. Теперь он был совершенно уверен в том, что выберется из джунглей.

Сулис всегда хорошо находил дорогу. Он нарочно оставлял очевидные приметы: ломал ветки, привязывал к деревьям обрывки лент и ветревок, бросал приметные цветные камни.

Но сейчас сколько бы он ни старался, он не мог отыскать пути назад. Он звал тех, кого оставил на поляне, кричал, пока не охрип, но никто ему не откликался. Хуже того, Сулис не мог отыскать собственных примет. Ни зарубок на стволах, ни ленточек на ветках.

Он сделал еще десяток шагов и огляделся. Поднял голову. Высоко в небе кружила птица, как бы растворенная солнечным светом. Это было все, что он видел сквозь густую листву.

Сулис прищурился. Статуэтка, которую он держал в руках, давила на локти, гнула его к земле. Казалось, с каждым мгновением она делается все тяжелее.

Вдруг какой-то странный маленький предмет бросился Сулису в глаза. Он стремительно наклонился и поднял его. Это был обрывок ткани — несомненно, тот самый, который был оставлен здесь самим Сулисом. Но что это? Почему он так выцвел? Создавалось впечатление, что его

вымачивало дождями и трепало ветрами на протяжении долгих-долгих дней...

А вот еще одна примета — зарубка на стволе бамбука. Но только Сулис оставлял ее на высоте своего роста, а теперь бамбук вымахал так, что зарубка «уехала» на еще одну длину его роста...

Как такое могло случиться? Он ведь отсутствовал не более колокола! Со щемящим сердцем Сулис пошел вперед. Он не ошибся, он правильно избрал направление. Но в этих колдовских вендейских лесах явно что-то произошло. Что-то непостижимое. Сулис боялся даже думать о случившемся. Сколько же его не было на поляне? А вдруг минуло уже несколько столетий, и он никогда больше не увидит свою милую жену Масардери?

Мысль об этом показалась ему невыносимой, и он почти побежал сквозь джунгли, не боясь даже потревожить неосторожным движением ядовитых змей и не менее опасных насекомых.

Вот и поляна. Весь товар с нее исчез, если не считать тюка наполовину стгнившей ткани — видимо, носильщики сочли эту ношу чересчур тяжелой и бросили здесь, а все прочее прихватили, сочтя хозяина погившим.

На остатках носилок Сулис обнаружил также человеческий скелет. Вероятно, бедолага проводник все-таки умер на этой поляне, и его тело по просту бросили. А может быть, носильщики остались его еще живым, не пожелав тащить дальше бесполезную тушу.

Сулис смотрел на оголенные человеческие

кости, и отчаяние прокрадывалось в его душу. Он поставил золотую статуэтку на землю, сел рядом и долго, безутешно плакал. Как ни странно, слезы придали ему сил. Спустя поворот клепсидры он уже готов был идти и бороться за свою жизнь — чего бы ему это ни стоило!

Поскольку он лишился всех своих товаров, решение взять с собой драгоценную золотую статую крепло с каждой терцией. Сулис взвалил ее себе на плечо и зашагал через джунгли.

Милостивые боги были снисходительны к нему — а может быть, на какую-нибудь из богинь произвела впечатление его твердая решимость добраться до людей, до родного города и жены. Как бы там ни было, а скоро Сулис уже выбрался на грунтовую дорогу и спустя несколько колоколов стучал в дверь небольшого, но вполне ухоженного постоялого двора.

Хозяин встретил Сулиса весьма приветливо. Когда гость сообщил, что денег у него с собой немного — только то, что оставалось в поясе, когда он расставался со своими спутниками, — хозяин вздохнул, но не отказал ни в пище, ни в ночлеге.

— Мне и прежде доводилось пускать к себе людей совершенно бесплатно, — сообщил он. — Ничего не поделаешь, зато с кого-нибудь другого сдеру за услуги три шкуры. — Он улыбнулся, однако Сулис понял, что тот не шутит. Что ж, не Сулису осуждать хозяина — не может ведь он допустить, чтобы благотворительность разорила его! — Заходи, господин, и отдыхай. Я вижу, что

ты проделал долгий путь. А кто это с тобой? Обезьянка из джунглей?

— Нет, это статуэтка... Я нашел ее в развалинах какого-то древнего храма, — объяснил Сулис. Он нахмурился. Странно, что хозяин не разглядел золотого сияния статуи.

Хозяин прищурился.

— Больно уж неказиста твоя находка. Стоило ли тащить ее с собой? И послушай моего совета: коль скоро ты обнаружил ее в одном храме, лучше бы тебе оставить ее в другом. Так надежнее. Боги — плохие спутники для людей. Особенно чужеземные боги, а ты ведь не вендиец, хоть и часто здесь бываешь и говоришь по-нашему очень недурно.

Сулис устало улыбнулся. Его находка неказиста? Да это самая прекрасная вещь из всех, что ему доводилось видеть! Сулис очень устал и потому решил не мучить себя раздумьями насчет этих слов хозяина. Мало ли что! Он уже сталкивался с тем, что одно и то же явление представляется в одних странах прекрасным; а в других — отвратительным. Например, многие обезьяны считаются в Вендии священными животными, а в Аквилонии те же обезьянки служат для забавы богатых дам. Или пузатые кхитайские полубожки. Кхитайцы находят их очаровательными, а в Бритунии они не вызывают ничего, кроме неприязни.

Может быть, золотой мальчик показался хозяину некрасивым именно в силу этого различия обычаев и представлений о прекрасном?

В глубине души Сулис знал, что ошибается. Такое совершенство, да еще воплощенное в золоте, никому не может показаться отвратительным. Но в тот момент он предпочитал не думать о возможности других объяснений.

Поэтому Сулис молча поставил свою находку на пол и уселся на циновки, а хозяин принес ему тушеных овощей на лепешке и большой кувшин со свежим молоком. Эта трапеза показалась Сулису самой прекрасной из всех, какие только доводилось ему вкушать.

Насытившись и немного передохнув, он стал расспрашивать о своих спутниках. Хозяин, размыслив, припомнил: да, из леса выходили носильщики с грузом. Они выглядели так, словно вырвались из пасти ада. Их одежда была истрепана, тела истощали, на лицах написано отчаяние: Впрочем, с собой они несли кое-какие товары, которыми и расплатились за ночлег и еду. Они отдыхали здесь почти седмицу. Говорили, что заблудились в джунглях и потеряли несколько человек, в том числе и хозяина.

— Как давно это случилось? — в волнении спросил Сулис.

Хозяин подвигал бровями, припоминая.

— Это было еще до сезона дождей, — сказал он наконец. — В начале года...

— А сейчас? Какое время года сейчас?

— Сезон дождей миновал. Сейчас — окончание года.

— У тебя сохранилось что-нибудь из тех вещей, которые они несли с собой?

— Да, поскольку именно товаром они и расплатились со мной за услуги... Почему эта история так взволновала тебя? Неужели то были твои спутники?

— Скажу точно, когда увижу вещи.

Хозяин, явно заинтересованный происходящим, принес шкатулку и раскрыл ее. Сулис взял ее трясущимися руками. Эта вещица, несомненно, была ему знакома. Он сам покупал ее. И рубиновое ожерелье он узнал.

— Да, это мои вещи, — сказал он наконец, возвращая шкатулку хозяину.

Тот следил за купцом настороженно. Сулис понял, о чем думает его собеседник, и вымученно улыбнулся ему:

— Не бойся, я не стану предъявлять своих прав на эти предметы. Мои слуги обокрали меня, думая, что я мертв. Не могу осуждать их, ведь я действительно пропал очень надолго. А ты был добр к ним и ко мне и, стало быть, заслужил награды...

— Рад, что ты так думаешь, господин, — улыбнулся хозяин. — Мне весьма не по душе бывает убивать постояльцев, когда они проявляют несговорчивость.

— У тебя нет оснований убивать меня, — кивнул Сулис. — Я очень сговорчив. И я благодарен тебе.

Он растянулся на циновке и погрузился в сон. Хозяин несколько мгновений рассматривал своего гостя, доверчиво спавшего возле его ног, а затем повернулся и бесшумно вышел.

О том, что произошло дальше, Сулис сохранил лишь смутные воспоминания. Ему снилось — а может быть, это происходило на самом деле, — что его обнимают чьи-то ласковые руки. Во сне он ощущал тепло чужого тела и чьего-то дыхания поблизости. Наутро все исчезло. Когда Сулис проснулся, солнце пробивалось во все щели, что имелись в стенах и крыше дома, золотая статуэтка по-прежнему стояла возле ложа, а хозяин сидел поблизости, скрестив ноги, и созергал своего постояльца.

Сулис сел, потер лицо руками.

— Долго ли я спал?

— Достаточно, чтобы отдохнуть, — ответил хозяин. — Я дам тебе немного денег в дорогу и укажу верный путь к караванной тропе. Присоединишься к какому-нибудь каравану и доберешься до дома без помех.

— Ты очень добр, — сказал Сулис.

Хозяин пожал плечами.

— Твое рубиновое ожерелье стоит тысячи такихnochlegov, так что я не останусь внакладе.

Сулис взял с собой десяток лепешек, завернул статуэтку в льяное покрывало и с узлом за спиной зашагал по дороге. Спустя несколько лун он уже был в Акифе.

* * *

— И эта статуя до сих пор у вас? — спросил Конан.

Масардери кивнула. Киммериец с интересом

уставился на нее. Эта женщина нравилась ему. Она вспоминала своего умершего мужа с любовью, спокойно и чуть печально. Было очевидно, что она очень любила его, однако, утратив любимого человека, отнюдь не намерена хоронить себя заживо.

— Я мог бы увидеть ее? — продолжал киммериец.

— Всему свое время, — ответила она. — Мой рассказ еще не закончен. Но вы правы, эта статуя действительно играет большую роль в жизни и смерти моего мужа. Я храню ее в особенной комнате, куда никто не входит без надобности.

Разумеется, я была вне себя от счастья, когда Сулис неожиданно возвратился из Вендии. От него не поступало вестей больше года, и все уже считали его погибшим. Все, кроме меня. Я продолжала надеяться. Родня моего мужа пыталась даже наложить руку на его состояние. Меня уверяли, что он уже не вернется, что я обязана выйти замуж за одного из членов их семьи, дабы нажитое Сулисом не перешло к каким-нибудь чужим людям... Одни боги знают, сколько я вынесла!

Глаза женщины зло блеснули. Она покусала губы, а затем быстро улыбнулась.

— Впрочем, все позади. Я устояла, а это главное. Они остались ни с чем... Сулис прибыл в дом, такой загоревший и исхудавший, что его едва можно было узнать. Он потерял довольно много денег на этой поездке, но главным было его возвращение. Он был со мной — больше ни-

чего не требовалось! И еще эта статуэтка. Я влюбилась в золотого мальчика сразу же, как только увидела его. Сулису не потребовалось объяснять мне, почему он, невзирая на все тяготы пути, не продал эту статуэтку и стойко тащил ее на плечах. А ведь большую часть пути он проделал пешком! И все же он донес фигурку до дома.

Некоторое время мы просто наслаждались обществом друг друга. Друзьям и родственникам мы объявили, что Сулис нуждается в отдыхе. Спустя луну, впрочем, мы вновь начали показываться везде вдвоем и открыли двери нашего дома. Начались приемы. Многие приходили просто для того, чтобы увидеть статуэтку. Слухи о том, как Сулис спасся и какие чудеса стойкости проявил, разошлись по всему Акифу.

Мы выслушали много добрых пожеланий и еще больше глупостей. Что ж, в своем роде то была расплата за подвиг моего мужа.

Но худшее ожидало впереди...

* * *

Силы постепенно возвращались к Сулису, хотя теперь он реже отлучался из дома и нанял несколько дополнительных работников, чтобы те вели переговоры с покупателями вместо него. Масардери видела, как изменило мужа последнее путешествие в Вендию. Сулис явно подумывал о том, чтобы отойти от дел и уйти на покой. Разве у них недостаточно денег, чтобы провести остаток дней в праздности? Коль скоро детей у них нет, не для кого и беречь достояние, так что

они могут позволить себе растратить большую часть имущества на собственные удовольствия.

Приняв такое похвальное решение, Сулис начал воплощать его в жизнь. Масардери поддерживала мужа во всем.

Однако продолжалась их идиллия недолго. Спустя пару лун после возвращения Сулиса, в дом к нему пожаловал некий человек, который представился торговцем древностями. Он не желал и слушать о том, что хозяин не принимает, уверял, что не задержит надолго, и сулил приятную и любопытную беседу, ничего более. В конце концов Сулис согласился принять его.

Торговец назвал свое имя — Друэль. Это был сухощавый человек лет пятидесяти, с крупными чертами лица, как будто иссущенными солнцем и ветрами. «Такое впечатление, будто его вялили вместе с рыбой», — подумала Масардери, увидев Друэля впервые.

Друэль некоторое время восхищался всем, что видел. Он восторгался напитками и фруктами, хотя в них не было ничего особенного. Он созерцал интерьер комнаты, где его разместили хозяева, и радостно щекотал языком. Он вертел головой, ахал, охал, прикасался ко всем драгоценным безделушкам, какие только попадались ему на глаза...

Словом, держался как человек, впервые очутившийся посреди настоящей роскоши, о которой прежде мог только слышать.

Супругам его поведение показалось наигранным. Впрочем, зная, что человек, внешне выгля-

дящий фальшиво, может на самом деле быть вполне искренним, Сулис не спешил с выводами.

Друэль заговорил о Вендии. По его словам, Вендия была страной его мечты. О да, ни о чем другом Друэль так не мечтал, как только о Вендинии. Вот бы там очутиться! Вот бы краешком глаза посмотреть на ее хваленые сокровища!

— Вы напрасно считаете, друг мой, будто Вендия полонится сокровищами, — пытался возражать ему Сулис. — Это очень интересная, несомненно, богатая страна, но рассказы о том, будто сокровища можно обрести там просто на дороге, подняв то, что лежит у вас под ногами, — несколько преувеличены.

— Все, что я слышал о Вендии, говорит об обратном, — не хотел верить Друэль. — Болтают, будто в джунглях можно наткнуться на заброшенный дворец или храм, где уже тысячи лет не ступала нога человека. Там, если хорошенко поискать, легко обнаружить драгоценности и великолепные статуи, к которым никто не прикасался на протяжении бесконечно долгого времени. Нет наследников! Нет никого, кто предъявил бы свои права на эти сокровища! Вот где человек может стать богатым...

— Или потерять все, включая и самую свою жизнь, — перебил его Сулис. — Как вам хорошо известно, я недавно вернулся из Вендии. Если говорить честно, то я едва унес оттуда ноги. Благодарю покорно! Никогда больше не отправлюсь я в подобное путешествие. И если вы хотите получить от меня добрый совет, так вот он:

никогда не предпринимайте подобной поездки без надежных проводников, без опытного советчика и, по возможности, запаситесь каким-нибудь благосклонным магом... Не верьте тому, что слышите на рынках. Люди легковерны и распускают самые глупые слухи...

Он вздохнул.

— С тех пор, как я вернулся оттуда, я чувствую постоянную усталость. Она не проходит после отдыха в постели, она не отпускает меня никогда.

Глаза Друэля блеснули.

— Но, говорят, вы привезли из Вендии неоценимое сокровище!

— Вы о статуэтке? — Сулис махнул рукой. — Да, это очень красивая вещица. Мне хотелось порадовать жену необычным подарком... Но даже радость моей жены не окунила тех жертв, которые я принес ради того, чтобы завладеть статуэткой.

— Говорят, вы провели в том заброшенном храме полгода и даже не заметили, как прошло время, — быстро проговорил Друэль и вдруг краска залила его бледное лицо.

Сулис нахмурился.

— Кто это говорит? — спросил он.

Друэль отвел глаза и смущенно произнес:

— Ну... Это же очевидно. Вы и сами не понимаете, как вышло, что потеряли весь товар и носильщиков... и вернулись пешком... такие вещи случаются в джунглях... я слыхал... быть может, не от вас, но...

Сулис смотрел на гостя все более мрачно.

Ему вдруг начало казаться, что Друэль знает куда больше, чем говорит.

— Кто вы такой? — резко спросил Сулис.
Друэль поежился в кресле.

— Я не вполне понял ваш вопрос, — отзвался он, рассматривая бокал, который держал в руке. — Кажется, я называл свое имя и род занятий. Меня зовут Друэль, я торговец редкостями и диковинами. Не стану скрывать, ваша история меня очень интересует, господин Сулис. Более того, я желал бы купить ту золотую статуэтку, которую вы привезли из Вендии. Это необходимо, — добавил он странным тоном.

Сулис рассмеялся. Смех его прозвучал деревянно, как бы надломленно.

— О чём вы говорите? Я претерпел столько лишений ради того, чтобы доставить эту вещь домой! Неужели все это только чтобы, даже не насладившись как следует обладанием, тотчас отдать ее в чужие руки? Ни за что! К тому же я преподнес ее в дар моей жене, так что она принадлежит, в общем и целом, не мне, а госпоже Масардери. Можете спросить у нее. Возможно, она окажется более гговорчивой.

Он усмехнулся, заранее зная, каким будет ответ жены.

Однако Друэль отнесся к совету совершенно серьезно и повернулся к Масардери.

— Что скажете, госпожа? Не согласитесь ли продать мне статуэтку? Я дал бы хорошие деньги.

— Это подарок мужа, — возмутилась Масардери. — Я не имею права расстаться с ним!

— Что ж, — не скрывая своего разочарования, Друэль поднялся с кресла, — не буду больше злоупотреблять вашим гостеприимством. Было приятно побеседовать. Доброго вечера!

Он раскланялся и вышел.

Едва за ним закрылась дверь, как Сулис устали кивнула своей супруге.

— Ты была великолепна, дорогая!

— Ты уверен, что мы правильно поступили, не согласившись на предложение?

— О чем ты говоришь! — воскликнул Сулис. — Мы ведь уже все обсудили. Эта статуэтка останется в доме — и точка. Я слишком многое пережил ради нее.

— Может быть, даже чересчур многое... — вздохнула Масардери. — Ты дурно выглядишь. Пойдем, я уложу тебя в постель.

Он оперся на ее руку и вдруг пошатнулся. Масардери почувствовала, что рука его горит, как в огне. Сулис провела ладонью по лбу.

— Испарина, — он улыбнулся жене чуть виновато. — В последнее время все чаще. И перед глазами какие-то неприятные круги...

— Должно быть, лихорадка, — предположила Масардери. — Я разбуджу служанку, чтобы она приготовила целебные отвары. И посижу рядом с тобой.

— Был бы признателен.

Он не лег, а, скорее, рухнул в постель. Перепуганная служанка вскипятила воды и заварила целебных трав, купленных на рынке и, по заверениям торговца, помогающих победить жар и

лихорадку. Масардери действительно устроилась возле постели мужа и всю ночь меняла холодные компресссы на его пылающем лбу. Под утро она ненадолго забылась сном, а когда проснулась, Сулис был уже мертв.

Отчаянию Масардери не было конца. Она рыдала, упав на тело мужа, и служанке с трудом удалось оттащить ее от трупа.

Едва прияя в себя, Масардери послала за городской стражей.

Капитану она объявила, что муж ее был отравлен и указала на вероятного виновника.

Капитан выслушал даму с большим вниманием. Сулис был известным и уважаемым в городе лицом, его супруга, как известно, — аристократка. Смерть такого человека не могла не произвести волнения во всем Акифе.

— Вчера этот Друэль настойчиво желал купить у нас редкую вещь, которую мой муж нашел в одном из заброшенных вендинских храмов и привез сюда. Он был назойлив, этот Друэль, и почти требовал, чтобы мы отдали ему статуэтку. Разумеется, мы решительно отказали. Тогда он почти угрожающе сказал, что ему «очень жаль» и сразу же удалился. Едва он вышел за дверь, как моему мужу стало худо. Я провела ночь возле его постели, но ничего не помогало, ни лекарства, ни компресссы, ни даже моя любовь — к утру он скончался.

— Это очень похоже на отравление, — кивнул капитан. — Друэль, вы говорите? Весьма странно, госпожа Масардери.

— Что именно вы находите странным? — осведомилась вдова.

— Дело в том, что Друэль хорошо известен в определенных кругах. Он назывался торговцем, собирателем диковинок? Какая наглая ложь! Это был жулик и проходимец. Время от времени ему удавалось какое-нибудь ловкое мошенничество. Нам еще ни разу не пришлось схватить его за руку, так хитро он все устраивал. Тем не менее его истинное лицо для нас не загадка. Несколько лет я пытался схватить его с поличным. Впрочем, до сих пор он никогда еще никого не убивал. Пару раз он вступал в браки, раза три продавал свободных женщин... Все это догадки, доказательств нет. Но одно я могу сказать точно уже сейчас: денег на покупку по-настоящему дорогой и ценной вещи у него не имелось. Он жил в дешевой гостинице на окраине города. Мы следили за ним.

— Возможно, деньги у него были, просто он хорошо их прятал, — предположила Масардери.

Тщательно скрывая раздражение от того, что богатая дамочка пытается изображать из себя блюстителя порядка и даже имеет какое-то мнение касательно хода расследования, капитан возразил:

— Видите ли, человек может прятать деньги. Человек может скрывать свое богатство. Ради этого он может носить лохмотья, жить в трущобах. Но он не станет голодать и питаться требухой.

— Возможно, — кивнула Масардери.

— Нет, денег у него не было. Он даже брал в долг. Здесь какая-то другая игра...

— Давайте навестим его и спросим, — предложила Масардери. — Вряд ли мы что-нибудь потеряем!

Капитан поразмыслил немного, а затем махнул рукой.

— В данной ситуации это единственный выход, — сказал он. — Я арестую его по подозрению в убийстве, а если он будет молчать или отпираться, подвергну пыткам. Это быстро развязывает ему язык. Как все обманщики, он боится боли.

— А кто ее не боится?

— Очень немногие. Самые большие трусы, впрочем, — убийцы, особенно жестокие. Жулики не столько трусливы, сколько благородны. На это благородумие я и рассчитываю.

* * *

Комната, которую снимал Друэль, действительно была весьма убогой.

Масардери плотно закуталась в вуаль и закрыла рот и нос, опасаясь, как бы царящее здесь зловоние, не убило ее. Капитан, привыкший к жутким зрелищам и неприятным запахам; отнесся к увиденному куда спокойнее, но и он был потрясен, когда они вошли в помещение.

Это была крохотная каморка на верхнем этаже полуразвалившейся гостиницы, где обитали по преимуществу дешевые проститутки и неудачливые воры. Капитан был прав: даже если

человек хочет скрыть, что у него есть деньги, он не станет по доброй воле селиться в подобной дыре. Всегда можно отыскать логово поприличнее. Хотя бы почище.

— Друэль? — удивленно переспросил хозяин, когда капитан обратился к нему с вопросом о постояльце. — Да, есть такой... А зачем он вам?

Капитан показал ему оружие.

— Лучше бы тебе, дружок, не задавать лишних вопросов. Я — капитан городской стражи, и у меня есть дело к этому Друэлю, так что показывай, где его комната.

— Я провожу господ, — пробормотал хозяин, поспешно вытирая о фартук грязные руки. — Разумеется, не все мои постояльцы честные люди, и я об этом догадываюсь, но я бедный человек и не лезу в то, что меня не касается...

— Довольно, — оборвал капитан. — Просто показывай его комнату. Когда он вчера вернулся домой?

— Незадолго до полуночи, — охотно ответил хозяин. — Это может подтвердить и моя служанка.

— Хорошо, хорошо...

Капитан остановился перед дверью, которая, судя по всему, даже не была заперта.

— Здесь.

Хозяин поспешил отойти в сторону. Ударом сапога капитан распахнул дверь. Жуткое зловоние вырвалось из комнаты, точно злой дух. Масардери побледнела под своим покрывалом.

Капитан бесстрашно вошел в помещение. Стены комнаты были покрыты какой-то зеленой

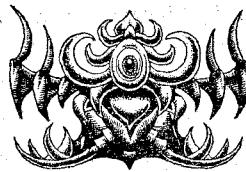

склизкой плесенью, которая медленно сползала на пол. Вещей здесь не было, если не считать разбросанной по полу одежды. Масардери с содроганием узнала полосатый халат, в который Друэль был облачен вчера. Странно, что в роскошной гостиной дома Сулиса не бросались в глаза прорехи этого халата. А ведь это не столько одежда, сколько грязная тряпка, не годная даже для того, чтобы протирать ею пол! Как же вчера они с мужем не заметили этого столь очевидного обстоятельства? Наверняка здесь действовала какая-то злая магия, решила Масардери.

Она не сразу поняла, что именно лежит на кровати посреди комнаты, а когда поняла, то вскрикнула и выбежала вон.

Потому что бесформенная куча тряпья и какого-то гнилого мяса была трупом Друэля. «Торговец редкостями» выглядел так, словно пролежал здесь мертвым уже несколько дней.

Глава третья Нападение

Косле того, как Друэль был найден мертвым, рассказ Масардери стала вызывать сомнение у всех, начиная с капитана городской стражи. Масардери поняла, что отношение капитана к ней изменилось, тотчас же после того, как они покинули злополучную гостиницу. Теперь он посматривал на вдову с подозрением и подолгу молчал прежде чем ответить на какой-либо ее вопрос.

Наконец она не выдержала:

- Скажите же наконец, что происходит?
- Вам видней, госпожа, что здесь происходит, — был многозначительный ответ.

Она не произнесла больше ни слова. Было слишком очевидно, что во всем случившемся теперь подозревают ее саму.

Впрочем, никаких оснований обвинять Масардери в том, что она отравила своего мужа, а затем для чего-то расправилась с жуликом по име-

ни Друэль, не было. Поэтому история постепенно заглохла.

Масардери догадывалась о том, что городская стража время от времени присматривается к ней. Капитан при встречах с ней раскланивался, но по его лицу она видела: он только и ждет, чтобы она выдала себя каким-нибудь неосмотрительным поступком.

Однажды она даже получила письмо, в котором «некий неизвестный друг» предупреждал ее: «Весьма вероятно, Друэль знал некую тайну, связанную с Вами, госпожа. Берегитесь, как бы еще кто-нибудь не узнал эту тайну! Равно как и тайну смерти самого Друэля. Будьте осмотрительны».

Она бросила это письмо в огонь. Какие глупости! Какую бы тайну ни вывел Друэль, это не нарушило бы отношений Масардери с супругом, так что он мог говорить обо всем совершенно свободно. Что касается других «друзей»... Какая ей разница, что о ней станут говорить? Она потеряла самое дорогое, что было в ее жизни. Ничего худшего случиться уже не может.

Но Масардери ошибалась. Она слишком любила жизнь, чтобы оставаться безразличной к чьим-то попыткам отнять ее.

А покушения начались вскоре после гибели Сулиса — через день или два после того, как вдова получила таинственное письмо.

Был вечер. Масардери попросила старого слугу принести хрустальные фигурки, изображавшие воинов, дам, осадные орудия и крепости, а

также игральную доску. Они расставили фигурки на доске и принялись играть.

Масардери любила эту игру, которая напоминала ей о муже. Он купил эти фигурки в Аграпуре. Там его и научили играть. Он весело смеялся, когда Масардери, увидев подарок, принялась гадать — для чего бы могли предназначаться столь странные предметы.

— Неужели это какие-то магические приспособления? — удивлялась она. — Но для чего? Наверное, для любовных заклинаний! Вот эта дама — я, а воин — ты. А крепость — это моя неприступность, что до осадное орудия, то это....

— Тс-с, — с улыбкой он положил ладонь ей на губы. — Ты почти угадала. Это игра. В Аграпуре говорят, что это игра полководцев и королей, а шепотом прибавляют: «И любовников», ибо в ней действительно речь идет о крепостях и осадах, о битвах и наградах.

И вот теперь Сулиса нет, а его подарок — игра королей и любовников — остался...

Старый слуга хорошо умел распоряжаться этими фигурками. Когда Масардери была на прогулке или занималась каким-нибудь важным делом со своей портнихой, Сулис играл со слугой.

— Тебе, кажется, непривычно сидеть за доской со мной? — грустно обратилась к слуге Масардери.

Он кивнул.

— Нам всем не хватает господина, но с этим ничего не поделаешь. Надеюсь, боги хорошо

приняли его в своих чертогах, потому что сам он всегда почитал богов.

— Особенно Деркето, — добавила Масардери, делая первый ход.

Небольшая гостиная, где они устроились, была обставлена изящно и удобно. Мягкие низкие кресла с подлокотниками помогали расслабиться и настроиться на отдых, столик из черного дерева, инкрустированный перламутром, разместился между креслами, и на нем стояли кувшин с разбавленным вином и блюдо с фруктами и сладостями. Свечи потрескивали в серебряных подсвечниках.

Неожиданно странный низкий звук прокатился по дому. Масардери замерла с хрустальной фигуркой дамы в руке.

— Что это?

Слуга пожал плечами. Он выглядел обеспокоенным.

— Не знаю. Впервые слышу. Прежде такого не было.

— Может быть, ветер завывает в трубе? — предположила хозяйка.

— Труба на кухне, и когда сильный ветер, звук все равно сюда не доносится, — возразил слуга, прислушиваясь.

Стало тихо. Масардери вздохнула:

— Должно быть, нам почудилось.

Она сделала ход, слуга ответил. Игра началась.

Спустя полтерции звук повторился. Низкое горловое рычание, в котором слышались угроза

и лютый голод, приблизилось. Женщина побледнела.

— Что это может быть?

Слуге не понадобилось отвечать. Дверь в гостиную распахнулась, как от толчка, и в комнату ворвался огромный леопард. Точнее, это был настоящий монстр, в полтора, если не в два раза больше обычновенного хищника.

В Венгрии, да и в Иранистане богатые и знатные люди иногда держат у себя гепардов и леопардов. Эти животные, если вырастить их среди людей с раннего детства, привыкают к своим хозяевам и ведут себя почти как собаки. Их используют и для охраны, и во время охоты. Исключительно красивые и страшные, ручные хищники, находясь рядом с человеком, как бы подчеркивают его мужество, отвагу, его власть над всеми, даже над дикой природой.

Но эта тварь не была похожа на обычного домашнего леопарда, по какой-либо причине вырвавшегося на свободу.

Нет, то было нечто ужасное, только имевшее облик леопарда. И самым жутким показался в тот миг обоим жертвам именно его огромный размер.

Животное присело на пороге, хлеща себя по бокам длинным хвостом. Оно прижало уши к голове и оскалило желтоватые клыки. Масардери как завороженная глядела на эти клыки: левый был чуть обломан, зато правый мог поспорить с длинным острым кинжалом.

В самом чреве зверя зародился рык. Мощные

лапы согнулись, гибкое тело вытянулось — хищник приготовился к прыжку.

Старый слуга схватился за саблю, висевшую на стене в качестве украшения, а Масардери выдернула из ножен кинжал. Оба приготовились дорого продать свою жизнь.

Леопард прыгнул. Масардери видела, как пестрое сверкающее тело пролетает у нее над головой. Ей казалось, что конца этому прыжку не будет — зверь как будто застыл в воздухе.

Затем хищник приземлился на мягкие пружинящие лапы. Он оказался точнехонько перед старым слугой.

Человек взмахнул саблей, целясь зверю в горло. Леопард ударили лапой, наполовину забавляясь: он не считал старика таким уж опасным противником.

Масардери вспомнила рассказы мужа. Хищник, отведавший человечины, навсегда утрачивает почтение к роду людскому. Многие хищные звери испытывают нечто вроде суеверного ужаса перед человеком и никогда не нападают без особенной надобности — острого голода, например, особенно если этот голод грозит гибелью детенышам, или для защиты потомства. Чаще всего встретив человека дикий зверь стремится уйти. Но случаются исключения. И если по какой-то причине зверь убьет человека, в его темной душе как будто падают незримые барьеры, и он готов убивать снова и снова.

Старик ударили леопарда саблей. Красная полоса простила на пестрой шкуре. Хищник яро-

стно зарычал, хлеща себя хвостом по бокам. Пена закапала с его клыков. Он резко мотнул головой и ударил клыками своего противника. В последнем усилии старик вонзил саблю в тело зверя, и тотчас же хищник перекусил пополам худое тело старого слуги.

Масардери, обезумев от ужаса, набросилась на леопарда с кинжалом. Она вонзила клинок зверю между лопаток и откатилась в сторону. Леопард бился в агонии. Кровь и пена текли из его пасти, зубы бессильно лязгали, когти скребли пол. Длинным хвостом он задел подсвечник и уронил свечи. Стало темно.

Масардери забилась в угол, стараясь не дышать. Она слышала, как в полном мраке издается огромный зверь, она улавливала каждый его вздох, ее ноздри трепетали, раздраженные резкой вонью звериного тела. От леопарда пахло гнилым мясом.

Затем все стихло. Масардери выждала еще некоторое время, но ничего не происходило. Леопард не подавал никаких признаков жизни.

Она не знала, как долго просидела в неподвижности, оцепенев и не в силах заставить себя двинуться с места или подать голос. Должно быть, она потеряла сознание.

Когда она открыла глаза, комната была ярко освещена факелами. Двое чернокожих рабов стояли возле входа, держа пылающие факелы, а служанка и еще один слуга находились возле лужи крови. Госпожа пошевелилась, и служанка с громким плачем бросилась к ней.

— Вы живы, госпожа! Мы уж не знали, что подумать! Что здесь произошло?

Масардери попыталась встать. Затекшие ноги плохо слушались. Она взглянула на то, что осталось от старого слуги, и не поверила своим глазам.

Посреди комнаты растеклась огромная лужа крови, в ней плавали хрустальные фигурки, и свет горящих факелов причудливо отражался в их прозрачных гранях. Рядом, как изорванная вещь, валялось тело старика. Оно было перекутено пополам, растерзано гигантскими челюстями, — все так, как и виделось Масардери во время нападения леопарда.

Но самого хищника в комнате не было, ни живого, ни мертвого. Остались следы — глубокие царапины от когтей на полу. А рядом лежала старая, потертая шкура камышового кота, которая обычно висела в людской на стене, закрывая щели.

Масардери наклонилась над шкурой, коснувшись головы кота. Шкура была выделана в свое время довольно искусно, просто за долгие зимы она вытерлась и облезла, почему ее и повесили в комнате для прислуги.

Но Масардери не могла оторвать глаз от этой шкуры. Она видела то, что сказала ей больше, чем все слова, которые могли сейчас прозвучать в комнате, где произошло убийство.

Левый клык кота был обломан.

Старый слуга не был рабом, поэтому о легкой странной насильтвенной смерти было доложено

городской страже. Прибыл капитан, осмотрел место происшествия. Удостоил хозяйку дома подозрительным взором.

Масардери честно рассказал ему обо всем, что видела.

— Но как вы объясните этого леопарда? — не поверил капитан.

— По-вашему, я сама притащила в дом леопарда и натравила его на безобидного старика, которого, к тому же, любила? — не выдержала Масардери.

Капитан пожал плечами.

— После того, как ваш супруг вернулся из Вендии, вы сильно переменились, госпожа Масардери, — сказал он. — Вам об этом уже говорили?

— Я потеряла мужа! — резко ответила она. — Вам не кажется, что это поневоле заставило меня изменить образ жизни и поведения?

— Речь немного о другом, — вздохнул капитан. — Все эти события весьма подозрительны.

— Благодарю вас, а то я не знала... Но клянусь вам, я понятия не имею, как это произошло! Я не практикую магию, если вы об этом. Возможно, кто-то другой... Но не я.

— Вы уверены? — прищурился он.

— Поверьте, капитан, если бы я занималась колдовством, я бы об этом знала! — парировала Масардери.

Капитан ушел, оставив дозволение похоронить тело погибшего и прибраться в комнате. На шкуру камышового кота он даже взглянуть

не пожелал, сочтя все рассказы хозяйки пустой болтовней глупой (или лживой) женщины.

* * *

Эту историю Конан выслушал не моргнув глазом. В отличие от капитана он не склонен был считать Масардери лгуньей. Что-то вокруг вдовы Сулиса происходило, это было очевидно. Нечто нехорошее. Но кто затеял жуткую игру — и с какой целью?

— Теперь, когда вы знаете все самое худшее, — слабо улыбнулась Масардери своему собеседнику, — я хочу показать вам золотую статуэтку.

Конан поднялся. Он чувствовал себя отяженевшим после трапезы и обильных возлияний, однако почти детское любопытство никогда не оставляло варвара. К тому же он не упускал случая посмотреть на что-нибудь золотое и тяжелое, на нечто такое, что стоило кучу денег.

Поэтому он охотно пошел за Масардери в комнату, которую она запирала на ключ.

Масардери сняла с пояса небольшой золотой ключик и повернула его в замочной скважине. Открылась маленькая комната, вся задрапированная голубым шелком. Ткани были собраны на потолке в узел и спускались вниз причудливыми складками, превращая помещение в подобие шатра. Повсюду стояли вазы с цветами: по большей части это были плоские широкие вазы, а цветы,

мясистые болотные растения с очень яркими лепестками, плавали по поверхности воды.

Посреди комнаты стояла совсем небольшая золотая статуэтка. Конан замер перед ней, любуясь прекрасной работой — а заодно прикидывая на глаз, сколько это может стоить. Выходило — очень много. Особенно если учесть, что танцующий мальчик сделан из чистого золота.

Конан повернулся к Масардери, с трудом оторвав взгляд от фигурки, и поразился выражению лица женщины. Она смотрела на танцующего мальчика страстно, как на живое существо, к которому, несомненно, испытывала сильное влечение.

Между тем в разговоре Масардери не показалась Конану дамой, склонной к разного рода извращениям или колдовству. Напротив, она выглядела очень здравомыслящей и вполне естественной, с обычными, здоровыми потребностями молодой, крепкой женщины.

Впрочем, странное выражение держалось на лице Масардери всего мгновение, не более, а затем она устало кивнула гостю.

— Если вы не возражаете, я хотела бы уйти отсюда. Слишком многое напоминает мне о моей утрате.

Конан ответил ей понимающим кивком, и они вернулись в гостиную, где беседовали прежде.

Теперь Масардери выглядела куда менее собранной. Она как будто позволила себе расслабиться.

— Я хочу сделать вам предложение, — обрат-

тилась она к киммерийцу. — Подумайте, может быть, это как раз то, что вам нужно.

Конан изобразил внимание. На самом деле он догадывался, к чему она ведет речь, и ожидал того, что прозвучало мигом позже:

— Как я имела возможность убедиться сегодня на рынке, мне необходим телохранитель. Кто-то явно желает моей смерти. Кто-то достаточно богатый и могущественный, чтобы напустить на меня заколдованных леопарда или напасть банду гирканцев. К сожалению, я не могу вооружить моих негров: здешний закон запрещает вручать оружие рабам, разве что их хозяин выпрявил специальное разрешение... Но, как нетрудно понять, капитан городской стражи такого разрешения мне не даст. Он и без того подозревает меня в совершении разных преступлений, сколь жестоких, столь и бессмысленных.

И она улыбнулась Конану так зазывно, что он едва не засмеялся.

Впрочем, кто он такой, чтобы осуждать ее за слабость? Не она первая, не она и последняя. Многие женщины, в том числе богатые и знатные, желали бы видеть мускулистого киммерийца в своей постели.

Он знал, что вызывает у них всплеск чувств, подчас даже нежелательных, и не один томный взор из-под вуали провожал его рослую фигуру. В такие мгновения Конан догадывался о фантазиях, что зарождаются в хорошенъих головках почтенных вдов и благовоспитанных дочерей из почтенных семейств.

Нельзя сказать, чтобы варвар не пользовался представляющими ему широкими возможностями. С дамами он всегда был по-своему обходителен, и ни одна из них не могла пожаловаться на него: если женщина давала киммерийцу понять, что его домогательства неуместны, он никогда не настаивал; с другой стороны, сам он редко отказывал женщинам, если те посыпали ему недвусмысленные приглашения в постель.

И сейчас, как показалось Конану, он получил именно такое приглашение. Что ж, Масардери — вполне подходящая компания! Испуганная вдова, которую подозревают в убийстве мужа и старого слуги. Несчастная одинокая женщина, подвергающаяся опасности. Ей так нужен телохранитель! Желательно — привлекательный, рослый, с сильными руками, с ярко-синими веселыми глазами и копной черных нечесаных волос. Спокойный, сдержанный, иногда смешливый, чаще — задумчивый. Женщин так трогает задумчивость и грусть в мужчине!

Да, такой телохранитель спасет бедняжку от всех возможных неприятностей, и малых, и больших. Конан ухмыльнулся.

— Что ж, — проговорил он, — полагаю, я смогу помочь вам.

Она благодарно схватила его за руку и сжалла.

— Я так рада! — воскликнула она. — Я чувствую, что с вами моя жизнь будет в безопасности!

— Ну конечно, — пробормотал Конан, — я избавлю вас разом от всех бед. Можете даже не сомневаться.

— Я и не сомневаюсь, — сказала она, поднимаясь. — А сейчас, с вашего позволения, я отправлюсь отдыхать. Если захотите еще вина, позвовите слуг, вам принесут.

Конан молча кивнул. Акиф, разумеется, не ахти какой большой и богатых город, но задержаться здесь стоит. Дама привлекательна и мила, платить будет щедро — такие редко бывают скучными; а танцующий золотой мальчик — что скрывать! — привлек самое пристальное внимание Конана. Неплохо бы подобраться к статуэтке поближе и разглядеть ее получше. Возможно, удастся убедить Масардери, что ей лучше расстаться с этой опасной безделушкой. И отдать ее кому-нибудь более сильному, способному постоять за себя и свое имущество.

Например, неотразимому Конану-варвару...

* * *

Должно быть, Конан заснул прямо в кресле. Проклятье, здесь слишком разнеживающая обстановка! Одни только эти кресла чего стоят — шелковистая обивка, мягкая высокая спинка, подушечка для ног... Приятный полумрак, в котором угадываются изящные вазы на подставках в нишах и сервировочный столик, где, как кажется, никогда не переводятся угождения...

Конан потянулся, с удовольствием хрустнула косточками. Что ж, он полон сил, довolen и, пожалуй, счастлив. Странно, что дама до сих пор не прислала к нему какую-нибудь хитроглазую

молодку с запиской: «Дорогой телохранитель, мне страшно, приходите охранять мое тело»... Пора бы. Лично он не против.

И тут раздался крик, от которого кровь стыла в жилах. Кричала женщина, но так отчаянно и пронзительно, что казалось, будто этот вопль истергся из глотки какого-то фантастического существа — гарпии или грифона.

Конан вскочил, бросился к выходу и схватил свой меч, который оставил возле двери. Кром! Что здесь происходит? Кажется, киммериец сильно переоценил чувственность своей нанимателницы — и сильно недооценил опасность, которая ей грозила...

Сейчас, пока он мчался по коридорам на крик, в голове у него мелькнуло: ведь он на самом деле почти не поверил в историю с леопардом. История, конечно, таинственная и что-то в ней было правдой, однако... Однако присутствие магии киммериец ощущал за сотню шагов. Он ненавидел магию и боялся ее. Преодолевая свой дикий, инстинктивный ужас перед сверхъестественным, Конан набрасывался на носителя магического знания и одолевал его. Лишь немногим удавалось уцелеть — и лишь немногие маги числились среди его друзей.

В доме Масардери никакого волшебства не ощущалась. И сама хозяйка никак не могла заниматься колдовством. Поэтому ее рассказы Конан принял — как и многие до него — за плод чрезесчур живого воображения испуганной и глубоко опечаленной женщины.

И тем не менее она кричала! Что-то страшное происходило в ее опочивальне.

Опрокинув тонконогую подставку для лампы, уронив перепуганную служанку и выбив дверь, Конан ворвался в комнату, откуда рвался этот душераздирающий крик.

Увиденное заставило его выругаться и застыть на месте.

В воздухе опочивальни кружились вырванные из подушек комки птичьего пуха, разодраные лоскуты покрывал и душистая пудра, которой хозяйка обычно пользовалась по утрам. Одеяла, занавеси, красивые драпировки на стенах — все висело клочьями.

Изящная мебель, разукрашенная позолотой и росписями, разломанная в щепы, валялась по всему полу.

Госпожа Масардери, схватив подушку, жалась в углу, пытаясь защитить лицо от когтей летучего чудовища.

То была огромная летучая мышь со злобно горящими красными глазами и жуткой образизной, похожей одновременно на собачью морду и на человеческое лицо, искаженное яростью. Большие выпяченные вперед зубы, казалось, не помещались в маленькой пасти.

Размахивая темными кожистыми крыльями, чудище нависало над своей жертвой. Из раскрытого рта монстра вырывался тонкий вопль, почти невыносимый для слуха.

Крылья сильно хлопали в воздухе, гоняя взад-вперед пудру. Часть ее осела на теле монст-

ра, застряла в торчащей дыбом коричневой шерсти, посеребрив холку.

Растопырив когти, чудище тянулось к Масардери пастью. Она подставляла под удары подушку, но все же монстру уже удалось несколько раз задеть свою жертву. По обнаженным рукам Масардери стекала кровь.

— Кром! — заревел Конан. — Что здесь творится? Силы ада!

Он набросился на монстра со спины и поднял меч, чтобы разрубить чудовище на части.

С яростным воплем нетопырь отпрянул от Масардери и повернулся к неожиданному врагу. Конан увидел красные глаза и нечеловеческую злобу в них. Чудище увернулось от удара клинка и взлетело к потолку, чтобы оттуда броситься прямо на голову варвару.

Конан присел и отскочил в сторону, а затем, все еще сидя на корточках, резко развернул клинок в сторону. Нетопырь упал на пол, не удержавшись в воздухе. Мгновение он подпрыгивал, нелепо, как курица, а затем крылья его набрали размах, и он опять вознесся на воздух.

Масардери отшвырнула подушку и перебежала через комнату, стараясь добраться до выхода. Конан оценил ее маневр. Она не стремилась «помочь» своему защитнику, не хваталась за оружие и не путалась под ногами у воина. Она предприняла самое разумное, что только можно было сделать в данной ситуации, — бежала. Теперь Конан мог остаться один на один с монстром, и ему не требовалось все время отслеживать — где

находится женщина и не попала ли она в опасность.

Но выскочить наружу Масардери не удалось. С громким писком нетопырь преградил ей путь. Он завис в воздухе между Масардери и дверью, таращась ей в лицо и медленно, размеренно взмахивая крыльями.

Женщина в ужасе застыла. Монстр как будто пригвоздил ее к месту. Затем нетопырь издал торжествующий крик и метнулся к Масардери.

Одним прыжком Конан сбил ее с ног и выставил вперед меч. Прямо в полете нетопырь насторожился на клинок всей грудью. Конан ощутил, как меч входит в тело жертвы, и это чувство отозвалось в его варварском сердце искренним ликованием. Еще одна гадина мертва!

Конан дернул рукой, поворачивая меч, так, чтобы убить чудище наверняка. Затем он выдернул клинок, и нетопырь повалился на пол. Его крылья распостерлись, закрывая половину комнаты, точно чудовищный, отвратительный ковер... Глаза погасли, пасть захлопнулась, и только клыки продолжали высовываться изо рта. Из прикушенного языка вытекала кровь.

Конан обтер меч о покрывало, сброшенное с кровати, и повернулся к Масардери. Та, всхлипывая, бросилась к нему и схватилась за варвара обеими руками. Он почувствовал, как она дрожит, и обнял ее.

— Конан, Конан! — бормотала Масардери. — О, Конан, что это было?

— А вы не знаете? — спросил варвар.

— Понятия не имею! — воскликнула женщина. Она вытерла глаза и добавила доверчиво: — Знаю только, что была бы уже мертва, если бы не вы...

— Ну, я здесь, и вы живы, а чудище...

Тут Конан осекся. Не выпуская Масардери из объятий, он повернулся туда, где лежал убитый монстр... но никакого монстра в комнате он не увидел.

Разгромленная спальня продолжала оставаться разгромленной спальней. Полосы драпировки, отодранные от стен, выпотрошенный матрас, разбросанные повсюду вещи, сломанный туалетный столик и растоптанные флакончики с благовониями — все это было как в тот момент, когда Конан ворвался в комнату.

А вот вместо нетопыря, убитого киммерийцем, посреди спальни лежал разломанный балдахин. Его бархатная ткань была рассечена мечом. Вокруг этого «пореза» еще оставалась кровь, она пропитала бархат и оставила пятна на полу. Однако балдахин оставался балдахином. Кисти, металлические крепления, шнурки, шитая серебряной нитью кайма...

— Кром, — прошептал Конан, чувствуя, как волосы на загривке поднимаются у него дыбом, точно у дикого зверя. — Кром, это магия!..

Масардери судорожно перевела дыхание.

— Вы мне не поверили, когда я рассказывала о леопарде? — спросила она тихо. — Не поверили, да?

— Я с трудом верю в подобные истории, —

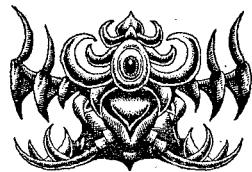
отозвался Конан, — хотя сам был свидетелем таких вещей не раз. Но всегда остается надежда на то, что все эти штуки с превращениями — просто фантазии пьяного или сновидение слишком усталого человека... Что ж, в любом случае, мы с вами не в проигрыше. Пока.

— Пока, — кивнула она. — Но рано или поздно ЭТО — чем бы ОНО ни являлось — меня убьет.

Она произнесла это так просто, с таким спокойным достоинством, что у Конана вдруг защемило сердце. Он стиснул женщину в объятиях — немного крепче, чем рассчитывал, так что у нее хрустнули кости.

— Ну уж нет, — проворчал он, как разозленный пес, — покуда я с вами, этому не бывать!

Глава четвертая

Опасное путешествие на отдых

Ка следующий день в дом госпожи Масардери прибыл некий господин. Хозяйка еще спала, измученная вчерашними происшествиями, так что посетителя встретил Конан.

Господин — коротконогий приземистый туранец с очень смуглым лицом и мясистым носом — воззрился на киммерийца с нескрываемым удивлением.

— А это что еще за птица? — вскричал он. — Масардери не говорила мне, что собирается напоминать дворецкого!

— Я похож на дворецкого? — осведомился Конан.

Пришельца его тон, похоже, нимало не смущил.

— Ну, кем бы ты ни был, доложи госпоже, что пришел Кэрхун, — приказал он.

Конан скрестил на груди руки и воззрился на маленького туранца сверху вниз.

— Кэрхун? — переспросил он. — А Масардери захочет тебя видеть? По-моему, ты не из тех

мужчин, завидев которых женщина теряет голову и, позабыв обо всем, мчится навстречу.

Кэрхун налился багровой краской негодования.

— Да кто ты такой, наглец?.. — начало было он. — Я проучу тебя!..

— Что здесь творится? — раздался за спиной Конана голос Масардери, и дама в полуопрозрачной домашней одежде вышла к спорщикам. При виде Кэрхуна ее лицо изменилось, любопытство и обеспокоенность сменились скучкой. — А, это ты, Кэрхун! — произнесла она таким тоном, что Конан счел себя полностью удовлетворенным.

— Да, дорогая. — Кэрхун обошел Конана, как если бы огромный киммериец был башней или каким-нибудь другим громоздким строением. — Заглянул проводить тебя и узнать, как твое самочувствие. Говорят, вчера в городе на твои носилки было совершено нападение.

Масардери чуть вздохнула.

— Ты прав, действительно на рынке вышла отвратительная сцена. И к тому же малопонятная. Я до сих пор не понимаю, с чем связаны все эти покушения... и покушения ли это вообще. Но неприятности — точно. — Она кивнула в сторону Конана. — На всякий случай я наняла телохранителя.

— О! — Кэрхун скрочил гримасу, которая могла означать что угодно, кроме одобрения.

Масардери взяла его за руку и развернула к Конану лицом.

— Конан, это Кэрхун, мой племянник. Точнее, племянник моего покойного мужа.

— А, ну тогда понятно, — буркнул Конан.

Туранец ответил ему полным торжества взглядом. Конан только усмехнулся.

Кэрхун заговорил с дамой так, словно Конана не было поблизости:

— Дорогая, ты не предложишь мне холодного питья? День только начался, но жара уже стоит невыносимая. Думаю, будет буря.

— Прошу в дом, — спохватилась Масардери. — Я еще не вполне проснулась, так что позволила себе быть невежливой. Прости.

— Какие могут быть счеты между родственниками! — махнул рукой Кэрхун. — А ты моя любимая родственница, — добавил он так многозначительно, что лишь такая опытная в обращении с мужчинами дама, как Масардери, могла не заметить скрытого в его тоне намека.

Заметив, что Конан входит в гостиную вслед за госпожой, Кэрхун недовольно нахмурился.

— А это для чего? — Он повелительно кивнул Конану: — Я намерен поговорить с хозяйкой дома наедине.

— Если у тебя нет в мыслях ничего непристойного, то мое присутствие тебя не стеснит, — парировал Конан. — Меня наняли для того, чтобы я охранял ее. Чем я и намерен заняться — прямо сейчас.

— Говорят тебе, неотесанный варвар, я ее родственник! — Казалось, Кэрхун теряет терпение.

— Говорят тебе, толстый туранец, я — ее телохранитель! — фыркнул Конан. — Не играй со мной в игры, тебе все равно не выиграть.

Кэрхун схватился за рукоять кинжала.

— Что ты себе позволяешь?

— А ты?

Они впились друг в друга взглядом. Затем Конан откинулся голову назад и расхохотался.

— Я останусь при Масардери, это решено, — объявил он. — Я не буду вмешиваться в ваш разговор. Скоро ты вообще забудешь о моем присутствии. Но не требуй, чтобы я ушел, — я стараюсь не отходить от нее ни на шаг, поскольку имел уже случай убедиться в том, что госпоже Масардери действительно угрожает опасность.

— Он прав, — мягко заметила Масардери. — И не будем больше спорить об этом, хорошо?

— Можно подумать, это я пытаюсь тебя убить! — возмущался Кэрхун.

— Нет... Я так не думаю, но это не важно, — продолжала Масардери. — Я не могу сейчас объяснить всего, потому что это звучит по меньшей мере невероятно... Во всяком случае, мне будет спокойнее, если Конан останется рядом. Считай это моей прихотью.

— Хорошо, — сдался Кэрхун.

Он прошел в комнату и устроился в том самом кресле, где вчера так уютно отдыхал Конан. Положил ноги на скамеечку, откинулся на спинку, принял из рук хозяйки большой кубок с прохладным, сильно разбавленным вином.

— В конце концов, в том, что я хочу тебе сказать, действительно нет ничего непристойного, — добавил Кэрхун. — И тайны здесь тоже нет. — Он мельком глянул в тот угол, где устро-

ился Конан, и поморщился, заметив, что варвар непринужденно наливает себе неразбавленного вина в огромный кубок с большим рубином.

Масардери усилась на ковры, скрестив ноги. Конан успел уже заметить, что помимо внешности, выдававшей в Масардери гирканское происхождение, эта дама сохранила также некоторые привычки кочевого народа. Объяснить это воспитанием было невозможно, поскольку выросла она в «веселом доме», где любая девушка умела стать такой, какой хотел ее видеть клиент. Нет, то говорил в Масардери голос крови.

Давным-давно Туран был основан гирканцами — последователями пророка бога Эрлика, Вечноживого Тарима, и с тех пор гирканцы, светлокожие, с точеными чертами лица, считались в этой стране аристократами. Низкорослые, плотные туранцы с иссиня-черными волосами давно вели оседлый образ жизни и возделывали землю; гирканцы, сохранившие многие привычки и обыкновения воинственных кочевников, несколько презирали своих мирных соседей.

Непринужденность, с какой Масардери сидела на коврах скрестив ноги, говорила о ее принадлежности к диковатому и воинственному народу больше, чем ее светлая кожа. Конан мгновенно отметил эту разницу между дамой и ее собеседником и взял на заметку: Масардери была куда ближе ему по духу, чем многие мужчины.

Впрочем, Кэрхуна, кажется, эти мысли занимали меньше всего. Отхлебнув из кубка, он решительно заявил:

— Дорогая тетя, тебе необходимо отправиться в путешествие.

— Путешествие? — Масардери подняла брови. — Боюсь, что путешествие меня добьет. Я и так еле жива...

— Тебе нужно сменить обстановку, — пояснил Кэрхун. — Коль скоро кто-то в Акифе так настойчиво добивается твоей смерти, ты должна уехать. На время, разумеется. Пусть улягутся страсти, пусть остынут кинжалы, уже вынутые из ножён, и пусть они вернутся в ножны.

— Звучит весьма образно, — сказала Масардери, покосившись на Конана.

Варвар сохранял каменное лицо. Он напоминал истукана — за тем, впрочем, небольшим исключением, что истуканы не употребляют вино с таким удовольствием и из таких больших кубков.

— Я предлагаю тебе уехать вместе со мной и еще парой кузин в мое имение на одном из Туранских островов, на море Вилайет. Там прелестный климат. Если у тебя и есть тайные враги, то им придется проделать немалый путь, а потом еще и проплыть по морю до острова... Ты будешь отделена от неприятностей проливом! Что скажешь, тетя?

— Как это мило, когда ты называешь меня «тетей», дорогой Кэрхун! — рассеянно произнесла Масардери.

Конан между тем с равнодушным видом взирал не то на хозяйку, не то на стену. Он никак не выражал своего отношения к предложению

Кэрхуна. С одной стороны, уехать означало признать свое поражение. Враг может затаиться и выжидать, пока Масардери не успокоится и не вернется в Акиф. И вот тогда, когда она будет ожидать этого менее всего, нанесет удар.

С другой стороны, возможно, за время ее поездки страсти действительно улягутся. А Конан будет рядом с женщиной до тех пор, пока не встретится с ее врагами лицом к лицу и не одолеет их. Когда вчера на Масардери накинулся нетопырь, Конан почувствовал, что ему брошен вызов. Киммериец был не из тех, кто уклонялся от вызова.

— Хорошо, — сказала наконец Масардери, видя, что надеяться на совет от телохранителя не приходится. — Я согласна. Отправляемся завтра же, если ты готов. Это отличная идея! Я наконец отдохну от этого душного города — и от капитана городской стражи, который, кажется, подозревает меня во всех этих ужасах и убийствах. Так что я могу зарезаться у него на глазах — он только воскликнет: «Я же говорил, она сама покушалась на собственную жизнь!»

* * *

Путешествие, особенно его начало, подтвердило все худшие опасения Конана. В дом Масардери явились три кузины — какие-то щебечущие родственницы, как на подбор малорослые, с тяжелыми задницами и выпученными черными глазами. Все эти создания с преувеличенной

стыдливостью закрывали лица покрывалами — чтобы тут же «случайно» уронить эти самые покрывала прямо перед хмурым варваром. Конан взирал на них с преступным безразличием, и они возмущенно фыркали ему в спину. Одна из девиц отчетливо произнесла: «Какой бесстыдник».

Масардери оделась в ярко-синие шаровары, красные сапожки для верховой езды и широкую льняную рубаху навыпуск. Ее голову покрывал капюшон, прихваченный на лбу тонкой тесьмой; белый плащ надежно защищал от палящих солнечных лучей.

Она намеревалась часть пути проделать верхом, часть — в карете, со своими кузинами.

Большая карета уже готова была к отбытию. Два гигантских сундука с нарядами крепились на крыше; четверо негров устроились сзади на специальном месте; Масардери не брала с собой носилки, но оставлять дома слуг не захотела. Зная преданность чернокожих хозяйке, киммериец вполне одобрил ее решение. Конан верхом на коне сопровождал карету. На нем была обычная одежда для дальних путешествий: штаны и рубаха из выделанной кожи. Огромный меч за спиной варвара выглядел чрезвычайно внушительно. Кроме того, в карете имелись туранские сабли: Конан решил вооружить чернокожих слуг. Пусть в самом Акифе это запрещалось — вряд ли власти города сумеют разглядеть, что творится на берегах озера Вилайет, и сделать госпоже Масардери строгое внушение из-за того, что она пренебрела законом.

Кэрхун казался вездесущим. Он повсюду расхаживал с хозяйственным видом, везде распоряжался, отдавал приказы громко и четко. Было очевидно, что он наслаждается своей ролью спасителя госпожи Масардери от неприятностей и как бы демонстрирует окружающим: «Вот как надо это делать, олухи!»

Они выступили из города сразу после полудня и часть пути проделали под палящим солнцем. Впрочем, чернокожие слуги и Конан не слишком страдали от жары, а дамы прятались в карете, где беспрестанно пили прохладную воду и обмахивались веерами. Масардери, судя по всему, чувствовала себя отлично. Она скакала на лошади, подставляя лицо ветру и солнцу, и даже что-то напевала.

Кэрхун ехал, поотстав от нее, но явно не сводил с нее глаз. Что касается Конана, то он внимательно следил за деятельным родственником хозяйки. Что-то в поведении туранца настораживало. Вероятно, его настойчивое желание показать Масардери, что она полностью зависит от его деловой хватки и умения руководить.

Разумеется, тайное намерение Кэрхуна вовсе не было таким уж тайным. Он ничего так не хотел, как завладеть вдовой покойного дяди — а заодно и его имуществом. Масардери, в конце концов, очень привлекательная женщина. Так что женившись на ней Кэрхун убил бы одной стрелой сразу двух куропаток.

— Кэрхун! — окликнула его одна из кузин, высунувшись из окна кареты. — Мы устали, и у

нас заканчивается питьевая вода. Далеко ли еще до колодца? Лучше бы нам отдохнуть на каком-нибудь постоялом дворе! Ты уверен, что хорошо знаешь дорогу?

— Милая, я ведь не раз уже ездил из своего островного имения в Акиф, — напомнил Кэрхун. — Эту дорогу я изучил как свою ладонь и даже лучше! Скоро мы будем возле караван-сарая, а там весьма вероятно встретим каких-нибудь путешественников и сможем присоединиться к ним. Как видишь, я все предусмотрел. — Он метнул взгляд в сторону Масардери: слышит ли та; но молодая женщина слишком была увлечена скачкой на свободе, чтобы прислушиваться к разговорам. — Как известно, караванные дороги — едва ли не главное богатство нашей земли.

— Не считая жемчугов из моря Вилайет, — добавила девица, сидящая в карете.

— Да, жемчужинами мы тоже славимся, — многозначительным тоном произнес Кэрхун, явно давая ей понять, что под «жемчужиной» подразумевает ее.

Девица приняла изысканный комплимент и захихикала. Кэрхун поскорее отъехал от кареты. Его занимала только одна женщина, а она, по мнению предприимчивого племянника, слишком много времени проводила в обществе киммерийца.

Караван-сарай показался за несколько колоколов до заката. Кэрхун взирал на это строение с таким видом, словно сам его выстроил.

— Ждите здесь, я договорюсь о ночлеге, — бросил он своим спутникам.

Отъезжая к караван-сараю, он покосился на Конана — не захочет ли киммериец взять на себя часть организаторских обязанностей; но Конан с полным равнодушием проводил его глазами.

Варвар предпочел остаться с женщиной, которую взялся охранять.

Скоро Кэрхун вернулся, чрезвычайно возбужденный и довольный. Его глаза так и блестели.

— Нам очень повезло! Мы встретили большой караван из Иранистана. Они направляются в Кхитай через наши земли, так что завтра мы сможем выступить в путь вместе! Охрана надежная и многочисленная, народу — человек десять купцов, из Иранистана и из Кхитая, пара кхитайских философов-созерцателей, одна толстая иранистанская дама, которая прониклась особенностями чувствами к вере кхитайцев и намерена поклониться кхитайским богам на их родине...

— Превосходно! — сказала Масардери, весело посмеиваясь. Было очевидно, что перспектива путешествовать в большой компании радует ее. Всегда можно встретить новых людей, узнать что-нибудь любопытное — а заодно и позабавиться за чужой счет; последнее развлечение было ее любимым. Масардери никогда не упускала случая подшутить над окружающими.

В дороге все ее страхи постепенно рассеивались. Она была по-настоящему благодарна Кэрхуну за его предложение. Племянник, кажется,

нашел рецепт от болезни! Печаль отступила, страхи начали казаться смехотворными...

Ночлег прошел без происшествий, и наутро караван тронулся в путь, обогатившись новыми спутниками.

Конан все так же ехал, не выпуская из виду Масардери, и тут к нему подскакал на маленьком пузатом ослике кхитаец в развевающемся оранжевом халате.

— Учитель Конан! — вскричал он.

Конан удивленно повернулся в сторону низкорослого человечка со смуглым плоским лицом. Тот улыбался, так что глаза его превратились в крохотные щелочки, и низко кланялся, сидя в седле.

Красное его седло было украшено кисточками и бубенчиками; грива ослика заплетена в множество косичек, а сам кхитаец был облачен в оранжевые одежды, расшитые красной и золотой нитью. Узоры в виде птиц украшали спину и грудь халата. Приглядевшись, можно было понять, что вместо хвостов у этих птиц яркие завитки пламени.

— Учитель Конан! — продолжал кхитаец улыбаться и кланяться. — Вы учили нас мудрости в садах философии! Вы помните великого учителя Тьянь-По?

— Да, — сказал Конан нехотя.

Он начал припоминать. У него был приятель, кхитаец по имени Тьянь-По, человек остроумный и хитрый. Казалось, трудно было сыскать людей менее похожих друг на друга, чем мале-

нький кхитайский философ и огромный верзила варвар; и все же между ними существовали симпатия и уважения. Иной раз они даже считались друзьями.

Как-то раз, когда Конан находился в Кхитае, Тьянъ-По оставил его со своими учениками, и Конан — не без успеха — обучал их своей философии.

«Сперва определи достоинство человека, — учил Конан, — а потом дай ему по башке как следует, дабы он, если останется жив, мог оценить по достоинству тебя!»

Среди кхитайцев нашлись и такие, кому это учение пришлось по вкусу, так что Конан прослыл великим, хоть и несколько своеобразным, учителем.

И вот теперь, очевидно, он повстречал одного из своих бывших учеников. Конан поднатужился, вспоминая его имя.

— Аяо-Сё, кажется, — сказал он.

Кхитаец склонился лицом к самой гриве ослика.

— Учитель помнит мое имя! — воскликнул он в восторге. — Только оно звучит чуть-чуть иначе. Мэн-Ся — вот мое настоящее имя.

— Кром! — пробурчал Конан. — Прости, если я позабыл.

— Учителю не следует просить у меня прощения, — заверил Мэн-Ся. — Для меня большая честь путешествовать в вашем обществе. Я должен поразмышлять над разницей между именами «Мэн-Ся» и «Аяо-Сё». Возможно, таким обра-

зом я постигну самую глубинную суть моего характера и пойму, чем то, кем я являюсь, отличается от того, кем меня считают другие люди...

Конан только покачал головой. Парнишка, на его взгляд, слишком увлекался отвлеченными материалиями. Когда-нибудь это крепко помешает ему в жизни.

Впрочем, Конан ничего не имел против общества молодого кхитайца. Мэн-Ся едва вышел из подросткового возраста — вряд ли ему исполнилось больше двадцати. У него был быстрый взгляд и веселая улыбка. По каждому поводу он охотно заливался смехом. И еще, присмотревшись, Конан понял, что руки у кхитайца, хоть и малы и худы, на удивление сильные. Это стало очевидно, когда он поднял бурдюк с питьем. Полный бурдюк был довольно тяжелым, но кхитаец поднял его тремя пальцами и без особого труда.

День тянулся медленно. Разговоры то начинались, то смолкали. До следующего колодца оставалось еще несколько колоколов пути, а у многих уже опустели бурдюки.

Масардери тоже выглядела усталой. Пыль лежала на ее покрывале, на руках. Она подъехала к Конану и его кхитайскому знакомцу.

— Как забавно, что вы встретили здесь приятеля! — заговорила она.

Конан протянул ей фляжку с вином.

— Выпейте, вам станет легче.

Она понюхала флягу.

— Это же неразбавленное вино!

— Да. И никто еще не умирал от жажды, имея при себе неразбавленное вино!

Она покачала головой:

— Я послушаюсь вас, ведь вы мой телохранитель и лучше всех знаете, что требуется для моей безопасности. Но учтите — я опьянею и начну говорить глупости.

— Такова моя сокровенная цель, — объявил Конан.

Кхитаец рассмеялся. Его узенькие, сильно сощуренные глаза отлично примечали, что женщина заигрывает с Конаном и что он охотно отвечает на ее заигрывания. Что ж, Мэн-Ся был этому только рад. Ему нравились счастливые люди.

Масардери отхлебнула из фляги и вернула ее Конану.

— А вы правда были учителем в Кхитае?

— Я преподавал философию, — сказал Конан и помрачнел. — Довольно об этом! — предупредил он.

— Почему?

— Потому что вы будете смеяться. Я достаточно изучил ваш характер.

— Вы правы. — Масардери вздохнула. — Ладно, поговорим о чем-нибудь другом, менее забавном... и... что это? ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Последние слова она проговорила шепотом, но так зловеще, что у Конана мороз прошел по коже.

Он ничего не заметил, однако кхитаец тоже уставился в ту сторону, куда смотрели непод-

вижные глаза Масардери, и капельки пота высступили на плоском лице юноши.

— Что это, учитель? — повторил он, хватаясь за маленький кривой лук, висевший у него через плечо.

Конан повернулся, но ничего не увидел. Только песок и редкие торчащие из песка колючие растения.

— Я ничего не вижу, — сказал Конан, но тем не менее обнажил меч. — А вам лучше отойти к карете, — обратился он к Масардери. — И не отходите от кареты ни при каких условиях, слышите?

Масардери, бледная, но собранная и готовая действовать, молча кивнула и поскакала к карете.

Конан снова осмотрелся по сторонам. Ничего. Но он привык доверять даже самым странным и невероятным сообщениям своих спутников — особенно если они советовали держаться настороже — и потому продолжал сжимать меч обеими руками. Кхитаец положил на тетиву первую стрелу.

— Оно было здесь, учитель! — возбужденно прошептал он. — И оно никуда не ушло. Оно ожидает, пока мы отвернемся, чтобы напасть.

— Какое оно с виду? — спросил Конан.

В отличие от кхитайца он не считал нужным понижать голос. Проклятье, если враг хочет напасть на них — пусть нападает! Конан не станет прятаться.

Но кхитаец не стал отвечать. Он просто покачал головой, показывая, что не находит нужных слов для описания чудища.

Конан придержал коня и развернул его, чтобы быть поближе к карете. Караван продолжал двигаться вперед как ни в чем не бывало. Если какое-то незримое чудище и следит за путниками, то в караване его, по крайней мере, еще не заметили.

Масардери велела раздать своим невольникам сабли. Конан одобрил эту меру. Негры, получив в руки оружие, преобразились — широко расправили плечи, заулыбались. Прежде у Конана не было случая поговорить с ними, но во время путешествия он непременно найдет такую возможность. Не исключено, что Конан встречался в своих прежних странствиях по Черным Королевствам с их племенем.

И тут раздался отчаянный крик одной из кузин, что сидела в карете. К ней присоединилась и вторая. Конан галопом погнал коня туда же, мысленно проклиная себя за медлительность: нельзя было позволять Масардери отдаляться от себя даже на двадцать шагов!

Из-под земли медленно вырастал гигантский змей. Он был похож на кхитайского дракона — с длинным извивающимся туловищем, с зубастой пастью и тонкими, как хлысты, усами, по четыре с каждой стороны.

Движения змея сопровождались шипением и особенным потрескиванием, как будто пластины, покрывавшие его тело, при соприкосновение стучали.

Змей раскрыл пасть, обнажая три ряда длинных острых зубов. Раздвоенный язык вышел из

пасти и задрожал, едва не касаясь кончиками лица Масардери.

Женщина отпрянула назад, натягивая поводья. Поздно! Конь заржал и поднялся на дыбы, пепрепуганный насмерть неожиданно появившимся жутким чудищем. Масардери изо всех сил сжала бока коня коленями, но не удержалась в седле и рухнула на песок. Дико взмыливая и тряся головой, конь отбежал на большое расстояние, но там остановился и принял слепдить за происходящим. В каждое мгновение животное готово было обратиться в паническое бегство и скрыться в пустыне навсегда.

Кхитаец, подскакивая на своем ослике, беспощадно помчался прямо к змею и на ходу выпустил одну за другой пять стрел. Все они вонзились в тело чудовища, но не произвели ни малейшего эффекта. Казалось, выползший из под земли дракон даже не замечает их. Так, жалкая помеха, укус ничтожного насекомого.

Скользя по песку, чудище описывало вокруг Масардери круги, с каждым разом все ближе подбираясь к перепуганной женщине.

Масардери лежала на песке, закрыв голову руками. Она боялась даже взглянуть на происходящее. Ни одного звука не вырвалось из ее горла, словно она онемела от ужаса. Конан решил было, что женщина убилась, когда свалилась с седла, но вот Масардери пошевелилась, и киммериец вздохнул с облегчением. Коль скоро она жива, ее телохранитель позаботится о том, чтобы Масардери оставалась живой и впредь!

Четверо чернокожих бросились к ней, поднимая мечи и готовясь защищать хозяйку до последней капли крови. Монстр пристально глядел на них ледяными глазами. Один из негров посерел от ужаса, когда дракон уставился ему прямо в глаза, но только расставил пошире ноги и крепче перехватил рукоять сабли.

Одним мгновенным ударом змей швырнулся на землю. Еще миг — и острые клыки пронзили шею упавшего. Брызнула кровь, и туранская сабля выпала из мертвой черной руки.

— Кром! — закричал Конан.

Услышав киммерийский боевой клич, змей приостановился, а затем, свивая тело в кольца и выпрямляя его, быстро полетел навстречу Конану. Казалось невероятным, чтобы существо, лишенное ног, могло передвигаться с такой скоростью. Миг — и подземный дракон уже был рядом с Конаном, норовя оплести ноги лошади и опрокинуть всадника.

Конь действительно перепугался, однако киммериец, уже знавший, чего ожидать, успел смирить его и успокоить. Голова змея взметнулась вверх, чудовище выпрямилось, поднявшись на высоту четверти своего туловища. Плоская морда с разинутой пастью оказалась над головой киммерийца.

Конан ощущал запах смерти, исходивший изо рта чудовища. От змея разило гнилью, разлагающейся плотью...

Точно так же пахло и от нетопыря, которого убил Конан в спальне госпожи Масардери. Неу-

жели это — чудовища одного и того же происхождения?

Не время рассуждать! Конан взмахнул двуручным мечом и, прежде чем монстр успел сомкнуть челюсти на голове варвара, длинный клинок вонзился прямо в голову змея. Лезвие прошло сквозь нижнюю челюсть и впилось в мозг.

Змей яростно зашипел. Длинный мощный хвост начал бить по земле, вздымая тучи пыли. Земля гудела так, словно умирающий дракон превратил ее в огромный боевой барабан.

Конан напряг могучие мышцы рук и изо всех сил повернул меч, стараясь поглубже загнать его в голову жертвы. Змей с лязганьем сомкнул пасть и снова разинул ее. Длинный язык затрясся между зубами.

Караван остановился. Люди собрались вокруг, рассматривая происходящее. Толстая иранистанская дама, познавшая мудрость и красоту китайских божеств, полулежала на своих носилках, привязанных между двумя верблюдами, и красивая невольница с подведенными глазами вливала в ее рот какие-то едко пахнущие успокоительные капли. Китайцы смотрели на издыхающего дракона бесстрастно — трудно было понять, какие мысли бродят за их плоскими лбами. Туранские купцы глубокомысленно цокали языками, а один из них вдруг принялся объяснять, что Эрлик Огненный послал этого змея в качестве наказания.

— Никто из нас — горе нам, горе! — не следует заветам Вечноживого Тарима, который запо-

ведал своим людям не пить вина, не давать денег в рост и не предаваться разврату! А ведь все мы запятнаны этими преступлениями! — выкликал он, посыпая себе голову песком. — Клянусь, клянусь, никогда больше не прикоснуться к не-праведно нажитому добру, не стану соблазнять чужих женщин и пьянствовать...

Тут он всхлипнул и замолчал с открытым ртом. Очевидно, мысль о том, что придется отказаться от пьянства, потрясла его. Красные пятна медленно поползли по лицу туранца.

Другой только качал головой и повторял:

— Да смируются над нами боги! Что за чудище!

Третий повернулся к кхитайскому философу и попросил:

— Ущипните меня, а то я, наверное, сплю!

Кхитайский философ бесстрастно впился сильными пальцами в протянутую ему руку. Туранец вскрикнул от боли, обозвал кхитайца убийцей и поскорей отошел от него.

Последний удар хвоста задел убитого негра, и тело, как будто на миг ожив, перевернулось и приняло другое положение.

А затем на глазах у всех подземный дракон упал и начал рассыпаться. Исчезла крепкая чешуя, погасли глаза, горевшие холодным пламенем, обратились песком клыки и когти. Еще несколько мгновений — и посреди дороги лежала совершенно безобидная куча песка и выбеленных солнцем старых верблюжьих костей.

Никому и в голову бы не пришло, что эта куча праха может быть опасной. Да и Конан, глядя

на нее, едва бы поверил в возможность подобного, хотя сам еще миг назад, вонзая клинок, ощущал сопротивление живой, полной сил плоти.

Кхитаец Мэн-Ся наклонился и развернулся прах ногой. Затем с радостным восклицанием подобрал одну из своих стрел. А вот и остальные. Он взял их и, сдув с них пыль, бережно уложил в колчан.

Масардери села на земле, потерла лицо руками, медленно приходя в себя. Она как будто не верила, что осталась жива. Затем медленно повернула голову и увидела тело своего слуги. Ужас сотряс ее, слезы сами брызнули из ее зеленых глаз.

Конан подошел к ней, держа в опущенной руке меч.

— Вы не пострадали?

— Нет... Что с этим беднягой?

Она указала на слугу.

— Он мертв, — бесстрастно сообщил Конан. — Он пытался сделать то, что удалось мне, — пронзить его мечом. Он умер как воин, с оружием в руках, и сейчас, несомненно, уже пирует в ледяных чертогах Крома, среди прекрасных дев-воительниц.

— Слабое утешение, особенно если учесть, что он привык к жаре, — произнесла Масардери механически. Было очевидно, что она почти не задумывается над смыслом сказанных ею слов.

Конан подал ей руку.

— Вставайте. Покажите туранцам, на что способен потомок кочевников-гирканцев!

— Мне нравится, когда меня так называют, — сказала она задумчиво. — Потомок. Как будто я мужчина.

— Женщина тоже может быть потомком, — произнес Конан глубокомысленно и вдруг поймал взгляд Мэн-Ся.

Проклятье, этот щенок, кажется, вообразил, будто «учитель Конан» не упускает ни одной возможности преподать урок! От Тьянь-По Конан знал, что кхитайцы практикуют именно такой метод обучения: учат всегда, везде и постоянно, так что после сорока лет непрестанного стучания по темечку в голове наконец запечатлеваются некоторые мысли.

— Кром, — тихо проговорил Конан. — Похоже, неприятности не захотели остаться в Акифе и тоже отправились с нами на отдых. Нужно похоронить этого беднягу и поймать вашу лошадь.

— Караван не может задерживаться, — сообщил караванщик, чрезвычайно недовольный проволочкой. — Если мы застрянем в пустыне после того, как сядет солнце, добираться до колодца придется в темноте.

— Какая точная мысль! — ответил Конан. — Что ж, отправляйтесь. Мы вас догоним ночью.

— Вы не найдете дорогу, — высокомерно заявил караванщик.

— Возможно... Тем не менее я не оставлю tego этого бедняги стервятникам.

Конан распоряжался быстро, деловито, и караванщик почти сразу же решил прекратить спор. Карета с полуобморочными кузинами дви-

нулась дальше, а Кэрхун, Конан и Масардери с неграми задержались на месте битвы.

— Как странно, — произнесла Масардери, озираясь по сторонам. — Все так тихо и мирно. Как будто здесь не проливалась человеческая кровь! Откуда только взялось это чудовище?

— Вы же видели его, когда оно только-только появилось, — сказал Конан. — Из-под земли. Возможно, кхитаец тоже кое-что заметил. Я спрошу его позднее, когда мы будем на месте.

Масардери едва сдерживала слезы.

— Это расплата за то, что я радовалась, покидая Акиф, — всхлипнула она. — Наверное, после смерти мужа я не должна больше ничему радоваться. И вот теперь... Такая страшная цена!

Кэрхун выглядел недовольным.

— Не понимаю, почему мы должны задерживаться здесь дольше, чем требует необходимость, — заявил он. — Оплакать негра-раба можно и на постоялом дворе, после хорошего ужина, когда не грозит никакая опасность.

— Мне везде теперь грозит опасность, — возразила Масардери.

— Все равно, давайте покончим с делом поскорее.

Конан, как ни неприятно было ему это сознавать, вынужденно согласился с Кэрхуном. Двое негров принялись копать могилу своему собрату, а киммериец тем временем заговорил с третьим, отведя того в сторону.

— Вы действительно братья? — спросил он. Тот кивнул и добавил не без гордости:

— Мы священные братья. В нашем племени такие рождаются нечасто... хотя, как мы узнали, живя в Акифе, гораздо чаще, чем в других.

— Поясни, что означает «священные братья», — сказал Конан.

— Мы родились от одного отца и одной матери в один и тот же миг, — ответил чернокожий.

— Все четверо? — поразился киммериец. Он напрочь забыл о своем намерении держаться спокойно и сдержанно, чем, как он знал, легко завоевать уважение чернокожего.

Тот кивнул и добавил просто:

— Удивляются все белые, которые это слышат.

— И большинство негров удивится тоже, смею тебя заверить, — сказал Конан. — Среди людей подобное явление всегда редкость. Более того! Чаще всего рождение двоих близнецов одновременно вызывает у людей недоумение. Я знаю народы, где второго близнеца принято убивать, ибо он считается зачатым от какого-нибудь демона.

— У нас подобные дети — дар благосклонных богов, — печально сказал негр. — И вот теперь мы потеряли одного из нас. Это все равно что утратить руку или ногу...

— Нет, — Конан покачал головой. — Я говорил это вашей госпоже, скажу и тебе: ваш брат уже находится в пиршественных чертогах, ибо погиб как воин, так, как и подобает мужчине. А вы — каждый из вас — представляет собой отдельного человека.

— Мы никогда о себе не думали по отдельности, только вместе, — признал чернокожий.

Конан хлопнул его по плечу.

— Насколько я смогу, я постараюсь заменить вашего четвертого брата, если дело дойдет до драки.

Свежая могила выросла в пустыне. Туранскую саблю положили вместе с погившим. И вот уже ничто не напоминает о горестном происшествии. Только прах, горстка костей и небольшой холмик на поверхности земли — холмик, который через несколько лун будет уже совершенно незаметен.

Глава пятая Арвистли-чародей

Гостоялый двор Конан отыскал без труда. Путники добрались туда уже через два колокола после захода солнца. Все они устали и нуждались в отдыхе. Казалось, впрочем, что самым утомленным из всех является Кэрхун. Поглядывая в сторону племянника, Масардери презрительно морщила нос: она все больше и больше ощущала себя «славным потомком гирканцев», «кочевником», в то время как Кэрхун был типичный турец. По большому счету, племянник был истым домоседом. Даже странно, что он выбрался из своего отлично обустроенного островного поместья с намерением помочь тетке избавиться от кошмаров. Ведь Масардери однозначно дала ему понять: его ухаживания нежелательны. Должно быть, он рассчитывает уломать ее за время путешествия. Что ж, в таком случае, жалуясь и стеная, он явно избрал неправильный путь.

Масардери, впрочем, несмотря на всю свою лихость тоже с трудом держалась в седле, но

она, по крайней мере, не проклинала свою несчастную долю, в то время как стенания Кэрхуна оглашали пустыню, точно вой голодного койота.

Негры бежали за лошадьми ровным, уверенным шагом. Их тела лоснились от пота, и сейчас, облитые лунным светом, они казались какими-то странными божествами, принявшими человеческое обличье, но все же не вполне похожими на людей.

Конан постоянно озирался по сторонам. В каждый миг он ожидал подвоха: выскочившего из-под земли или упавшего с небес монстра, который, натворив бед, под конец обратится совершенно безобидной вещью или горой мусора. В этой жестокой магии, кем бы она ни насыпалась, Конану чуялось нечто глубоко оскорбительное, призванное издеваться над жертвой до конца. Быть убитым горой мусора! Погибнуть в челюстях балдахина! Пасты жертвой облезлой кошачьей шкуры!

Когда Конан думал об этом, он невольно скрипел зубами от ярости. Нет уж, такой добычи, как Конан-киммериец этот таинственный маг не получит!

На постоялом дворе их уже ожидали. Масардери сразу же попала в объятия своих кузин, которые в полном смысле слова набросились на нее с причитаниями:

— Ах, дорогая! Это было ужасно! Я до сих пор вся дрожу! Как ты только смогла выдержать такое? О, ужасно, ужасно! Но до чего же она му-

жественная, дорогие мои, вы не находите? Остаться там, когда уже темнело и все монстры вселенной выходили на охоту за живой человеческой плотью! И ради чего? Только ради того, чтобы похоронить этого бедного негра! А этот негр, кстати, очень симпатичный мужчина...

Тут старшая из кузин (и наименее привлекательная из всех) строго остановила остальных:

— Что вы такое говорите, дорогие мои! Кто может всерьез рассуждать о привлекательности чернокожего?

Тут они все три потупились с самым ханжеским видом, а Масардери, несмотря на все перенесенные испытания и тревоги минувшего дня, едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

Для Конана жилье уже было готово. Он убедился в том, что комната, которую займет Масардери, располагается по соседству с той, где намеревался ночевать сам варвар, и спустился в нижний зал. Усталый, пыльный и потный, он плюхнулся на скамью и устремил на зевающего, падающего с ног от усталости прислужника такой свирепый взор, что скоро перед варварам выросла целая гора еды: наскоро поджаренное жесткое мясо (очевидно, верблюжье), рис в горшочке, стопка лепешек серого хлеба и кувшин молока.

Конан принял за трапезу, жуя так же яростно, как сражался.

— Учитель!

В зал вбежал Мэн-Ся. Конан поглядел на молодого кхитайца с легкой досадой и пробурчал:

— Можешь оставить эти церемонии. И перестань все время кланяться! У меня от тебя рябит в глазах.

Мэн-Ся расхохотался и уселся рядом. Он быстро придинул к себе горшочек с рисом и заглянул внутрь одним глазом, в то время как другой, узкий и хитрый, рассматривал Конана.

— Как мило было с их стороны позаботиться о бедном кхитайском философе! Ваша госпожа, полагаю, согласится заплатить за этот рис?

Не дождавшись ответа, он принялся быстро уминать рис. Он ел с жадностью изголодавшегося человека, так что Конан в конце концов спросил:

— У тебя что, нет при себе денег заплатить за ужин?

Не переставая набивать рот, кхитаец покачал головой.

— Согласно нашей философии, путник должен быть беден, дабы изведать дорогу во всей ее прямоте.

— Кажется, таким премудростям я тебя не учил, — заметил Конан.

— Нет, учитель Конан, но у нас были и другие учителя...

— Стало быть, ты изменил моему великому учению? — нахмурился Конан, забавляясь.

— О нет, учитель, но наша философия позволяет совмещать самые разные учения! В данном случае я отправился в путь, желая познать путь в его прямоте и людей в их самых разных свой-

ствах, а это лучше всего делать не имея при себе денег.

— Понятно, — сказал Конан. Он отставил блюдо, на котором оставались только обглоданные кости, и взялся за кувшин с молоком. На мгновение задержался: — Может быть, ты выпьешь молока?

— Нет, учитель, благодарю. Я пью только чистую воду.

— Надо будет на досуге подпоить тебя чем-нибудь покрепче родниковой воды и посмотреть, что останется от твоей философии в пьяном виде.

— О, у нас есть учение о том, что пьяный человек раскрывает доселе скрытые в нем возможности... — обрадованно зачастил Мэн-Ся.

Конан безнадежно махнул рукой.

— Ты невыносим, кхитаец.

Он откинулся к стене, ковыряя в зубах и озираясь по сторонам, и вдруг сердито нахмурился. Откуда взялся здесь этот человек? Киммериец мог поклясться, что когда он садился за свою вечернюю трапезу, незнакомца здесь не было.

Но теперь он сидел в дальнем углу и аккуратно, как кошечка, кушал какое-то жидкое варево, зачерпывая из глубокой глиняной миски.

— Кто это? — осведомился Конан у кхитайца.

Тот повернулся и несколько мгновений рассматривал чужака. Потом пожевал губами в явной растерянности.

— Кажется, он присоединился к каравану во время последнего перехода... Я его не заметил.

— В том-то и дело! — с досадой воскликнул Конан. — Я тоже.

— Вы, учитель? — поразился кхитаец, но тут же нашел ему оправдание: — Но этого и быть не могло, ведь вы находились далеко от нас, вы потребовали доблестно павшего!

— Хочешь сказать, что он просто вышел из пустыни и пошел рядом с караваном, и шагал так, пока вы не добрались до места ночлега?

— Приблизительно так... Хотя повторяю, собственными глазами я этого не видел.

— Странно, не так ли?

— Странно.

Они помолчали, а потом, не сговариваясь, забрали — Конан свой кувшин с молоком, а кхитаец мисочку с недоеденным рисом — и пересели к незнакомцу; Конан справа, а Мэн-Ся слева.

— Мы не помешаем тебе? — спросил Конан с едва различимой угрозой в голосе.

Незнакомец глянул сперва на огромного киммерийца, затем на маленького кхитайца, приветливо улыбнулся куда-то в сторону и ответил:

— Пожалуй, нет. Вы уже пробовали здешнюю похлебку? Советую угоститься. Чрезвычайно питательно и полезно для пищеварения. Облегчает отbrasывание отходов жизнедеятельности...

— Ты врач? — перебил Конан, морщась.

— О нет, хотя иногда мне приходится врачевать страждущих, ибо в нашем несовершенном мире страдание и жизнь часто идут рука об руку, — был ответ.

Услышав о «несовершенном мире», кхитаец оживился.

— Вероятно, ты философ?

— Ни то и ни другое, — отозвался незнакомец. — Меня зовут Арвистли.

И замолчал, очевидно, полагая, что назвав свое имя, объяснил решительно все.

— О, — вежливо произнес Мэн-Ся, — в таком случае мое имя Мэн-Ся. Ученик философов, к вашим услугам.

— Конан, — буркнул киммериец.

— Очевидно, вы путешествуете вместе с моим другом Кэрхуном? — поинтересовался Арвистли. — Это чрезвычайно кстати! Я давно мечтал свести знакомство с кем-нибудь из друзей моего друга Кэрхуна. Видите ли, нет лучшего способа узнать человека, как только познакомиться с его друзьями.

— Что ж, в таком случае, могу сделать вывод о том, что Кэрхун — скользкая личность, — сказал Конан. — Ну, если судить по тому, что ты считаешься его другом.

Арвистли задумался. На его лице появилась странная улыбка — как будто он пытается разгадать какую-то трудную загадку и заранее знает, что ответ окажется забавным.

— Таким образом ты хочешь дать мне понять, что я — скользкая личность? — догадался наконец он.

— Приблизительно так, — заявил Конан.

Арвистли не то чтобы совершенно не нравился ему — скорее, он настораживал. Во-первых,

представлялось невозможным определить его возраст. То он выглядел совсем молодым, не старше тридцати, то вдруг тени падали на его лицо так, что становились видны многочисленные мелкие морщинки, и тогда делалось очевидным, что Арвистли уже достиг пятидесятилетнего рубежа. Его волосы были пегими, и опять же оставалось неясным: натуральный ли это цвет или же седина. Худой, гибкий, с вкрадчивыми движениями, он явно не нравился Конану иставил в тупик кхитайца.

В такой ситуации «друг Кэрхуна» служило не лучшей рекомендацией.

— Я немного практикую магию, — сообщил Арвистли, очевидно, ожидая от собеседников восторженной реакции. Но результат получился совершенно обратным.

Конан стал мрачнее грозовой тучи, а Мэн-Ся заботливо сдвинул брови.

— Чародей? — переспросил варвар. — Немного лекарь, немного чародей, слегка философ... и друг Кэрхуна.

Арвистли торжественно кивнул.

Конан надвинулся на него и навис, точно скала, над макушкой своего нового знакомца:

— Ну так запомни, Арвистли: теперь если случится какая-нибудь отвратительная вещь, я буду знать, чьих грязных ручонок это дело.

С этим он встал и зашагал к лестнице, чтобы подняться наверх и улечься наконец спать. Арвистли озадаченно смотрел ему вслед, затем перевел глаза на Мэн-Ся.

— Ты уже пробовал здешнюю похлебку? — спросил «немножко маг». — Она восхитительна, советую заказать.

— Ты уже советовал, — напомнил Мэн-Ся.

— Правда? — искренно удивился Арвистли. — А я, пожалуй, попрошу добавки. Закажу и тебе, если желаешь.

— Хорошо. — Мэн-Ся произнес эти слова так, словно принимал вызов.

Волоча ноги и зевая во весь рот, прислужник притащил еще похлебки и сообщил:

— Я ухожу спать, так что этот заказ был последним. И даже если хозяин снимет с меня голову за то, что я упустил какую-то прибыль, — я все равно не проснусь. Пара грошей ничего не значит, ясно? Можете не стучать ножами по столу и не топать ногами — я все равно не приду.

— Яснее некуда, — заверил его Мэн-Ся.

Похлебка из овощей, бобов и кусочков баранины, действительно оказалась вкусной. Во всяком случае, на взгляд такого неприхотливого человека, каким был кхитaeц, — и такого причудливого, каким являлся Арвистли.

— Люблю экзотическое, — сказал Арвистли. — Я благодарен Кэрхуну за приглашение. В путешествии всегда можно узнать что-нибудь новое.

— Такова и моя цель, — обрадовался Мэн-Ся. — Познать все тяготы и красоты прямого пути.

— Что означает «прямой путь»? — поинтересовался Арвистли.

— Обычно так называют путешествие без денег, — объяснил кхитaeц. — Вооруженный лишь знанием, жаждой познания и философией, человек пускается в странствие. Он бросается в людское море, он пересекает пустыни и леса — и возвращается назад умудренным. В таких случаях еще принято вести дневник, как это делал... — Он задумался и назвал несколько имен, а затем добавил: — Этому же учил и туранский мудрец Шах-Назар.

— О да, — с важным видом кивнул Арвистли. — Я изучал труды Шах-Назара, разумеется. Туранские мудрецы наиболее важны для нас, туранцев.

— Ты не похож на туранца, — сказал Мэн-Ся.

— Разве? Впрочем, мои предки из Иранистана... Хотя все мы происходим от одного корня. Странно, Мэн-Ся, что ты различаешь такие тонкости.

— Почему?

— Я полагал, что мы в твоих глазах все на одно лицо.

— Почему? — снова спросил Мэн-Ся.

— Коль скоро для нас все кхитайцы на одно лицо — то и мы должны быть для кхитайцев таковыми же. Так учит Шах-Назар, разве ты забыл?

— О, — произнес Мэн-Ся с ноткой почтения в голосе. — Должно быть, ты великий жулик, если говоришь так.

— Позволь теперь мне задать тебе тот же вопрос: почему?

— Потому что никакого Шах-Назара, туранского мудреца, не существует и никогда не существовало, а ты не только признал его нали-чие, но и начал развивать какие-то теории, согласно его учению. На такое способен только человек, умеющий верить в собственную ложь.

Арвистли и бровью не повел.

— Этим я зарабатываю на жизнь. Можешь не удивляться — у меня еще много разных умений.

— И ты действительно маг?

— Скорее, мастер иллюзий.

— И какие иллюзии ты создаешь?

Вместо ответа Арвистли щелкнул пальцами, и в зал вдруг вошел прислужник. Яростно зевая с угрозой вывихнуть челюсти, он спросил:

— Ну, что вам еще?

— Жареного фазана, пожалуйста, — велел Арвистли. — В перьях, с драгоценными украшениями на голове... И, пожалуй, обложенного фаршированными куропатками.

— Чтоб вам провалиться, — проворчал слуга. — Поспать человеку не даете...

Он удалился и, к удивлению Мэн-Ся, вскорости вернулся. Побагровев от натуги, он тащил огромное блюдо, на котором действительно красовался фазан в перьях, со сверкающими рубинами на голове и на шее. Возле фазана притулились десяток куропаток.

Плюхнув блюдо на стол, слуга выругался и произнес:

— Все! Ухожу спать. И хватит издеваться над человеком.

Он повернулся и, шаркая, потащился прочь.

Мэн-Ся изумленно проводил его взглядом. А когда он повернулся обратно к столу, никакого фазана там не было. Там вообще ничего не было.

Арвистли смотрел на своего собеседника и весело посмеивался.

— Понравилось?

— Мне бы куда больше понравилось, если бы это был настоящий фазан, — признался Мэн-Ся. — Правда, я не ем мяса, но мой друг Конан был бы рад отведать...

— Конан? Этот неотесанный верзила? Он действительно твой друг?

— Я смею надеяться на то, что это так.

Арвистли поморщился.

— Ужасный человек. Совершенно явно ненавидит магию и вообще мастерство иллюзий и чуть что хватается за оружие. Сперва снесет голову, а потом спросит у бедняги — что тот имел в виду, когда назвал его «болваном». Ужасный человек, просто чудовищный!

— О нет, не говори так! — возразил Мэн-Ся. — Конан обладает определенной мудростью. Он учил нас в Китае своей философии...

Арвистли махнул рукой с видом полной безнадежности.

— Всю эту грубую лесть в адрес громилы с интеллектом лесной обезьяны я списываю на то, что ты идешь прямым путем — то есть не имеешь при себе денег. Ты должен учиться видеть хорошее в любом человеке, иначе у тебя не по-

лучится убедительным тоном просить у него денег и покровительства.

— Отчасти ты прав, — не стал отрицать Мэн-Ся. — Этим моим качеством и объясняется то, что я до сих пор сижу тут с тобой за столом и мирно беседую... Но Конан действительно мой друг. Без всякого притворства.

— Полагаю, он и не умеет притворяться, — буркнул Арвистли.

— Он не всегда считает нужным притворяться, — возразил Мэн-Ся, — однако по части розыгрышей и хитростей он опередит и тебя и меня. Обличье варвара и грубияна — лишь личина. И в большинстве случаев под эту маску лучше не заглядывать, можешь мне поверить.

Арвистли вздохнул:

— Как странно и сложно устроен мир! Я все время пытаюсь постичь его устройство, но каждый раз, когда мне кажется, будто я заглянул в самую его сердцевину, выясняется, что я так же далек от разгадки, как и в самом начале моего исследований.

Помолчав, Мэн-Ся снова нарушил молчание:

— А слуга, который приносил фазана, — он был настоящий?

— Да, — не без гордости ответил Арвистли. — Правда, он действовал во сне, так что наутро, скорее всего, ничего не вспомнит.

Мэн-Ся встал и поклонился Арвистли.

— Говорю тебе это без всякой зависти, Арвистли: ты воистину великий мастер иллюзий. Я выражают тебе свое почтение и желаю приятных

снов. Для меня будет честью путешествовать в твоем обществе, и я надеюсь многому от тебя научиться. Это не лесть.

Он снова поклонился и быстро побежал вверх по лестнице, направляясь к своей комнате. Но когда он проходил мимо двери, за которой храл Конан, он чуть замедлил шаги. Храп тотчас прекратился, и неожиданно дверь приоткрылась. Мэн-Ся метнулся в сторону, однако киммериец оказался проворней: он успел схватить маленького кхитайца за полу одежды.

— Ай! — вскрикнул Мэн-Ся тонким голосом.

Конан втащил его к себе в комнату и запер дверь.

Мэн-Ся моргал, рассматривая в темноте огромную, угрожающую фигуру.

— Ты поговорил с ним? — спросил Конан. — С этим чародеем?

— Да.

Конан перевел дух и усился на кровать. Мэн-Ся, скрестив ноги, устроился на полу и уставился на киммерийца немигающим взглядом блестящих узких глаз.

— Это его лап дело? — спросил Конан мрачно. — Все эти смертоносные иллюзии, которые едва нас не загрызли?

— Вряд ли, Конан, — покачал головой Мэн-Ся. — Он просто шарлатан. Немножко иллюзий, малость внушения, чуть-чуть лжи... Это бездельник, который тратит кучу усилий на то, чтобы продолжать оставаться бездельником и ни в коем случае не быть вынужденным заняться ка-

ким-нибудь трудом. Лучше всего для него подошла бы должность шута при каком-нибудь королевском дворе.

— Откуда у тебя такая уверенность? — осведомился Конан.

— Важно ведь не только то, что говорит человек, но и то, как он говорит, — ответил Мэн-Ся. — Я смотрел и слушал. Он незлой человек. Он не смог бы создать нечто такое, что привело бы к гибели людей. Это не в его характере.

— Ты успел изучить его характер? Он — маг, а это само по себе говорит о том, что ничто злое ему не чуждо!

— Он жулик, а это совершенно другое дело, — возразил Мэн-Ся.

Конан поразмыслил немного, но затем упрямо покачал головой.

— В любом случае, он мог даже не знать, к чему ведут его фокусы. Положим, его попросили создать для смеху дракона из горы песка и костей. Он не мог знать, что этот дракон сожрет человека. Или внушить бедной женщине, что балдахин ее кровати обернулся кровососущей летучей мышью... А эта мышь вдруг проявила дикий нрав и попыталась действительно выпить кровь из своей жертвы.

— Двойная магия? — Мэн-Ся нахмурился. — Один, ни о чем не подозревая, создает безобидные иллюзии, а другой наполняет эти иллюзии зловещим содержанием?

— Такое возможно, как ты считаешь? — настаивал Конан.

— Возможно.

— Вот и я так думаю, — заявил киммериец. — Где ты ночуешь?

— Вместе со слугами, на заднем дворе.

— Это часть твоего обучения — или просто обстоятельства? — спросил Конан.

— И то, и другое.

— Ладно, — сказал Конан. — В следующий раз попробуем найти для тебя ночлег поудобнее. Поближе к госпоже Масардери. Вдруг что-нибудь произойдет интересное или опасное? Всегда полезно оказаться где-нибудь неподалеку, чтобы поглядеть с близкого расстояния.

Судя по тому, как фыркнул кхитаец, ему во все не улыбалась перспектива оказаться поблизости от какой-нибудь неприятной ситуации — «для удобства». Но Конан, разумеется, не обратил на эту малость никакого внимания.

Глава шестая

Зелье трех кузин

Кое-кто из путешественников остановился в Аграпуре, но большинство направлялось в Вендию. Великолепный, блестательный Аграпур! Мэн-Ся горел желанием познакомиться с этим городом, о котором рассказывают легенды.

— Даже в Кхитае мы слышали о богатствах и роскоши Аграпура, — признавался маленький кхитаец Конану.

Госпожа Масардери также выразила желание погулять по городу, где караван задержался более, чем на два дня. Нужно было разгрузить товары, взять новые, а заодно и договориться об условиях, на которых новые путешественники и новые грузы присоединятся к прежним.

Все эти важные переговоры велись в большом караван-сарае на окраине Аграпура. Большая часть путников разместилась на отдых там же. Самые состоятельные решили нанять на пару суток комнаты в хороших гостиницах. Их примеру последовала и госпожа Масардери со свои-

ми спутниками — тремя кузинами, одним племянником и служами. Конан, Арвистли и Мэн-Ся также составили свиту богатой вдовы, так что она сняла целый этаж в небольшой гостинице в самом центре Аграпура.

Мэн-Ся не мог прийти в себя от восторга. В первый день он не спал и почти не ел — жалел времени на эти «бесполезные занятия», а только ходил по городу и смотрел по сторонам. Масардери почти не выходила из своей комнаты. У нее постоянно болела голова. Обычно жизнерадостная сильная женщина, она растерялась и поддалась печали. Болезнь совершенно расстроила ее.

Чернокожие слуги, которых осталось трое, постоянно находились при ней — не в самой комнате госпожи, а у входа. Они сидели на полу, подтянув колени к груди, и неподвижно смотрели в одну точку. Никому не дозволялось входить к Масардерии и тревожить ее уединение. Разве что какая-нибудь из кузин появлялась с прохладительным питьем или лекарством.

Эти кузины постоянно кружили возле Масардерии. Конан поначалу пристально приглядывался к ним, пытаясь угадать: не таит ли одна из болтливых и смешливых дамочек какое-нибудь злое намерение относительно его нанимательницы. Но кузины были глупы — и только.

Конан занял небольшую комнату рядом с покоями Масардерии. Дверь он постоянно держал открытой, так что все происходящее было ему хорошо видно. Для удобства Конан разместился поближе к выходу, куда перетащил кровать и

столик, на котором стоял здоровенный кувшин с вином и закуски — холодная телятина, соус из рыбных внутренностей, и прочие блюда, которые позволяли ему не испытывать голода.

С этого наблюдательного пункта киммериец видел, как одна из кузин, закутанная до самых глаз в ослепительно-желтые шелка, извивающейся походкой прошла по коридору. В руках она держала пузатый флакончик.

Остановившись перед дверью, девушка жеманно проговорила:

— Любезные... э... любезные негры, не пропустите ли вы меня к госпоже? Я принесла ей отличное притирание для висков.

Негры не пошевелились, только один из трех приподнял голову и устремил на пришедшую долгий взгляд. Кузина хлопнула ресницами. Глаза у чернокожего были огромные, с синеватыми белками, и их зрачок странно подрагивал, то сужаясь, то расширяясь.

Затем женщина присела перед ним на корточки, и ее лицо оказалось бровень с лицом чернокожего. Конан, забавляясь происходящим, подвинулся ближе. Девушка сунула пальчик в пузатый сосудик и извлекла небольшое количество мази.

— Смотри, — она поднесла палец к носу чернокожего слуги, — видишь? Это целебная мазь. Если намазать ею виски, то головная боль пройдет. Давай я покажу тебе.

С этим она осторожно провела пальчиком по виску чернокожего. Он зажмурился, как боль-

шой пес, которого ласкает господский ребенок. На крупных мягких губах негра появилась улыбка.

— Кром! Она заигрывает с ним! — пробормотал Конан, потрясенный.

— Ну как, тебе понравилось? — спросила кузина.

Чернокожий кивнул и отодвинулся, позволяя молодой женщине войти. Та провела рукой по его волосам и проскользнула мимо, в комнату Масардери.

Как только она скрылась из виду, Конан тихо свистнул. Все трое братьев повернулись на этот свист и увидели, что киммериец выглядывает наружу.

— Эй, зайди-ка ко мне сюда, — позвал Конан того из них, с кем только что разговаривала кузина в желтом. — Есть одно дельце...

Негр поднялся и быстрым гибким движением скользнул в комнату к Конану. Он остановился в дверях. Киммериец протянул ему кувшин с вином.

— Глотни, освежись.

Негр осторожно отхлебнул вина и вдруг широко улыбнулся, сверкнув зубами.

— Нравится? — Конан ухмыльнулся ему в ответ. — Мне тоже.

Он отобрал кувшин и в свою очередь приложился. Затем обтер губы и продолжил:

— Эти три женщины, кузины госпожи, — они часто к ней заглядывают, не так ли?

— Они хотят ее развлечь, — объяснил негр, кося глазами в ту сторону, где находилась спальня госпожи.

— А что это за средство от головной боли?

— Не яд, — ответил негр кратко.

— Я тоже полагаю, что это не яд, — согласился Конан. — Ведь она намазала тебя на глазах у троих свидетелей. Если ты умрешь, все сразу поймут причину. Нет, это вовсе не яд... Но что это?

— Она проделывает это уже не в первый раз, — сообщил негр. — Это любовное зелье. Оно пробуждает в мужчинах и женщинах желание любви.

— Откуда ты знаешь?

— По его действию, — просто ответил чернокожий. — Эти три дамы не слишком привлекательны, не так ли? Ни для белого мужчины, ни для черного. Но когда она приходит со своим пузырьком, желание пробуждается во мне. И я ложусь с ней, как она того хочет.

— Иными словами, эта девица в желтых покрывалах пользуется своим снадобьем, чтобы разбудить в тебе плотскую страсть?

— Во мне и в моих братьях, — сказал негр.

Судя по тому, как спокойно он держался, он не находил в действиях женщины ничего предосудительного. Конан знал, что для многих чернокожих соединение мужчины и женщины не заключает в себе ничего священного или таинственного; это просто обычная часть жизни, такая же, как еда или сон. И если какая-то женщина не пробуждает в мужчинах естественного желания, она должна воспользоваться снадобьями и заклинаниями, иначе ее жизнь будет неполна.

Сам Конан не терпел насилия в подобных делах, ни грубого физического, ни тонкого, связанного с магией. Он всегда считал, что любовь — это дело добровольного согласия между мужчиной и женщиной.

Но чернокожий, похоже, держался совершенно иного мнения. По-своему он жалел некрасивых кузин прекрасной госпожи Масардери и готов был им помочь по мере своих сил. А то обстоятельство, что они с помощью приворотного зелья облегчали задачу, вызывало у него только одобрение.

— С тобой и твоими братьями все понятно, — кивнул Конан.

Чернокожий опять улыбнулся.

— В этом есть тайна, — сказал он. — Они священные сестры, а мы — священные братья.

— Но они вовсе не родились в один день, — возразил Конан. — У них разница в возрасте несколько зим.

Негр торжественно покачал головой.

— Мы решили считать их священными сестрами. Это оправдывает наш выбор. Обычно люди нашего племени женятся только на тех, кто способен, как и мы, производить на свет более трех детей одновременно. Но у нас нет выбора. В земле белых людей нет таких, кто был бы похож на нас в этом.

— А я еще считал, будто лишь кхитайская философия в состоянии оправдывать любое человеческое действие! — вздохнул Конан. — Но вот о чем я хотел тебя спросить: для чего твоя

дама потащила свое приворотное зелье госпоже Масардери?

— Для того, чтобы госпожа Масардери также испытала любовный голод и утолила его с тем мужчиной, который этого жаждет.

Ну да, разумеется!

Чернокожий не видел в подобном поступке ничего предосудительного. И кузины с легкостью воспользовались его доверчивостью, чтобы заставить Масардери сделать то, о чем она впоследствии пожалеет.

— И кто же тот мужчина, который жаждет госпожу? — продолжал спрашивать Конан.

— Их несколько, и ты в том числе, — с детской искренностью и простотой ответил чернокожий. — Но сейчас, я полагаю, речь идет о Кэрхуне.. Он давно смотрит на госпожу, облизываясь. Он места себе не находит. Бегает по комнатам взад-вперед, вздыхает, грызет себе руки.

— Ты уверен, что он вожделеет именно госпожу Масардери?

— А как же иначе? — Теперь чернокожий выглядел совершенно сбитым с толку. — Чего же еще можно вожделеть, как не ее прекрасное тело? У нее доброе сердце, и это видно по ее лицу, а что до ее тела, то оно как сладкий лед в жаркий день...

— Так и хочется облизать, — заключил Конан, мрачнея. — Стало быть, эти девицы уже приступили к своему колдовству, а вы, глупые негры, этому не помешали... Ладно, не помешали вы, так вмешаюсь я.

— Что ты хочешь делать? — Негр вдруг испугался, видя, каким мрачным сделалось лицо Конана.

— Пожертвую собой, — ответил киммериец.

Он поднялся и вышел из своей комнаты. Озадаченный негр последовал за ним.

* * *

В покоях госпожи Масардери было прохладно, там царила мягкая полутень. Сама госпожа лежала на постели и рассеянно передвигала фигурки той самой игры, в которую она играла, когда гигантский леопард напал на нее в ее собственном доме в Акифе. Кое-каких фигурок не хватало, но Масардери этого, казалось, даже не замечала.

В комнате слегка пахло ванилью и еще какой-то приятной травяной смесью. Чуткие ноздри варвара дрогнули: он сразу ощутил присутствие слабой магии. Молодая женщина этого, впрочем, не замечала.

Заслышиав шаги, она подняла голову и приветливо улыбнулась:

— Это вы! Я рада вас видеть. Садитесь на мою постель, поболтаем.

Конан сделал несколько шагов вперед и закрыл за собой дверь.

— Кажется, здесь побывала ваша кузина?

— Да, очаровательная женщина. Не слишком красивая, если судить по обычным меркам, и не слишком умная, но добросердечная... и в общем

и целом настоящая женщина. В последнее время она просто расцвела — равно как и ее сестры. Удивительно, как благотворно оказывается на них путешествие!

— Это точно, — согласился Конан. — А вы не обращали внимания также на то, как расцвели и похорошили ваши чернокожие рабы?

— Что? — изумилась Масардери. — При чем тут мои чернокожие рабы?

— Да так, ни при чем... — Конан многозначительно вздохнул и отвел глаза.

Ай да девицы-кузины! Быстро же они нашли себе развлечение!

— Конан, — прошептала Масардери, смахивая игральную доску на пол, — подойдите ко мне ближе. Умоляю вас, сядьте рядом! Только снимите эту вашу ужасную потную одежду. Я хочу прикасаться к вашему телу... У вас такое прекрасное, такое сильное тело...

Конан улыбнулся, стаскивая с себя куртку и снимая пояс. Что бы сейчас ни произошло между ним и Масардери, у дамы никогда не будет причины жалеть об этом.

* * *

Кэрхун осторожно подкрался к двери, за которой находилась госпожа. Чернокожие продолжали сидеть на полу неподвижно. При появлении господина Кэрхуна они даже не пошевелились. Мгновение он рассматривал их. Они напоминали изваяния, высеченные из черного камня.

Даже глаза их оставались застывшими. Синевые белки поблескивали в полумраке коридора.

— Эй, рабы, пропустите-ка меня! — приказал Кэрхун.

Они никак не показали, что слышат.

— Я говорю, дайте мне войти! — повторил он. — Госпожа будет рада меня видеть.

— Госпожа не будет рада видеть господина, — подал голос один из братьев, но какой — понять было трудно. Казалось, он говорил не разжимая губ, как могла бы разговаривать статуя.

— Не тебе судить, черномазая собака! — разъярился Кэрхун и ударил ногой одного из рабов.

Ему показалось, что он пнул камень, такой твердой была голень чернокожего. Раб медленно поднялся и уставился на Кэрхуна, который был ниже его на полголовы.

— Госпожа не будет рада видеть господина, — еще раз сказал он, на сей раз двигая губами. — Господину лучше уйти.

— Это решаю я! — сказал Кэрхун. — Прочь с дороги.

— Господин может пожалеть.

— Заткнись! — рявкнул Кэрхун и ворвался в комнату.

И остановился, как будто налетел на невидимую преграду.

Госпожа Масардери лежала на постели, а рядом с ней развалился огромный киммерец-варвар. Черные волосы Конана разметались по шелковым подушкам, синие глаза светились в полумраке, как у дикого зверя. Конан безмятежно

улыбался. Масардери играла его волосами и пробегала пальчиками то по его вискам, то по его широченной груди.

Завидев Кэрхуна, Конан засмеялся и сгреб Масардери в охапку.

— Посмотри, любовь моя, кто к нам пожаловал! Сам Кэрхун! А ведь твои негры предупреждали его, чтобы он не входил. Ах, какая неловкость!

Масардери тихонько рассмеялась, пряча лицо на груди Конана.

— В самом деле, неловко вышло, племянник, — проговорила она.

Кэрхун, тяжело дыша, смотрел на нее и Конана во все глаза. Казалось, он до сих пор не может поверить увиденному. Случайность? Глупая случайность! Вот что разрушило его замысел!

— Ты сам не понимаешь, киммериец, что ты наделал! — прошипел Кэрхун. — Ты совершил самую большую ошибку в своей жизни!

— Не думаю, — спокойно отозвался Конан и поцеловал Масардери в макушку. — Она прекрасная женщина и великолепна в постели. Кроме того, смею надеяться, она довольна тем, что произошло.

— Племянник, ты ведешь себя грубо, — сказала Масардери, высвобождаясь из объятий Конана. — Ты врываешься в спальню к женщине. Я не твоя жена и не состою под твоей опекой. Я вдова, и к тому же богатая вдова, которая имеет полное право распоряжаться своим телом и своим состоянием. Уйди!

— Вы оба сильно пожалеете о том, что натворили, — обещал Кэрхун, хлопнув дверью.

В ярости он пробежал мимо негров, стараясь не думать о том, какими насмешливыми взглядами они его провожают. Но то, что он увидел в спальне, жгло его душу.

Масардери! Глупая бабенка! Разумеется, Кэрхун вожделел ее, но еще больше он вожделел ее богатств. И если ему не удалось заставить ее полюбить себя и добровольно отдать ему свое состояние — в качестве приданого, то она умрет. Он ближайший ее родственник и унаследует все.

Глупая, глупая Масардери!..

* * *

Когда Масардери, утомленная любовью, заснула, Конан оделся и тихо выскользнул из комнаты. Он подмигнул своим сообщникам-неграм, и те ответили ему полными понимания ухмылками.

— Где остановился этот маг, Арвистли? — спросил Конан.

Ему показали, и киммериец направился прямо в комнату к шарлатану.

Арвистли поднялся, когда гость без стука вломился к нему.

— Это ты, киммериец? — удивленно произнес Арвистли. — Что тебе угодно?

— Ответь на несколько вопросов, и я уйду, оставив тебя непокалеченным, — обещал Конан, бесцеремонно вытряхивая Арвистли из удобного

кресла и усаживаясь туда сам. — Кто попросил тебя изготовить любовные снадобья?

— Кэрхун, естественно, — ответил Арвистли. Он сразу успокоился и отвечал так, словно речь шла о вещах само собой разумеющихся. — А что? Это очень простая штука. Пара несложных заклинаний и мазь с приятным запахом.

— Ради этого он и пригласил тебя принять участие в нашей увеселительной поездке? — продолжал Конан.

— В общем и целом да. Видишь ли, Конан, я кое-чем обязан Кэрхуну. Я бездельничал и путешествовал, переходя от одного богатого покровителя к другому. Такой образ жизни помогал мне изучать человеческую природу, а заодно и перехватывать крупицы магического знания. Как-то раз я попал в неприятность. Женщина. Богатая наследница. Я влюбился, и она, кажется, отвечала мне взаимностью... Клянусь, мы только разговаривали! Она интересовалась магией, я рассказывал ей разные вещи... Ну, положим, не все они были правдой. Но она решила попробовать. Она все принимала на веру, маленькая доверчивая птичка! — На глазах Арвистли выступили слезы. — Я сообщил ей рецепт одного магического зелья, которое — как утверждалось в той книге, где я это вычитал, — способствует росту волос и прибавлению ума. Я никогда не говорил, будто сам пользовался им! Клянусь, клянусь! А она решила попробовать. Естественно, на себе. Настоящий маг все пробует только на себе... Она умерла... Тогда стали известны

подробности наших ночных разговоров, наших тайных свиданий. Стали допытываться: почему мы встречались тайно? Почему? Да потому, что ей нравились секреты! Она вообще считала, что магия должна свершаться под покровом ночи, в темноте... Но как это объяснить уничтоженному горем отцу, куче родственников и охотников за приданым? Меня схватили и обвинили в убийстве...

Арвистли содрогнулся всем телом при этом воспоминании.

— Меня поместили в тюрьму в Иранистане. С ворами и убийцами, в темном сыром подвале. Вся эта слизь на стенах, крики истязаемых, голод, отвратительная еда — которую у меня сразу же отбирали более крепкие заключенные... Я молил о смерти. Вот до чего дошло. Да, я хотел умереть! А потом пришло избавление. Кэрхун. Он сошел в это подземелье вместе с тремя стражниками, двое из которых охраняли его, а третий светил ему факелом. Как я смотрел на него из моего грязного угла, куда забивался в попытках держаться подальше от моих товарищ! Ты даже представить себе не можешь, что такое — быть в тюрьме, в оковах, среди толпы грубых, жестоких людей!

— Ну почему же не могу? — возразил Конан. — Напротив, Арвистли, это-то я как раз очень хорошо себе представляю. — Он подался вперед и устремил на мага пронзительный взгляд. — Я и сам бывал таким грубым и жестоким. Попробуй припомнить самого отвратительного из

своих сокамерников и запомни: я умею быть вдвое хуже. Но продолжай. Меня увлекает твоя повесть.

Арвистли жалобно заморгал, углы его рта задергались.

— В любом случае, я прошу о снисхождении, Конан. Я только пытался объяснить тебе, что был очень благодарен Кэрхуну. Я смотрел на него из моего жалкого угла так, словно он был божеством. Свободный, богатый человек. От его воли зависело в тот миг все... И вдруг он называет мое имя. Оказывается, он прознал о том, что некий маг был посажен в тюрьму по обвинению в убийстве. Навел обо мне справки и внес большую сумму денег. Попросту говоря, он выкупил меня. Смотри.

Арвистли протянул к Конану руки, и киммериец увидел на запястьях мага следы от кандалов.

— Я очень страдал! — добавил шарлатан просто. — Моему благодетелю нужен был человек, владеющий основами магического искусства. Он привел меня в свой дом, вылечил, окружил заботами, оградил от моих врагов, а затем перевез в свое имение на острове. Он рассказал мне о страсти, что сжигала его, и попросил составить для него приворотное зелье.

— Впервые слышу о том, чтобы можно было добиться взаимности от денег, — сказал Конан.

Арвистли глупо уставился на него.

— О чём ты говоришь, киммериец?

— Я говорю о той подлинной страсти, кото-

рая не дает Кэрхуну покоя ни днем, ни ночью. О его неразделенной любви к большим деньгам.

— Господин Кэрхун достаточно богат, чтобы... — начало было Арвистли, но Конан бесцеремонно прервал его.

— Как бы ни был он богат, ему нужно больше. Вот что я хотел тебе сказать. По-твоему, все обстоит так романтично? Господин Кэрхун влюблен в супругу своего дядюшки, поэтому он жаждет взаимности — а теперь, когда она овдовела, появилась возможность заполучить ее в жены... Так?

Арвистли кивнул, однако выглядел он при этом немного растерянным.

— В общем и целом, да, так.

— Кэрхун вполне довольствовался бы деньгами своего покойного дядюшки, без необходимости брать в жены его супругу.

— Ты дурно судишь о нем! — вспыхнул вдруг Арвистли. — Не смей при мне говорить о Кэрхуне такие отвратительные вещи!

Конан с любопытством смотрел на это неожиданное проявление силы духа. Киммерийца как будто забавляла горячность мага. Даже взгляд холодных синих глаз варвара немного смягчился.

— Ты думаешь о нем гораздо лучше, чем он заслуживает, — сказал Конан примирительным тоном. — Дай срок, и ты убедишься в том, что я не ошибаюсь. У меня было время убедиться в том, что в большинстве случаев люди охотно оправдывают худшие наши ожидания. Впрочем, ты

мне начинаешь нравиться. Твоя глупая преданность этому негодяю выглядит трогательно.

Конан встал с кресла и навис над съежившимся магом настоящей горой.

— В любом случае я запрещаю тебе давать какие-либо действенные зелья Кэрхуну или кузинам.

— Но они просят, — пролепетал Арвистли. — Как я могу отказать им?

— Я ведь тоже прошу, — с угрозой проговорил варвар.

— Я не сумею сказать «нет»...

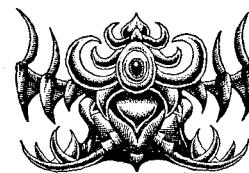
— Ты ведь говоришь «нет» мне, — сказал Конан.

Арвистли моргнул и жалобно вздохнул.

— Похоже, я попал в переделку, — сказал он. — Посоветуй, что мне делать?

— Дай какую-нибудь безопасную мазь, без наговоров и заклинаний. Обмани их. Только не рассказывай мне, что тебе не доводилось этим заниматься, — все маги жулики и обманщики, кроме наиболее злостных негодяев.

И произнеся эту заключительную фразу, киммериец вышел из комнаты, оставив Арвистли в полном смятении.

Глава седьмая

Пираты-призраки

осле Аграпура торговый караван, вместе с которым ехали путешественники, претерпел существенные изменения. К путникам добавилось еще семеро купцов со своим грузом, верховыми животными, телегами и служителями; все они направлялись в Кхитай и Вендию. Возле переправы путешественникам предстояло расстаться с караваном, поскольку торговцы намеревались обойти море Вилайет по южному берегу, в то время как Масардери и ее свита собирались сесть на корабль и плыть до острова, где у Кэрхуна было имение.

Путешествие до самого берега моря Вилайет прошло для путников без особых приключений — если не считать того, что встречи болтливых кузин с чернокожими слугами Масардери сделались регулярными: каждую ночь слышалось хихиканье из их палатки. Масардери никак не показывала Конану, что помнит проведенное с ним в постели время. Она держалась с киммерийцем приветливо и ласково, но без всякой ин-

тимности. Конан не настаивал на продолжении их отношений. В конце концов, ему слишком хорошо было известно, какая сила толкнула Масардери в его объятия, и пользоваться магией в любви он считал ниже своего достоинства. Если уж на то пошло, у Конана имелись собственные чары, данные ему богами.

Он знал, что нравится Масардери. Знал и то, что она призательна ему за молчание. Масардери принадлежала к числу женщин, которых смущали порывы необузданной страсти.

Кэрхун молча злился, а Арвистли тащился чуть в стороне от своего благодетеля и виновато моргал белесыми ресницами. Единственный человек, который обращался с Арвистли по-прежнему весело и с уважительным любопытством, был Мэн-Ся. Молодой кхитаец без конца спрашивал Арвистли о разных заклинаниях, о людях, с которыми водил знакомство маг. Закончилось тем, что Арвистли взмолился:

— Ты вытаскиваешь из меня сведения клещами! Пощади, Мэн-Ся! Я уважаю твоё стремление к знанию, но не приходило ли тебе на ум, что не всякое знание идет на пользу человеку? Умоляю тебя, ради всех богов и всей философии, которую ты чтишь; — не пытайся применять на практике то, о чём я тебе сообщил. Однажды человек изготовил зелье по моему рецепту — и дело закончилось смертью. Я до сих пор оплакиваю его... ее. Ту женщину. Конан знает. — Он вздохнул. — Мне не нужна на совести еще одна смерть.

— О, прости! — кхитаец сразу стал серьезным и поклонился. — Я был слишком назойлив, учитель Арвистли. Но кладезь твоей премудрости заинтересовал меня сверх всякой меры, а наша философия учит, что нельзя увлекаться ничем сверх меры.

— Весьма мудрая философия, — сказал Арвистли.

И весь остаток дня они говорили исключительно о женщинах и еде, так что к вечеру Арвистли развеселился и вел себя как ни в чем не было. Это бесило Кэрхуна; впрочем, тот помалкивал и ограничивался лишь злобными взглядами в сторону мага и его молодого собеседника.

Переправляясь через узкий пролив было решено утром, и вскоре после рассвета Кэрхун пошел договариваться с перевозчиками.

По всему было очевидно, что здесь Кэрхуна очень хорошо знали и ценили как щедрого господина, которому часто требовался корабль, так что он быстро нашел нужного ему капитана. То был очень смуглый кривоногий турец с огромным носом и крохотными черными глазками. Солнце и ветер выдубили кожу капитана, голос его сделался хриплым от привычки постоянно кричать, перекрикивая шум ветра и волн и гомон людских голосов.

Завидев Кэрхуна, он обрадовался и заорал во всю мочь:

— Никак господин Кэрхун! Какая радость-то! Моя «Королева Вилайет» всегда к вашим услугам!

С распростертыми объятиями он бросился к Кэрхуну, но в последний миг приостановился и начал низко кланяться.

Кэрхун молвил:

— Ты прав, старый друг, работа действительно есть. Я рад, что встретил тебя здесь и не придется нанимать какой-нибудь другой корабль.

— Другой корабль? — завопил капитан. — Чтоб мне сгореть и сдохнуть, если вам придется по какой-то причине нанимать другой корабль! Да поселятся в моих кишках сразу четыре ветра и да разорвут они меня на четыре зловонных куска!

— Полагаю, это было бы излишне, — засмеялся Кэрхун. — Теперь слушай внимательно.

Капитан выпрямился и всем своим видом изобразил глубочайшее внимание.

— Я путешествую с дамами, — проговорил Кэрхун важно. — Ты понимаешь? Не с обычными девицами, — тут капитан понимающе подмигнул, ибо Кэрхуну не раз доводилось взять к себе на остров разного рода девиц в пестрых одеяниях, — а со знатными дамами. Особен-но одна из этих дам мне дорога.

— О, — пророкотал капитан, — это мне понятно.

И он зажмурился, поместив на лице сладост-растную ухмылку.

Кэрхун строго приказал:

— Вот таких улыбок на корабле не надо, иначе госпожа будет возмущена. Она — дама изысканного воспитания и очень хорошего происхож-

дения. Настоящая аристократка, гирканка. Богатая. Я хочу жениться на ней. Никаких намеков на любовные связи, особенно с девицами веселого нрава! Ты понял?

- Разумеется.
- Никакого пьянства.
- Сутки как-нибудь продержимся.
- И не скверносоловить.

Капитан стал мрачнее тучи, а затем заорал, приседая от натуги:

— Изо всех сил постараемся держать рот на замке, чтоб нам передохнуть от лихорадки и изойти в блевотине!

— Выразительно, — молвил Кэрхун. — Стало быть, ты хорошо все понял.

— Лучше не бывает.

Кэрхун отправился к своим спутникам сообщить приятную новость — корабль с громким на-званием «Королева Вилайет» готов принять на борт пассажиров и уже стоит под всеми парусами.

Немедленно началась погрузка. Провозились, впрочем, до полудня. Сперва долго затаскивали повозки, потом уговаривали лошадей. Кучу вре-мени потратили на ослика, принадлежавшего Мэн-Ся. С осликом никто не мог совладать. Жи-вотное раздувало брюхо, упиралось копытами, кусалось и исторгало из себя отвратительные звуки. В конце концов Конан, потеряв терпение, оглушил его ударом кулака между ушей и по-просту занес на борт на руках.

Арвиэстли стоял на берегу с отрешенным видом. Он созеркал погрузку так, словно пытался

извлечь из всей этой суеты некий философский смысл.

Кузины визжали, боялись идти по сходням и в конце концов трое негров-носильщиков перенесли их на борт, усадив себе на закорки. Кузины были в восторге, негры, судя по всему, — тоже.

Масардери была в очень хорошем настроении. Светило солнце, море переливалось яркой синевой, ветерок колыхал траву на холмах у берега. Красавец-корабль, хоть и небольшой, но очень хорошо оснащенный, покачивался у пристани. Его треугольный парус был выкрашен в алый цвет и посреди него красовалось изображение крылатого солнца с двумя глазами.

Капитан изо всех сил старался сдерживать свои чувства и поэтому изъяснялся по большей части громовым мычанием. Очевидно, невнятное «м-м-м-м!!!» и «э-э-э!!!» заменяли у него те слова, которые он привык произносить в подобных же ситуациях.

Конан — и тот развеселился. Стоял, подбочнясь, возле Масардери и осматривался по сторонам.

— В такие дни, как сегодня, мне начинает казаться, будто все люди вокруг только тем и заняты, что стараются насмешить меня, — сообщила Масардери.

Конан фыркнул.

— Это чувство не оставляет меня большую часть жизни, — заметил он. — Особенно когда я наблюдаю за персонажами, вроде Кэрхуна. Такая почтенная личность, просто умрешь от смеха!

Масардери вдруг нахмурилась.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. — Конан пожал плечами. — Просто он мне не нравится. Но это, разумеется, не мое дело.

— Как это — не ваше, если он вам не нравится?

— Я хотел сказать: меня совершенно не касается то обстоятельство, что почтенный Кэрхун — пройдоха и негодяй.

— Не понимаю, — строго произнесла Масардери, — как вы можете осуждать моего родственника, когда даже не знаете его.

— Кое-что я о нем знаю, — возразил Конан. — Будьте с ним осторожней, вот и все. Он не опасен, — добавил киммериец, — просто может причинить неприятности.

Если Конан и хотел этими словами успокоить госпожу Масардери, то добился прямо противоположного результата. Она насупилась и несколько раз посмотрела на суетящегося Кэрхуна с явным неодобрением.

Наконец сама дама взошла на корабль, сопровождаемая Конаном. Сходни убрали, паруса наполнились ветром, и «Королева Вилайет» вышла в море.

Ей предстояло миновать узкий пролив, обойти несколько островов, пройти мимо опасных рифов и затем подобраться к цели, минуя еще одну гряду скал, выходящих прямо из воды и особенно опасных в момент отлива.

Морские птицы пронзительно кричали в вышине. С берега какие-то люди махали кораблю

руками, и Конан подумал о том, что морское плавание всегда поначалу представляется своего рода праздником. Опасности, бури, болезни от нехватки воды и гнилой пищи — все это наступает потом; но пока берег не скрылся из глаз, праздник не прекращается. А поскольку сейчас «Королеве Вилайет» предстояло плыть вдоль берегов все время, морская часть путешествия обещала стать особенно приятной.

Несколько раз им попадались навстречу рыбаки, и пассажиры «Королевы» весело окликали их, а те, в свою очередь, обменивались с командой «Королевы» весьма солеными шуточками. Что взять с неотесанных рыболовов! Они ведь не получали строгих указаний от Кэрхуна касательно правил поведения при знатных дамах.

Арвистли, очень бледный, находился на нижней палубе. Почти все время он свешивался за борт и давился, а Мэн-Ся сидел поблизости с кувшином воды. Каждый раз, когда у Арвистли перекашивалось лицо, Мэн-Ся давал ему немногого попить.

— Нет хуже, если тошнит на пустой желудок, — говорил маленький кхитаец. — Жидкости в теле должны находиться в полном равновесии, поэтому ты обязан постоянно пополнять запасы. Если блевать хочется, а нечем, может случиться удар.

Арвистли молча глотал воду и снова свешивался за борт. Он почти ничего не понимал из произносимого кхитайцем. Впрочем, тот и не рассчитывал, что его будут слушать вниматель-

но. Главное — страдалец знал, что находится здесь не один, что поблизости некто ему сочувствующий. Журчание человеческого голоса, иногда вполне бессмысленное, может спасти жизнь. Так утверждал учитель Тьян-По. И потому, являя милосердие к страданию живого существа, Мэн-Ся выполнял свой долг при Арвистли.

Конана меньше всего заботило самочувствие столь незначительного человека, каким был магшарлатан. Он внимательно всматривался в морские просторы. Несколько раз киммерийцу казалось, будто он замечает какой-то корабль, пред следующий «Королеву».

Странное дело, этот корабль то появлялся почти совсем рядом, то вдруг исчезал в волнах. Он как будто таял в мерцании вод, среди бликов растворенного в воде солнца. Конан жмурился, отводил глаза, а когда снова поворачивался туда, где только что неслась боевая галера, видел лишь воду и пустоту...

Эта игра света и теней продолжалась уже некоторое время. В конце концов киммериец начал сердиться. Что происходит? Опять какие-то магические штучки?

Он оставил Масардери одну — у той снова поднялось настроение, и она с наслаждением подставляла лицо морскому ветру, — и спустился туда, где видел Мэн-Ся с его приятелем.

— Арвистли никак не может заниматься на ведением иллюзий, — заверил киммерийца Мэн-Ся. — Вы только взгляните на него! Нет, учитель Конан, такой человек, как Арвистли, здесь

совершенно бессилен. Болезнь одолела его. Морская качка убивает моего друга.

— Передай ему мои поздравления, — сказал Конан. — Как только очнется, так сразу и передай. Потому что если бы его не убивала качка, его убил бы я, а это намного верней.

Мэн-Ся удивленно заморгал, но Конан уже поднимался наверх.

Корабль снова был виден. Теперь его заметили и моряки. Многие собирались на верхней палубе и показывали руками на длинную, выкрашенную в черное боевую галеру, которая догоняла «Королеву» так легко, словно та была детской лодочкой, выструганной из дощечки, а не отличным быстроходным парусником.

Капитан, напрочь позабыв обещания, данные Кэрхуну, изрыгая проклятия и отдавал приказания готовиться к бою.

— Пираты! Чума на голову и в задницу их мамаше! Откуда в этом проливе взялись пираты, так их и так?!? — орал он, топая ногами.

Кэрхун тоже поднялся на палубу. Он поглядывал на негодящего капитана, и на лице племянника Масардери застыло странное выражение. Он как будто был удовлетворен происходящим.

Разумеется, и думать нельзя было о том, чтобы сделать капитану замечание касательно его поведения. В боевой обстановке, как говорится, все средства хороши.

Троє чорнокожих спутників Масардери і Конан-варвар тоже вооружились, ожидая нападе-

ния противника. Теперь уже было ясно, что единственная галера — пиратский корабль и что уйти от нее не представляется возможным. Предстоит дать бой.

Длинные весла размеренно погружались в воду. Узкое «тело» галеры стремительно мчалось вперед. Корабль был похож на змею, готовую атаковать.

Первое столкновение оказалось ужасным. «Королева» содрогнулась всем корпусом. По кораблю пробежала дрожь, один из моряков не удержался на палубе и с воплем полетел в воду.

Он пролетел как раз мимо Арвистли. Тот схватился рукой за ванту и медленно повернулся к Мэн-Ся.

— Что происходит? — спросил он. — Один моряк решил покончить с собой?

— На нас напали пираты, — лаконически ответил Мэн-Ся. — И дела наши, похоже, плохи.

— Пираты? — Из бледного Арвистли сделался зеленым. — Боги, мне очень плохо...

Он повалился на палубу и закрыл голову руками.

Мэн-Ся остался сидеть рядом, с безучастным видом взирая на бесчувственного мага. На самом деле маленький ххитаец был напуган не меньше, но он считал, что наивысшим проявлением философской мудрости будет изображать полное безразличие к происходящему.

Конан выстроил моряков на палубе и приказал готовиться к сражению. Женщины спрятались во внутренних помещениях корабля, кото-

рых было очень немного: палубная надстройка и трюмы. В трюмах находились лошади, так что туда спускаться было небезопасно. Дамы сбились в стайку и тесно прижались друг к другу, молясь всем богам о том, чтобы летящие стрелы и копья не пробили тонкую древесину палубной надстройки и не поубивали несчастных перепуганных женщин.

Абордажные крючья впились в борт «Королевы». Конан не раз руководил подобными операциями, когда плавал в южных морях с чернокожими корсарами, и сейчас киммериец очень хорошо понимал, что именно делает пиратский капитан. Он намерен пришвартовать свою галеру к «Королеве Вилайет» и, ворвавшись с командой на палубу корабля-жертвы, неребить всех людей. Ему не нужны рабы, понимал Конан, и он не станет брать пленных. Ему нужен лишь корабль и груз. Поэтому он сделает все, чтобы не повредить «Королеву». В противном случае в парусах с нарисованным солнцем давно уже пылали бы зажженные стрелы.

Зверские рожи пиратов были уже совсем близко. Вот первый из них вспрыгнул на палубу, и тотчас удар могучего меча киммерийца разрубил ему череп. Но было поздно: один за другим пираты оказывались на палубе и вступали в схватку с моряками.

Капитан говорил сущую правду: обычно возле этих берегов пиратские корабли не промышляют. Поэтому команда «Королевы» совершенно не была готова к подобного рода бою. Тем не ме-

нее матросы дрались отчаянно, и погибая забирали с собой в Серые Миры одного, а то и двух и трех противников.

Конан находился в самой гуще схватки. Длинный прямой меч киммерийца взлетал над его головой и опускался с равномерностью кувачного молота. Конан казался неуязвимым, и все атаки разбивались о его несокрушимую фигуру, как волны о скалу.

Один из пиратов припал на колено и выстрелил из лука. Стрела угодила варвару в предплечье. Кровь потекла из раны на палубу, но киммериец, казалось, даже не заметил этой незначительной помехи. Он продолжал биться с врагами, и гора трупов громоздилась возле его ног, становясь все выше.

Масардери чуть приоткрыла дверь палубной надстройки иглянула наружу. Над косяком сразу же появилась стрела, следом за ней и другая, но женщина все равно продолжала смотреть на битву. Она испытывала больше страха, когда не знала, как развиваются события. Но теперь, видя своего могучего защитника, она почти успокоилась.

Кузины, напротив, дрожали и плакали и кричали ей:

— Закрой, закрой дверь, Масардери! Ты всех нас погубишь своим любопытством!

Чернокожие слуги Масардери сражались так, чтобы не подпускать пиратов к палубной надстройке, где скрывались женщины. Двое из них почти сразу же были ранены, но, к счастью, лег-

ко: у одного широкая царапина прошла через всю грудь, у другого было задето бедро. Это не помешало им продолжать битву. Раны только разъярили чернокожих.

Непрестанный звон стали и боевые выкрики оглушали кузин. Масардери заметила, что хоть те и испытывали страх, но в конце концов естественное любопытство начало брать верх. То одна, то другая находили предлог выглянуть наружу, а затем начались дружные перешептывания:

- Как он красив!
- Как силен и бесстрашен!
- А вы обратили внимание на моего? Какая стать!

Масардери некоторое время поглядывала на секретничающих женщин, а затем резко спросила:

— О ком это вы говорите?

Кузины разом замолчали и посмотрели на нее так, словно действительно участвовали в заговоре. Потом одна из них вкрадчиво произнесла:

— Не о Конане, поверь, дорогая.

Настал черед Масардери краснеть. Впрочем, в темноте этого не было заметно.

Между тем Конан обратил внимание на одну странность: хоть он сам, моряки и негры-носильщики поубивали уже целую кучу пиратов, врагов не убавилось. Черная галера как будто порождала все новых и новых пиратов, и те все лезли и лезли на палубу «Королевы».

Доски стали скользкими от крови. «Королева Вилайет» потеряла пятерых, один из негров получил вторую рану, тяжелее первой, а у Конана

кровь текла из рассеченной брови. Капитан, ссыпая всеми известными ему проклятиями, яростно отражал атаку за атакой.

Пора было заканчивать бесполезную битву. Выиграть невозможно: Конан уже понял, что в бой вступила магия. Даже горячка боя не смогла скрыть от него то обстоятельство, что одолеть пиратов обычными средствами не удается.

Киммериец начал перемещаться по кораблю, пытаясь отыскать источник магии. Ему вдруг пришло в голову, что он не видит Кэрхуна. Уже не племянник ли госпожи Масардери здесь практикует свое черное искусство? Правда, Кэрхун мало был похож на мага, но все-таки проверить не помешает.

Но Конана ожидало разочарование. На нижней палубе он увидел сперва несчастного Арвистили с покрасневшими, слезящимися глазами. Беднягу тошнило, и он ничего не мог с собой поделать. Рядом с ним маленький Мэн-Ся доблестно отбивал атаки сразу двух огромных пиратов. А поблизости Кэрхун сосредоточенно сражался с тремя противниками. Конан на миг залюбовался: движения Кэрхуна выглядели отточенными и искусными, он как будто не на поле боя находился, а в фехтовальном зале, и сражался не боевым оружием против смертельно опасных врагов, а деревянным мечом против достойных соперников, которые, как и он, тщательно следят за тем, чтобы не причинить другому вреда.

Ни Кэрхун, ни кто-либо из его врагов ранен не был.

Конан испустил боевой клич и набросился на этих троих, дабы помочь союзнику. Потому что как бы сильна ни была неприязнь киммерийца к Кэрхуну, в этом бою они сражались на одной стороне.

Сперва киммериец снес голову одному из пиратов. Голова с громким плеском упала в воду и скоро показалась на волнах. Подскакивая на гребешках волн, она уплыла вдали. Второй пират наткнулся на клинок Конана и застыл с разинутым ртом. Конан высвободил свой меч и повернулся к третьему пирату.

Тот побелел и затряс головой. Борода и усы на белой физиономии казались приклеенными, да и вообще что-то в облике этого человека было неестественное.

Кэрхун отошел назад и отвернулся — как будто для того, чтобы не видеть, что случится дальше. Пират неожиданно раскрыл рот и закричал. С громким воплем он бросился на киммерийца — так, словно кидался в пропасть очертя голову, чтобы миг спустя погибнуть.

Конан легко уклонился от этой атаки и, в очередной раз подивившись неумелости нападавших, нанес сокрушительный удар сверху вниз. Удар оказался так силен, что перерубил плечо и кости позвоночника и отсек верхнюю половину туловища пирата от нижней.

Заливаясь кровью, пират упал... и едва он коснулся палубы, как изуродованное тело начало разлагаться. Оно превратилось в груду черной плоти прежде, чем Конан успел повернуться

к Мэн-Ся и посмотреть, как идут дела у кхитайца. Второй убитый пират также исчез, и на том месте, где он лежал, теперь белели кости.

Один из противников Мэн-Ся подскочил, уворачиваясь от короткого меча кхитайца, и прямо в воздухе рассыпался на белые костяшки. Другой бросился бежать, теряя на ходу конечности, и все они, едва прикасались к доскам палубы, разлагались и обращались в прах.

Повсюду на «Королеве Вилайет» происходило то же самое. До Конана доносились громкие крики удивления и оглушительная брань капитана.

Грозная черная галера, пришвартованная к борту «Королевы», также стала осыпаться. В считанные терции от пиратского корабля остался один остов, но и он рушился прямо на глазах.

— Рубите канаты! — закричал Конан.

Он боялся, что уходя под воду разваливающийся корабль опрокинет и «Королеву Вилайет». Это был уже третий призрачный противник, с которым сталкивался киммериец, и из прошлого опыта Конан хорошо усвоил: враг может быть иллюзией, которая в конце концов возвращается к своему исходному состоянию, ноувечья и ущерб, наносимые этой иллюзией, всегда более чем реальны.

Не хватало еще пойти ко дну из-за какой-то горы хлама! Конан еще раз вспомнил клятву, которую дал сам себе: кем бы ни был маг, насылающий на спутников Масардери всех этих монстров, жизнь Конана-киммерийца он не получит!

— Рубите канаты!

Сверху гремел голос капитана:

— Рубите канаты!

Каждое слово он сдабривал изрядной порцией ругательств. Моряки бросились к борту, размахивая мечами. Скоро воронка на поверхности моря да несколько палок, уплывающих вдали по волнам, напоминали о том, что совсем недавно здесь находилась пиратская галера.

Женщины выбежали из палубной надстройки и принялись заботиться о своих раненых героях. Несколько моряков тоже пострадали в битве, и Масардери в первую очередь занялась ими, в то время как кузины обрели каждая по собственной заботе. Масардери только посмеивалась, глядя, как они обихаживают рослых чернокожих красавцев.

Мэн-Ся подошел к Конану. К удивлению киммерийца, маленький кхитаец совершенно не пострадал и даже не выглядел слишком усталым.

— Я больше отгонял их, чем сражался по-настоящему, — объяснил он. — Моя философия не позволяет мне убивать людей.

— Это были не люди, а призраки, — мрачно сказал Конан.

— Скорее, иллюзии, — подтвердил Мэн-Ся. — Но иллюзорность противника — еще не повод для убийства. Кровь у них настоящая. По крайней мере, так это выглядит поначалу.

— Иной раз не убить гораздо труднее, чем убить, — заметил киммериец. — Ты искусный боец, Мэн-Ся. Приношу мои поздравления.

Мэн-Ся поклонился с очень серьезным видом.

— Благодарю, учитель Конан. Похвала от вас — наивысшая награда. Если не считать, конечно, похвалы от учителя Тьянь-По.

Конан покачал головой.

— Ты успел понять, откуда взялись эти пираты?

— Они не настоящие.

— Это было очевидно. Они лезли с той галеры, как осы из гнезда, и их все не убывало.

Оба замолчали, раздумывая над случившимся. Потом Конан вдруг спросил:

— А где господин Кэрхун?

Они огляделись по сторонам. Кэрхун стоял у борта, смотрел на море и весь дрожал. Его лицо было покрыто испариной, глаза покраснели, губы стали синими и вздрагивали.

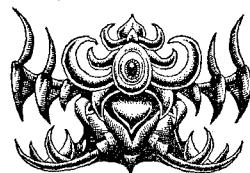
— Что с вами, господин Кэрхун? — вежливо спросил Мэн-Ся.

Тот обернулся и некоторое время глядел на кхитайца, словно не понимая, кто это перед ним. Затем глубоко вздохнул.

— Со мной? Ничего... Устал.

Он повернулся и, не прибавив больше ни слова, ушел на верхнюю палубу.

Глава восьмая

Праздник на острове

Вимении Кэрхуна уже ждали гостей. Здесь все было готово для встречи: по дорогам, ведущим к господскому дому, были вывешены разноцветные фонари, деревья и кусты украшены гирляндами цветов и лентами, слуги в нарядных платьях выстроились перед домом.

Кэрхун и Масардери шествовали рука об руку впереди. Далее двигались две повозки с багажом, за ними шагали негры. Карета с кузинами ехала следом. Мэн-Ся правил лошадьми. Ослик бежал сбоку, то и дело пытаясь остановиться и попасться на обочине, причем тянулся преимущественно к цветам в гирляндах. На закорках кареты сидел Арвистли, который выглядел страшно утомленным и больным — путешествие, кажется, его совершенно измучило.

Конан ехал на лошади сзади всех и внимательно смотрел по сторонам. Ничто не говорило киммерийцу о возможной угрозе для жизни госпожи Масардери. Напротив, кругом все дышало миром и покоем.

Острова Туранского архипелага были очень красивы, а тот маленький островок, что откупил в свою собственность Кэрхун, был как будто нарочно создан богами для отдыха и любовных утех. Здесь были небольшие гроты, естественные и искусственные, невысокие, но очень живописные скалы с родниками, бьющими из небольшой расселины. На лужайках росли пышные цветы, а кое-где встречались и сады, причем плодородную почву для них нарочно доставляли с берега.

Слуг для своего имения Кэрхун нарочно собирал в разных уголках Хайборийского мира: одних рабов он привозил из Вендии, других — из Черных Королевств. Здесь был даже ванир, немолодой, с множеством шрамов на лице, с длинными белыми волосами. Этот человек явно провел весьма бурную жизнь и свою службу в поместье Кэрхуна воспринимал, скорее, как заслуженный отдохн после многих лет сражений.

Господский дом был великолепен. Выстроенный из камня, он украшался снаружи искусственной резьбой, а внутри — драпировками и превосходной мебелью. Все содержалось в идеальной чистоте. Для Масардери была подготовлена изящная комнатка с помещениями для ее спутниц-кузин. Каждая получила, кроме того, подарки от хозяина: шкатулки с украшениями и китайскими благовониями, обладавшими весьма специфическим ароматом.

Мэн-Ся, не дожидаясь просьбы Конана, проверил все четыре подарка и сообщил своему наставнику:

— Вполне безопасно, учитель Конан. Это все-го лишь рыночные духи, которые наши торговцы продали глупому туранцу по завышенной цене. К сожалению, такие вещи случаются повсеместно. Но они без примеси яда или колдовских веществ.

— Ты разбираешься в магии, Мэн-Ся? — немного угрожающим тоном осведомился Конан.

— Я — нет, но я попросил совета у Арвистли.

— По-твоему, Арвистли разбирается в магии?

— Быть шарлатаном еще не означает быть полным невеждой, — возразил Мэн-Ся, кланяясь. — Простите меня, учитель Конан, если я высажу свое мнение: лучшие эксперты по вопросам шарлатанства — это шарлатаны.

Прочие гости Кэрхуна также почувствовали заботу хозяина. Каждый из них получил роскошно убранную комнату, где уже приготовлено было угощение. Конан потребовал, чтобы его поместили поближе к Масардери, иначе ему трудно будет охранять ее.

— В моем доме госпоже Масардери ничего не грозит, — высокомерно ответил Кэрхун. — Или ты полагаешь иначе?

— Я ничего не полагаю, — скучным тоном ответил варвар. — Меня наняли охранять ее, вот и все.

— Охраняй, если желаешь, — ответил Кэрхун. — Я не намерен ничего менять. Мои слуги слишком долго старались, готовя помещения для гостей.

Конану пришлось смириться с тем, что есть. Он утешался лишь мыслью о том, что кузины

поблизости — если что-нибудь случится, девицы поднимут визг, и Конан успеет прибежать на помощь.

Вечером, когда стемнело, был устроен большой праздник, еще одна затея Кэрхуна, которая вызвала всеобщий восторг. Гостям были розданы маски всяких сказочных существ. Маски эти, вырезанные из дерева и раскрашенные так искусно, что вполне могли бы служить при какой-нибудь религиозной церемонии, представляли драконов, морских и воздушных, а также волшебных рыб с человеческими глазами, людей с птичьими клювами и великанов с тремя глазами разного цвета.

Конану досталась маска жуткого урода с разинутой клыкастой пастью и желтыми полосами через весь лоб. Надо сказать, что киммериец ничего не имел против такого зверского обличья и, когда к нему обращались с разговорами другие персонажи, грозно и бессвязно рычал. Мэн-Ся обратился в грифона и очень веселился. Он изобрел для своего грифона особенную походку и шагал, подпрыгивая по-птичьи. Арвистли стал задумчивой девой с зелеными волосами, волочащейся по земле. Масардери обрела облик полурыбы-полуженщины и для этого закуталась в полупрозрачные шелка перламутрового цвета. Кузины стали живыми цветами с лепестками вокруг лиц, их выпущенные глаза так и вращались в орбитах: отчего-то девушкам представлялось, что именно так должны выглядеть ожившие цветки.

Чернокожие слуги не отходили от них ни на шаг. Негры превратились в великанов и различались только цветом глаз на маске.

Кэрхун, однако, оказался великолепнее всех: он предстал в виде морского дракона. Копна раскрашенных перьев на голове изображала гребень морского чудовища. Он переливался всеми возможными цветами, от желтого до фиолетового, от зеленого до ярко-красного. Глаза, круглые и огромные, были обведены ядовито-зеленым. Усы в виде толстых шнурков свешивались из углов рта и почти касались земли. Одежда Кэрхуна состояла из сотен чешуек, выполненных из золота и серебра. Скрепленные между собой прочной нитью, они скрипели и сверкали в свете факелов и в лучах заката.

Появление «водного дракона» встретили всеобщей овацией. Даже Конан вынужден был признать, что неприятный ему Кэрхун имеет совершенно великолепный вид.

Приплясывая, напевая и стуча в барабаны, шествие двинулось к берегу моря. Разноцветные фонарики, которые гости видели сразу же после прибытия на остров, горели и раскачивались на ветру. Было удивительно праздничное настроение — у всех, включая недоверчивого Конана и хворого Арвиатли. Что до Мэн-Ся, то философ просто наслаждался. Он впитывал новые впечатление, как губка влагу, и уверял всех и каждого, что это весьма способствует расширению его взглядов на вселенную в целом и на философию в частности.

— Мы изучаем человека, погруженного в мир во всех его проявлениях, — говорил Мэн-Ся одной из кузин (та таращила глаза и округляла рот, но едва ли понимала и четверть из произносимого). — Проявления эти бывают различны, и сцепление проявлений всего сущего также представляет великое разнообразие. Или, как говорит учитель Конан, ко всякому дураку требуется свой подход, но кулак — вещь универсальная и не требующая перевода.

Конан, уловивший краем уха часть этих речений, не без удивления понял, что кхитаец пьян.

Арвиатли то и дело щелкал пальцами, пытаясь создать какую-нибудь маленькую иллюзию, и очень горевал оттого, что у него ничего не получалось.

Чернокожие приплясывали с грацией, присущей их племени, и кузины-«цветки» жадно любовались их могучими, блестящими от пота и ароматического масла телами — ибо негры разделились до пояса и натерлись маслами, как делали у себя на родине во время праздников.

Море шумело на берегу, как будто и эта неподвластная человеку стихия пыталась вплести свой голос в общий шум и радостный гомон.

Чуть поодаль прямо на берегу были накрыты длинные столы. Все уже приготовлено для пиршства: бочки с вином, закуски и жареное мясо. Гости бросились к столам, где их уже ожидали слуги. Служанки улыбались, разливая вино по кубкам, поварята, сверкая зубами, раскладывали мясо по блюдам.

Конан не остался в стороне от всеобщего обжорства и первым делом схватил здоровенную баранью ляжку и впился в нее зубами. Все-таки хорошо иной раз бывает оказаться среди богатых людей с хорошим вкусом!

Чтобы маска не мешала ему, киммериец сдвинул ее на затылок. Так поступили многие. Что до кузин, то они вынуждены были кушать очень аккуратно, чтобы не испачкать в соусе свои шелковые лепесточки, которые вдруг обрели забавное сходство с бородами.

Масардери, однако, не испытывала голода. Колдовство этой ночи захватило ее. Она была благодарна племяннику за этот праздник. Как будто все ее горести и страхи остались за проливом, и теперь вся ее жизнь будет представлять собой череду таких прекрасных дней! Прохладный блеск моря, игра лунного света на воде, дуновение ароматного ветерка, отдаленный смех людей, гирлянды разноцветных фонариков на берегу — все это успокаивало ее.

Что-то прошуршало по песку. Масардери не обратила на это внимания. Остров был полон жизни, здесь постоянно слышались какие-то звуки. Молодая женщина вздохнула полной грудью, откинула голову назад, тряхнула волосами. Свобода! Свобода! Больше не надо бояться! Больше не будет пустых пыльных комнат, где живы одни лишь воспоминания...

Шуршание повторилось. Масардери невольно повернулась в ту сторону, откуда донесся звук. Ничего. Она тихонько засмеялась, потешаясь

над собственной подозрительностью. Здесь и не может быть ничего! Слуги Кэрхуна отлично обо всем позаботились.

Забавный этот Кэрхун. И какой чудесный у него наряд! Как глубоко он все продумал! Странно, что киммериец его сразу невзлюбил. Должно быть, дело в ревности, решила Масардери, и от этой мысли приятное тепло разлилось по ее телу.

Шорох стал ближе. Она наклонилась, всматриваясь в темноту. Ничего... Или — нет, вон там тьма гуще, и внутри этого сгустка тьмы что-то движется...

Приятное тепло испарилось. Холод охватил душу женщины. Не может быть! Ей захотелось кричать. Она почувствовала себя обманутой. Таким образом неведомый враг сумел последовать за ней даже через пролив? И кто он?

— Конан, — шепотом позвала она, отлично зная, что киммериец не слышит.

Луна медленно выступила из-за туч, и вдруг Масардери увидела то, что шелестело в ночи.

Это была огромная змея с мощным туловищем, ярко-желтым с черными узорами. Змея приподняла голову и высунула длинный язык, как бы пробуя воздух. Ее глаза дьявольски блеснули.

— Конан! — вскрикнула Масардери, теряя сознание.

Великан выступил из полумрака. В руке он держал длинный меч. Левая была вооружена окороком на кости. Клыкастая пасть великана

повернулась к испуганной Масардери. Женщина то проваливалась в забытье, то вдруг приходила в себя и видела странную ожившую сказку: клыкастый монстр, похожий на человека, с желтыми полосами на лбу, сражался с огромной змеей. Напрягая мышцы могучих рук, великан отрывал от себя змею и пытался душить ее. Затем, высвободившись из хватки рептилии, великан отскочил на пару шагов, схватил брошенный на песок длинный меч и занес его обеими руками. Змея, распластанная на берегу, шипела и била хвостом, готовясь атаковать. С силой Конан привязал змею к земле, загнав меч в песок почти по самую рукоятку.

Змея дернулась, высвобождаясь. Клинок выскоцил из рыхлого песка и застрял в теле змеи. Шипя, свистя, взлетая в воздух и низвергаясь на землю, змея пыталась освободиться. Масардери закрыла рот ладонями, чтобы не закричать. Как ни была она перепугана, она постоянно помнила о других людях и не хотела портить им веселье.

Конан тяжело дышал. Пот стекал по его лицу, жуткая деревянная образина на лбу прилипала к коже, и Конан сорвал ее.

Змея дернулась в последний раз и затихла. Внезапно она стала гораздо меньше, чем была. Конан наклонился и взял ее в руки.

— Нет! — тихо вскрикнула Масардери. — Не прикасайтесь к ней!

— Это всего лишь веревка, — сказал Конан. Он бросил веревку на землю, наступил на нее и поднял свой меч.

На лезвии остались следы крови, и киммериец заботливо обтер меч.

Масардери разрыдалась. Конан сел рядом и некоторое время молчал, позволяя ей выплачиваться. Затем осторожно обнял за плечи. Масардери прижалась к нему содрогающимся телом.

— Что происходит? — бормотала она. — Почему кто-то непременно хочет убить меня?

— Ему нужны ваши деньги, — ответил Конан. — Ничего личного, я уверен.

— Это не может быть Кэрхун, — сказала Масардери. — Он не маг. И никогда не был магом. Он самый обыкновенный человек. Может быть, немного жадный. Но если бы он действительно хотел от меня избавиться, то не стал бы прибегать к такому сложному колдовству. Он просто нанял бы убийц.

Конан оттолкнул веревку ногой подальше.

— Мы не знаем, что происходит, — сказал он. — Но до сих пор у меня неплохо получалось охранять вас, не находите?

— Я повышу вам жалованье, — слабо улыбнулась она.

— Я сейчас говорил не о жалованье, а о вашей жизни, — строгим тоном возразил варвар.

— Как вы услышали, что я зову на помощь? Я ведь не кричала.

— Кстати, напрасно. Если видите что-нибудь страшное или опасное — орите во всю глотку. Как делал капитан «Королевы» или еще громче.

— Свистать всех наверх! Проклятье на вашу голову! Блевотина вашей матери! — подражая

грубому голосу капитана, сказала Масардери и засмеялась.

Конан погладил ее волосы. Он сделал это машинально, как приласкал бы испуганную уличную девчонку — в награду за ее попытки быть храброй.

— Умница. И помните, я всегда рядом. Даже если кажется, что меня рядом нет. Теперь возвращайтесь к гостям, а я пойду посмотрю, чем занят наш мастер иллюзий — милейший господин Арвистли.

— Арвистли? — удивилась Масардери. — Вы подозреваете его?

— Почти всех, за исключением ваших негров. С ними я разговаривал — они действительно не имеют никакого отношения к... что это? — перебил сам себя Конан.

Масардери повернулась в ту сторону, куда указывал варвар, и замерла.

Ей показалось, что очень далеко, почти у самого горизонта, она видит в море странную человеческую фигуру. Если это действительно человек, то он должен быть либо чрезмерно большого роста, либо... либо это иллюзия.

Как бы там ни было, а некая личность бродила по морю, и лунный свет отчетливо высвечивал обнаженный торс, длинные черные волосы, мощные руки, сжимающие дельфина. Вот существо поднесло дельфина к разинутой пасти и откусило огромный кусок от бока несчастного сознания.

Затем великан повернулся...

— Это женщина! — вскрикнула Масардери. — Вы видели? У нее груди!

У существа действительно имелись огромные отвисшие груди, похожие на бурдюки. Смуглое, с желтыми глазами, оно грызло дельфина и бредло, рассекая животом волны, все ближе и ближе к берегу...

— Возвращайтесь к гостям, — сказал Конан своей нанимателюнице. — Сядьте среди них и будьте умницей. Покушайте, выпейте вина. Я буду охранять вас, так что не бойтесь. Верьте мне. Я сумею вас спасти.

— Я вам верю, — просто ответила Масардери и поцеловала его в губы. — Я сделаю все, как вы скажете.

Конан проводил ее к столу и усадил. Кэрхун метнул на них проницательный взгляд, но, казалось, успокоился, когда увидел, как киммериец уходит.

Конан даже не оглянулся на Масардери, покидая ее общество, и не видел, что кузины обступили ее, предлагая ей выпить, попробовать омаров, креветок, непременно кусочек жареного мяса и уж конечно же сладких фруктов в меду!

Один из негров указал Конану, куда отправился Арвистли.

— Он хотел сделать иллюзию, но у него почему-то никак не получалось, — объяснил киммерийцу чернокожий слуга. — Очень огорчился. Захватил с собой кувшин вина и побежал в заросли. Колдует там. Щелкает пальцами и что-то бормочет, а потом пьет, плачет и ругается. От-

сюда не слышно, но если пройти пару шагов — можно услышать. Очень забавно, очень...

Конан хлопнул его по плечу и отправился в указанном направлении.

Он прошел десяток шагов и остановился, прислушиваясь. Ничего.

Еще десяток шагов. Тишина.

Это вдруг обеспокоило Конана. Обычно такие маги-неудачники, как Арвистли, производят очень много шума. Если они не выкрикивают заклинания, то болтают, если не болтают, то плачут или хохочут, а если ни то ни другое, то они хрючат во сне... Но Арвистли безмолвствовал.

Тишина показалась Конану зловещей. Он начал внимательно осматриваться по сторонам. К счастью, киммериец хорошо видел в темноте, да и луна время от времени показывалась из-за облаков, и тогда на берегу становилось светло, почти как днем.

Зоркие глаза варвара почти сразу же углядели полосу на песке. Такой след могла оставить большая змея.

Но позвольте! До сих пор странные предметы преследовали только Масардери. Арвистли вряд ли мог стать их жертвой.

Тем не менее змея здесь проползала. Конан нагнулся, потрогал след пальцами и содрогнулся; ему показалось, что он прикасается к чему-то раскаленному.

Он быстро пошел вперед.

Имелась еще одна странность: след начинался как бы из ниоткуда. Словно змея упала с неба

и сразу же поползла вперед в поисках первой жертвы.

Конан раздвинул кусты. Перед ним лежал Арвистли. Шея шарлатана была перекручена веревкой. Это был аркан, сплетенный из конского волоса, очень колючий. Конан присел на корточки рядом с магом, коснулся его шеи. К его удивлению, маг был еще теплым, и на шее бился едва различимый пульс.

Конан быстро размотал веревку и похлопал Арвистли по щекам. Веревка вдруг дернулась в ладони у Конана. Варвар отбросил ее в сторону.

Арвистли застонал и открыл глаза.

— Все в порядке, — сказал Конан.

— Змея, — прохрипел Арвистли.

— Я знаю, — ответил Конан. — Молчи. Потом все расскажешь.

Но Арвистли сел, затряс головой, а потом вдруг схватился обеими ладонями за шею и принял отчаянно кашлять. Конан терпеливо ждал, пока пройдет приступ. Поблизости валялся кувшин, но он был пуст. Очевидно, Арвистли выронил его, когда гигантская рептилия набросилась на него.

Наконец кашель отпустил. Арвистли повернулся голову в сторону своего спасителя.

— Благодарю...

— Я ничего не сделал, — ответил Конан. — Ты был еще жив. Эта тварь не успела тебя задушить как следует.

— Тебя послушать, так стоило бы, — грустно улыбнулся Арвистли.

— Да нет, теперь я так не думаю, — отзвался киммериец. — Ты ведь фокусник. Не маг. И не хотел ничего дурного. Так что тебя я вполне могу оставить в живых.

— Хо-хо-хо! — донесся веселый голос. — Я грифон! О, я летаю и клюю, я летаю и клюю! Хо-хо-хо!

— Это Мэн-Ся, — пробормотал Арвистли. — Не хотел бы я, чтобы он видел меня в таком положении.

Он потрогал свою шею, затем боязливо покосился туда, где исчезла отброшенная Конаном веревка.

Но киммерийцу мало было дела до переживаний Арвистли. Он приподнял голову и позвал философа. Вскоре грифон появился перед обоими. Несколько мгновений Мэн-Ся рассматривал Арвистли, а затем маска грифона сползла на затылок, и явилось растерянное лицо молодого кхитайца.

— Что здесь произошло? — спросил он удивленно.

— Нашего друга чуть не задушили, — ответил Конан.

— Ой! — воскликнул Мэн-Ся, вкладывая в это маленько словечко всю бездну сочувствия, на какое только был способен.

Он устроился рядом и быстро ощупал шею Арвистли чуткими тонкими пальцами.

— Возможно, я сумею снять боль, если правильно надавлю на целебные точки тела, — пробормотал кхитаец.

Он что-то сделал, потому что Арвистли вдруг взвыл нечеловеческим голосом, повалился на землю и забил ногами. Конан воззрился на Мэн-Ся поверх бьющегося в корчах тела Арвистли.

— Что ты натворил? — сурово спросил киммериец.

Мэн-Ся растерянно пожал плечами.

— Я надавил на целебные точки, как вычитал в одном трактате...

— Разве можно лечить по книгам? — возмутился Конан.

Мэн-Ся встал и низко поклонился киммерийцу.

— Нет, учитель Конан. Я допустил непростительную ошибку.

— Что будем делать?

Мэн-Ся смотрел на сидящего Конана сверху вниз и потому видел не лицо киммерийца, а оскаленную клыкастую образину с желтыми морщинами на лбу, и юноша казалось, что так выглядит гнев учителя Конана.

— Что вы посоветеете, учитель Конан?

— Я посоветую сесть и подождать, — сказала Конан глубокомысленно. — По-моему, он приходит в себя. Тебе не удалось убить его.

— Какое облегчение! — вскричал Мэн-Ся, усаживаясь на песок.

Арвистли действительно вскоре пришел в себя. Он потрогал свою шею, убедился в том, что голова на месте и после этого обратился к Мэн-Ся:

— Тебе стоит подумать о карьере палача, Мэн-Ся. Будешь зарабатывать огромные деньги, вышибая признания из преступников, даже из самых упрямых. Впрочем, мне как будто действительно стало полегче...

— Рассказывай, что произошло. Обо всем по порядку, — велел Конан.

— Я сидел здесь и пытался творить иллюзии, — начал Арвистли. — Но у меня ничего не выходило. Даже искорки из пальцев не сыпались, а уж это-то умеет любой шарлатан, даже такой неудачник, как я.

— Я думаю, здесь творилась настоящая магия, и это мешало твоим фокусам, — заметил Конан.

— Что ж, это многое объясняет, — кивнул Арвистли и тотчас скривился от боли. — В общем, я выпил половину кувшина, и тут ко мне пополз волосяной аркан. Сперва я решил, что дело в выпитом вине. Когда пьешь незнакомое вино, никогда заранее нельзя сказать, какое действие оно на тебя окажет. Но — нет... Аркан действительно полз.

— Он не превращался в змею? — перебил Конан.

— В змею? — Арвистли на миг задумался. — Да, пожалуй... Ненадолго. Потом опять стал арканом. Я срывал его с себя, а потом потерял сознание...

— Должно быть, заклинание имело очень широкий ареал, поэтому и захватило сразу несколько веревок, — проговорил Конан.

— Я не вполне понял, учитель Конан, — вступил Мэн-Ся. — Несколько веревок? О скольких веревках мы сейчас толкуем?

Конан молчал.

Мэн-Ся закрыл глаза, погружаясь в медитацию. Он подумал было, что учитель Конан желает, чтобы мудрость последнего замечания дошла до учеников минуя их слабое сознание. Он вспомнил, как однажды глубокой ночью, почти засыпая, они пытались сосчитать монахов на одном древнем барельефе, который был устроен так, что одного монаха все время недосчитывались — или, напротив, считали одного за двоих...

— На госпожу Масардери напала огромная змея, — донесся до кхитайца голос Конана. — А когда я разрубил гадину, она обернулась обычной веревкой.

Кхитаец открыл глаза.

— Это была не притча? — осведомился он.

— Нет, самое обыкновенное нападение...

Мэн-Ся едва заметно покраснел.

Арвистли вдруг вытянул шею и уставился на что-то вблизи берега.

— Что это там такое?

Мэн-Ся вскочил на ноги.

— Там... огромный человек! Гигантская женщина! — выпалил кхитаец.

Конан уже знал, что именно они видят. То существо, которое они с Масардери заметили сразу после нападения змеи, приблизилось к берегу. Не то огни праздника привлекли великаншу, не то творившаяся на острове магия. Во вся-

ком случае, создание было здесь — и не приходилось ожидать от него ничего хорошего.

— Я остановлю ее! — вскричал Мэн-Ся.

— Даже не думай! — Конан попытался схватить его и задержать, но юркий и быстрый, кхитаец вывернулся из хватки варвара и бросился бежать туда, где еще прежде, утром, приметил рыбачьи лодки.

— Он погибнет! — сказал Арвистли, бессильно глядя вслед убегающему юноше. Он перевел взгляд на киммерийца. — Что же ты стоишь? Чего ждешь? Дожидаешься, пока волны вынесут на берег его бездыханное тело?

— Мертвцевов я, что ли, не видел, — проворчал Конан. — Пойдем. Я отведу тебя к остальным, пусть бабенки о тебе позаботятся. Попробую если не остановить нашего кхитайского приятеля, то по крайней мере подобрать его шуплый трупик.

* * *

Изо всех сил налегая на весла, Мэн-Ся греб в ту сторону, где огромной черной тенью колыхалась над водой великанша. В детские годы Мэн-Ся помогал своему отцу рыбачить и до сих пор не утратил некоторых навыков. Правда, у себя на родине Мэн-Ся пользовался немного другими лодками и греб только одним веслом, но освоить другую лодку для него не составило большого труда. Лодка, управляемая ловким кхитайцем, летела по волнам.

Вот уже совсем близко Мэн-Ся видел безобразное широкое лицо великанши, ее смуглую нечистую кожу, широко раскрытый рот с желтыми зубами... Чудовище в облике гигантской женщины вызывало не столько ужас, сколько отвращение. Преодолевая себя, Мэн-Ся приближался к ней с каждым гребком. Он почему-то знал: необходимо рассмотреть ее как можно лучше.

Он бросил весла, выпрямился в лодке и закричал на своем родном языке, обращаясь к великанше:

— Кто ты?

Та медленно повернула лицо в его сторону.

— Кто ты? — повторил Мэн-Ся на туранском.

Великанша чуть нагнула голову. В ее глазах появился яростный желтый блеск, затем зрачки ее испустили длинные лучи и вспыхнули, как будто в голове у чудища зажглась лампа.

— Заклинаю тебя силами добрых духов, четырех ветров, — начал Мэн-Ся, но договорить не успел.

Гигантская женщина сложила губы трубочкой и дунула. Поднялась большая волна. Она побежала прямо к лодке, где стоял маленький кхитаец. Мэн-Ся сел и схватился за весла, торопясь развернуться носом к волне, но оказалось уже поздно. Волна ударила в борт утлой лодочки и едва не перевернула ее.

Весла гнулись, таким мощным был ветер, вырывавшийся из легких великанши. Мэн-Ся кричал от боли в руках, но весел не выпускал и изо всех сил выгребал против волны. Великанша ус-

мехнулась. Она видела, как человек отчаянно борется за свою жизнь, и ее это, несомненно, смушило. Какими жалкими выглядят эти людышки! Как ничтожно их существование!

Она снова надула щеки. Мэн-Ся понял: это конец. Сейчас она снова дунет, и утлую лодочку вместе с мореплавателем швырнет на скалы.

Зачем он только поплыл? Неужели ему было недостаточно того, что было видно с берега? Неужто не хватило ему новых познаний и потребовалось более внимательное изучение удивительного существа, которое вдруг вынырнуло перед ним, словно чудом, из моря и предстало так явственно?

Он закрыл глаза, машинально продолжая грести, но уже не видя — куда несет его судьба. В детстве отец-рыбак рассказывал сыну о морских дивах. О девах с чудными голосами, что заманивают путников в пучину и губят там своими холодными ласками. О гранатовых и изумрудных птицах, что летят впереди корабля, указывая неверный курс. О гигантских черепахах, которых моряки принимают за острова и высаживаются, а затем вместе с ними погружаются на морское дно и гибнут.

Неужто Мэн-Ся не хватило всех этих рассказней? Неужто понадобилось увидеть нечто еще более грандиозное? «Глупый я человек, — думал Мэн-Ся. — Но все-таки жизнь моя прошла не зря. Нужно сосредоточиться на этом. Так учил Тьянь-По, а учитель Тьянь-По не бросает слов на ветер...»

Ветер. Как будто последняя мысль вызвала бурю. Великанша дунула.

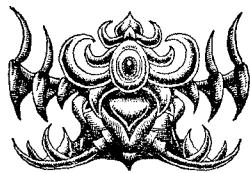
Конан как раз в этот миг выбежал на берег и теперь вглядывался в черную морскую гладь. На фоне лунного диска вдруг взметнулась гигантская фигура женщины с раздутым животом и отвисшими, как бурдюки, грудями. Взлетели и опали мокрые пряди ее волос. Она повернулась к киммерийцу в профиль. Он увидел, что щеки у нее наполнены воздухом.

И тут длинная волна побежала по морской глади. С каждым мгновением волна вздымалась все выше, и на гребне ее стала заметна маленькая лодка с человеком. Бесла задрались, бесполезно загребая воздух. Лодка удерживалась на верху каким-то чудом.

В следующий миг она грянула о скалы и разбилась на щепы.

Конан изо всех сил помчался туда.

Глава девятая

Мать в поисках сына

хитаец открыл глаза и обнаружил себя закованным по рукам и ногам. Он попытался пошевелиться, но что-то не давало ему двинуться с места. Было темно, и понять, где он находится, не представлялось возможности.

— Где я? — прошептал он, не надеясь получить ответ, но неожиданно совсем близко произнучал голос Конана:

— А, очнулся! Прикрой глаза, я подниму шторы.

В комнату хлынул яркий свет. Судя по всему, уже наступило утро следующего дня.

— Что со мной случилось? — зашептал хитаец.

— Ты жив, больше с тобой пока ничего не случилось, — был флегматичный ответ.

На самом деле киммериец был вовсе не так безразличен к происходящему, как притворялся. Когда он появился с бесчувственным, обвисшим, точно тряпичная кукла, Мэн-Ся перед пирующими, поднялся громкий крик. Масардери уст-

ремила на киммерийца грозный взгляд и осведомилась — уж не подрались ли, часом, учитель с учеником.

— Возможно, вы показывали бедняге какой-нибудь новый способ махать кулаками? — осведомлялась она.

Конан не удостоил ее ответом. В конце концов, дама пережила очередное потрясение, так что нет ничего удивительного в том, что ее умственные способности несколько пострадали. Не без удивления он понял, что Масардери на полном серьезе считает своего телохранителя человеком хоть и преданным — не столько нанимателю, сколько собственной чести, — но жестоким и не всегда разумным.

— Мне нужна женщина, разбирающаяся в медицине, — сказал Конан.

Кэрхун глянул на хитаца с плохо замаскированным презрением.

— Что с ним случилось?

— Выбрал неудачное время для катания на лодке, — ответил Конан.

Все три кузины вскочили разом и предложили свои услуги. И поскольку они были весьма усердны, то Мэн-Ся оказался обмотан бинтами туго-натужно, так что очнувшись не смог даже пошевелиться.

— Для чего ты поплыл к этому чудищу? — спросил Конан у хитаца. — Разве тебе с берега было плохо видно?

— Кое-чего я не видел, — тихо ответил Мэн-Ся.

— Например? — прищурился киммериец.

— Она не из Турана, — сказал Мэн-Ся.

Конан громко расхохотался.

— Разумеется, нет! — воскликнул он. — Я никогда не видывал, чтобы туренские женщины обладали таким ростом. Туранцы вообще невелики ростом, если уж на то пошло... — И киммериец горделиво расправил плечи.

— Меня интересовали черты ее лица, — пояснил Мэн-Ся. — С берега невозможно было разглядеть... Она выглядит не похожей на кхитайского демона. Наши демоны все с плоскими или втянутыми щеками... И на иранистанского дьявола она тоже не похожа. Вот в чем дело, учитель Конан. Вы меня понимаете?

— Не совсем, но продолжай; быть может, я сумею уловить твою мысль.

— Если бы она была обыкновенной женщиной — очень старой и некрасивой, но все-таки обыкновенной женщиной, — медленно произнес Мэн-Ся, — то я принял бы ее за уроженку Вендии... а это наводит меня на кое-какие дополнительные мысли.

— Это не наводит тебя на мысль о том, что ты мог погибнуть? — сердито поинтересовался Конан. — Причем погибнуть глупо, ни за что. Просто из-за пустой фантазии!

— О, учитель! — вскричал Мэн-Ся с неожиданной силой. — Когда меня ударило о скалу, я испытал просветление!

— Ты хочешь сказать, что у тебя искры из глаз посыпались? — уточнил Конан. — Что ж,

такое просветление случается со всеми, кто стукается лбом обо что-нибудь твердое.

— Самая твердая вещь из всех, о которую только может стукнуться человек, — медленно и торжественно произнес Мэн-Ся, — это истина. И именно это со мной и случилось. Я врезался в истину и прозрел.

Он протер свои узкие глаза и поморгал ими, как бы показывая, что теперь видит гораздо лучше, чем прежде.

Тугие бинты едва позволяли ему двигаться, тем не менее Конан заставил беднягу проглотить немного жидкого каши и кружку молока. И только затем позволил продолжить рассказ.

— Возможно, это Даанли, — сказал Мэн-Ся. — Учитель Конан, вы слышали когда-нибудь о Даанли?

— Нет, — лаконично ответил Конан.

— О, — протянул Мэн-Ся, — это демоница из Вендии. Ей уже очень давно никто не поклоняется, ибо она стара, почти бессильна и к тому же безобразна. Она не может дать человеку ничего хорошего, она не в состоянии причинить людям большое зло. Много веков о ней ничего не было известно, и казалось, что самая память о ней навсегда исчезла, но затем один ученый маг разыскал кое-какие сведения о Даанли... Он вычитал это в древней вендийской книге, которую отыскал в одном заброшенном храме.

— Продолжай, — велел Конан. Киммериец вдруг насторожился. Возможно, кхитаец действительно испытал «просветление». Во всяком

случае теперь его история о демонице из Вендии перестала казаться Конану такой уж бессмысленной.

— Это был заброшенный храм, — сказал Мэн-Ся. — Да, так он рассказывал мне, когда я расспрашивал его о путешествиях. Среди развалин, в траве лежала книга. Она была сделана из человеческой кожи. Всего пять страниц в деревянном окладе. На одной из этих пяти страниц была нарисована ужасная демоница, на другой — мальчик дивной красоты. Третья страница содержала рассказ о том, как этот мальчик был превращен злыми магами в золотую статуэтку. Четвертая — песнь Даанли, скорбную песнь матери, потерявшей сына. Пятая страница описывала проклятья Даанли тем, кто украл у нее сына, и ее обещание наградить богатствами и силой того, кто вернет несчастной великанше единственное сокровище ее жизни, ее ребенка...

— Золотой мальчик из заброшенного храма в Вендии, — медленно, с расстановкой проговорил Конан. — Мэн-Ся, я напишу учителю Тьянь-По о том, что он вырастил под сенью своего философического сада настоящего мудреца! Хоть ты и преступно молод, но ум твой остер и ясен. Демоница из Вендии! Она пришла сюда и бродит в поисках золотого мальчика!

Мэн-Ся тихо вздохнул.

— Теперь, когда вы признали мои достоинства и готовы объявить их перед учителем Тьянь-По, я совершенно счастлив и могу заснуть, — сообщил он.

— Нет, не спи! — возмутился Конан. — Рассказывай дальше.

— Но я рассказал достаточно для того, чтобы вы, учитель Конан, сочли меня мудрым. Я не вижу смысла продолжать, — возразил Мэн-Ся.

Конан скрипнул зубами, но было уже поздно: пользуясь своей привилегией раненого, молодой кхитаец мирно заснул, и разбудить его так и не удалось.

Конан вышел из комнаты и задумчиво прошелся по саду, окружающему господский дом на острове. Итак, «просветление» — а может быть, внушение со стороны демоницы, — открыло Мэн-Ся истинную цель гигантской женщины. Она разыскивает своего сына. Золотого мальчика.

Киммериец почти не сомневался в том, что речь идет о той самой статуэтке, которую покойный супруг Масардери привез из Вендии. С самого начала было очевидно, что статуэтка эта отнюдь не проста и заключает в себе какое-то колдовство.

Теперь, кстати, стало ясно и другое. Конан понял, почему не ощущал магических сил в Кэрхуне. Кэрхун и не был магом. Он не владел темными искусствами и не творил чар. Все делала его союзница — демоница. Узнав о горе чудовищной матери, Кэрхун разыскал ее и пообещал, что вернет ей золотого мальчика — в обмен на богатство и могущество. Очевидно, Даанли согласилась. Не могла же согласиться. Как многие низшие демоны, она доверчива, а горе сделало ее легкой добычей.

Очевидно, именно Даанли помогала Кэрхуну превращать в кровожадных монстров горы песка, костей, обломки и щепки, не говоря уж о самых простых бытовых предметах, вроде веревки или старой шкуры.

Одно оставалось для Конана не вполне понятным: почему Кэрхун одновременно пытался и жениться на Масардери, и убить ее. Но поразмыслив немного, киммериец понял, что здесь нет никакого противоречия. Если бы вдова дядюшки согласилась отдать свою руку племяннику, тот завладел бы золотой статуэткой и вернул Даанли ее сына, а демоница наделила бы Кэрхуна богатством, как и обещала. Но поскольку Масардери отнюдь не поощряла ухаживаний слишком уж настойчивого племянника, Кэрхун счел убийство упрямицы более простым путем к золотому мальчику.

И коль скоро демоница бродит в пределах видимости людей, это может означать только одно: и сама Даанли, и Кэрхун — оба уверены в том, что скоро золотая статуэтка окажется в руках демоницы, а Масардери умрет.

И только Конан может встать между несчастной женщиной и теми, кто желает ей погибели.

* * *

Конан вышел в сад в поисках Масардери. Если Мэн-Ся в своем «просветлении» догадался о заговоре против этой дамы, то Конану следует постоянно держаться как можно ближе к Масар-

дери и быть готовым в любой миг отразить очередную атаку врага. Киммериец еще не решил, каким образом он разделается с Кэрхуном. В том, что Кэрхун умрет, у Конана не имелось ни малейших сомнений. Но пока этого не произошло, расслабляться нельзя.

— Конан!

Киммериец обернулся и едва сдержал досадливый возглас, уже готовый сорваться. Только этого не хватало! Его догонял Арвистли. Маг-шарлатан вызывал у Конана неприязненные чувства и меньше всего киммерийцу хотелось сейчас разговаривать с ним. А тот торопливо шел прямо к Конану и на ходу сильно размахивал руками. Обычно бледное, унылое лицо шарлатана раскраснелось, глаза блестели. Он явно был чем-то возужден.

— Конан, подожди! Я должен сказать тебе кое-что чрезвычайно важное!

— Говори, только скорей — я тороплюсь, — бросил Конан через плечо.

Настигнув его, Арвистли пошел рядом. Поскольку киммериец шагал стремительно, маг с трудом держался с ним вровень и то и дело принимался бежать.

— Да погоди ты! — взмолился он наконец.

Конан резко остановился и развернулся к нему.

— Что тебе нужно от меня? Я должен отыскать госпожу Масардери как можно быстрее, потому что ей угрожает опасность. Ясно? Не мешай и не путайся под ногами!

— Я вовсе не хотел мешать, — смущаясь маг. — Напротив, я хотел помочь... Точнее, я как раз собирался сказать тебе, что госпоже Масардери угрожает большая опасность...

— Кажется, я понял это без твоих подсказок, — указал ему Конан.

Арвистли свесил голову и несколько мгновений, скосив глаза, изучал кончик собственного длинного носа, а затем вскинулся:

— Значит, ты понял и насчет ритуала?

— Насчет какого ритуала? — насторожился Конан.

— Этот праздник, который устроил Кэрхун... Кое-что было действительно обыкновенным карнавалом. Все эти фонарики, музыка, угощение... Но одежда самого Кэрхуна, его танец — нет, это не имело никакого отношения к обычному маскараду. Я догадался об этом сегодня утром, когда лежал в постели и размышлял над своими впечатлениями. У меня есть привычка — сортировать впечатления и обдумывать их. Без этого я давно бы пропал...

— И сейчас пропадешь вместе со всеми своими полезными привычками, — зарычал Конан, — если будешь морочить мне голову!

Кажется, Арвистли действительно перепугался. Он втянул голову в плечи и пробормотал:

— У меня сложилось впечатление, что ты и без моих объяснений все хорошо понял... Кэрхун пытается практиковать магию. Он мой благодетель, и нехорошо так поступать по отношению к человеку, который вызволил тебя из тюрьмы...

— К демонам под лед все эти глупости! — зарычал Конан и встремхнул Арвистли так, что у того лязгнули зубы. — Говори!

— Когда я увидел его маску и костюм, когда я понял, с какой серьезностью он исполняет свой танец... Словом, я догадался.

— Демоница? — прищурился Конан, выпуская мага и обтирая ладони об одежду.

Арвистли кивнул и криво улыбнулся.

— Он провел ритуал, чтобы вызвать ее. Думаю, таким способом он вызывал ее и прежде. От нее он черпает свои магические силы.

— Да, и Мэн-Ся тоже так считает, — заметил Конан, больше для того, чтобы Арвистли не слишком радовался собственной догадливости.

Но если киммериец и хотел уязвить Арвистли, то эта стрела пролетела мимо цели. Магшарлатан по-настоящему обрадовался.

— Стало быть, этот кхитаец действительно соображает! — заявил он, потирая руки. — Отлично! Чем больше умных людей, тем лучше.

— Он испытал просветление, — сообщил Конан.

— Что ж, очень хорошо, очень хорошо... Идем!

— Куда ты меня тянешь? — удивился Конан.

— Как куда? Спасать госпожу Масардери!

Арвистли почти побежал по дорожке сада, так что теперь Конан едва поспевал за ним.

Служанка сообщила им, что Масардери действительно гуляла по саду, но теперь, кажется, вернулась в дом и сейчас кушает.

Не успела она договорить, как до Конана доносились шумы. В доме что-то гремело и трещало, потом раздался звон разбиваемой посуды и вслед за тем — женский визг.

Арвистли позеленел.

— Бежим! — сипло каркнул он.

Киммериец уже спешил на шум. Он скрежетал зубами и проклинал себя за медлительность и недогадливость.

Разумеется, Масардери сейчас в доме и завтракает! С этого следовало начинать поиски. Но как тут сообразишь, когда кругом столько народа и все тебя отвлекают? Конан мог только надеяться на то, что чернокожие слуги сейчас рядом с госпожой и защищают ее. Лишь бы продержались, пока киммериец поспеет!

Он ворвался в зал и замер на пороге — таким необычным и удивительным показалось ему зрелище, представшее глазам. На столе стояла Масардери. Она закрыла лицо руками и даже не кричала — для этого у нее не осталось сил. Возле окна в кресле сидел Кэрхун. Он развалился в непринужденной позе и время от времени делал взмахи кистью руки.

А по всей комнате носились предметы. Ожившие тарелки, одушевленные ножи, подвижные чаши, кувшины, салфетки, подносы, сервировочные столики, канделябры, статуэтки — все это летало в воздухе, стукалось, разбивалось, врезалось в стены и норовило задеть Масардери и причинить ей вред. Вот большой острый нож воткнулся в столешницу рядом с ногой испуган-

ной женщины. Она вздрогнула всем телом, но не двинулась с места.

Кэрхун хлопнул в ладоши. Большой поднос сорвался со стены и с силой ударил Масардери в грудь. Она покачнулась и села на корточки, обхватив голову руками.

— Трус! — загремел Конан, обращаясь к Кэрхуну.

Заметив варвара, Кэрхун поднялся.

— Ты успел вовремя, — спокойно проговорил он. — Сейчас ты умрешь.

Конан с презрением рассматривал туранца. Как противник, с мечом в руке, в поединке Кэрхун не стоил ничего. Конан убил бы его в считанные мгновения. Но, вооруженный магией вендинской демоницы, Кэрхун был смертельно опасен.

Несколько длинных ножей полетели в сторону Конана. В последний момент варвар стремительно пригнулся, и лезвия ударились в стену. Однако они сразу же отскочили и вновь взвились в воздух.

Конан схватил большой поднос и, орудуя им, как щитом, отбил следующую атаку.

Кэрхун громко засмеялся. Он сделал рукой вращательное движение, и поднос ожила в пальцах Конана. Как живой, поднос дергался и пытался вырваться на волю. Теперь он не столько служил щитом, сколько был помехой, и потому киммериец выпустил его.

Большой кувшин прилетел откуда-то с верхней полки и ударил Конана по виску. В голове у

варвара загудело. Он развернулся в сторону ма- га, и в горле киммерийца зародилось низкое ры- чание, как будто Конан вот-вот превратится в дикого зверя и набросится на Кэрхуна.

Масардери, съежившись, наблюдала за своим защитником. Она не сделала попытки вмешаться или сбежать, потому что понимала: самое безопасное для нее сейчас — держаться поближе к Конану.

Конан метнулся в сторону и схватил один из ножей. Он рассчитывал бросить нож в Кэрхуна прежде, чем тот опять применит свою магию.

Тщетная попытка! Нож вырвался из руки киммерийца и, взвившись вверх, отвесно полетел прямо в голову варвара. Конан не успел увернуться от удара, и лезвие расцарапало ему щеку.

Обнажив меч, Конан начал отбиваться от предметов, тучей нападавших на него. Он рассек пополам столик из орехового дерева, и обе половинки принялись с силой бить его по ногам. Сталь звенела в воздухе. Один особенно злоказненный медный кувшин уже несколько раз избегал смертоносного лезвия и ухитрялся стукать Конана то по макушке, то по кисти руки.

Варвар впал в исступление.

— Кром! — зарычал он, бросаясь вперед, и тотчас споткнулся и едва не потерял равновесие. Обитая бархатом скамеечка для ног ударила его под коленями.

Меньше всего Конан думал сейчас о том, как глупо он выглядит, сражаясь со всеми этими

стульями и столовыми приборами. Он знал, что должен спасти жизнь Масардери, а как он это сделает — неважно.

Длинный шнур отвязался от портьеры, прополз через комнату и обвился вокруг ног Конана. На губах Кэрхуна появилась зловещая улыбка.

— Еще немного — и тебе конец, киммериец!

Ответом Кэрхуну было лишь злобное рычание. Второй шнур уже проплывал по воздуху, готовясь связать руки варвара.

В этот момент неведомо откуда взявшаяся обезьяна вскочила на плечи Кэрхуна. Обезьяна эта имела весьма отвратительный вид: большой красный голый зад, косматая физиономия, глумливо оскаленные клыки. Обезьяна топталась на плече Кэрхуна, тыча своим задом ему в лицо.

Конан громко захохотал. Его восхитило унижение противника — а кроме того, киммериец действительно находил поведение обезьяны чрезвычайно смешным.

Услышав смех Конана, Масардери отняла ладони от лица и удивленно посмотрела на своего защитника.

Вместо объяснений Конан показал на Кэрхуна пальцем.

Этот смех возымел на Масардери целебное, почти магическое действие. Женщина вдруг перестала бояться. Она распрямила плечи и спустилась со стола. Сядьтесь на табурет, который в любой миг может ожить и ударить тебя, она не решилась. Просто встала возле стены и принялась наблюдать.

Между тем обезьяна шумно испортила воздух, сделав это так, чтобы большая часть «заряда» пришлась Кэрхуну в нос.

— Проклятье! — заорал Кэрхун. — Дьявольское отродье!

Обезьяна испустила громкий крик, заверещала и перескочила на голову Кэрхуна. Она вцепилась ему в волосы и принялась раскачиваться в порыве совершенного восторга.

Конан быстро избавился от пут и освободил ноги. Затем, держа меч обеими руками, приблизился к Кэрхуну.

Тот успел лишь поднять голову и взглянуть в глаза киммерийцу. С обезьянкой на макушке, с обезумевшим взором, с полоской крови, стекающей по виску, — обезьяна расцарапала ему кожу, — Кэрхун казался каким-то странным существом, имеющим лишь отдаленное сходство с человеком.

Обезьяна вдруг застыла, сделалась как бы не живой.

Конан не раздумывал. Он поднял меч и, прежде чем Кэрхун успел сделать хотя бы одно движение, разрубил голову негодяя вместе с обезьянкой.

Хлынула кровь, вытек мозг. Кэрхун без единого звука повалился на пол. Одна рука скребнула по плитке пола, и словно бы отвечая шевельнулась скатерть на столе. Звякнула чаша, выплеснулось немного воды. Затем все стихло.

Масардери устало вздохнула, ощущая, как ужас, сковывавший ее все это время, постепенно

отпускает. Она все еще боялась верить в то, что все позади. Все страхи, все испытания!

— Ну как, получилось? — послышался голос Арвистли.

Конан с досадой повернулся в сторону шарлатана.

— Что именно получилось? — осведомился киммериец. — Если тебе интересно, успел ли я расправиться с мерзавцем, то мой ответ: да, успел. Кое-кто валяется мертвый, с разрубленной головой. Можешь войти и полюбоваться.

Арвистли, заглядывавший в комнату через окно, быстро убрался. Из-под окна донесся его голос:

— Ну уж нет! Ненавижу смерть. Все эти трупы меня пугают. Потом снятся по ночам. Когда я сидел в подземной тюрьме, рядом со мной задушили какого-то парня. Потом объяснили, что хотели задушить меня, но перепутали. А мне каково было — проснуться и увидеть рядом посиневший труп с высунутым изо рта языком? Нет, ни за что. Пусть мертвец остается мертвецом, благодарю покорно, а я пока побуду живым.

Во время этого монолога Конан внимательно рассматривал убитого и наконец поднял голову. Обращаясь в сторону окна, он произнес:

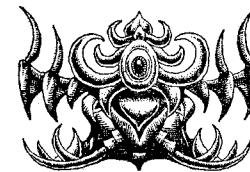
— Странно.

— Что странно? — тотчас откликнулся Арвистли.

— Здесь была обезьяна.

— Разумеется, была! — подхватил Арвистли.

— А теперь ее нет, — продолжал киммериец. — Я разрубил его вместе с обезьянкой. Между

тем Кэрхун лежит здесь, а обезьяны нет. Ни живой, ни дохлой.

— Разумеется, нет! — согласился Арвистли. — Разве ты не понял? Это была иллюзия. Я же мастер иллюзий! Шарлатан — если по-твоему, хотя на самом деле иллюзии не есть шарлатанство... Впрочем, это дело вкуса. Главное — что в обезьяну поверил Кэрхун.

— Тебе это удалось, — вздохнул Конан.

В окне снова возникла физиономия Арвистли.

— Что именно мне удалось?

— Помочь мне. Вынужден признать: если бы ты не отвлек Кэрхуна своей иллюзией, я бы не одолел всю эту магию. Существуют вещи, не подвластные ни людям, ни богам. Видишь ли, Арвистли, даже Конан-киммериец не в состоянии убить табуретку.

Эпилог

последний раз Масардери оглядела «вендинскую комнату» в своем доме в Акифе. Конечно, жаль разорять такое уютное гнездышко, но всему когда-то приходит конец. Нельзяечно сидеть здесь и грустить по умершему Сулису. Он был хорошим человеком... Наверное, боги сумеют о нем позаботиться. Если богам вообще есть дело до умерших.

Правда, если послушать рассказы Конана о посмертной участи доблестных воинов, то Сулису не слишком понравится в киммерийском «раю», там, где постоянно едят, пьют и сражаются. Сулис был человеком мирным, добросердечным. Любопытным. Отважным...

Нет, она больше не будет о нем думать. Жизнь продолжается. Именно так. Жизнь продолжается.

Масардери вздохнула и закрыла дверь.

Нанятый погонщик верблюдов с важным видом расхаживал по двору. Трое рослых негров, «священные братья», стояли поодаль и погляды-

вали на него безразлично, а тот, в свою очередь, бросал на чернокожих презрительные взоры.

Три кузины расположились в гостиной Масардери на уютных, обтянутых шелком низких сиденьях. На этих дамах были удобные просторные шаровары, легкие сапожки из мягкой кожи, длинные шелковые рубахи. Они готовились совершить путешествие на берег моря Вилайет и теперь оживленно болтали о предстоящем.

* * *

После смерти Кэрхуна Масардери со своими друзьями и родственниками вернулась в Акиф. Оставаться в доме, где произошло убийство, было для вдовы невыносимо. Все в имении Кэрхуна напоминало ей о пережитом страхе.

Конан поддерживал Масардери в ее решении. Таким образом, они были в Акифе уже через десять дней и водворились в доме Масардери. Считалось, что Мэн-Ся и Арвистли получили приглашение погостить у Масардери — а может быть, и остаться у нее навсегда, если им захочется. Это вышло как-то само собой, хотя никто не обсуждал такую возможность с хозяйкой.

Сразу же после возвращения Масардери призвала к себе Конана.

— Мне неудобно было говорить с вами об этом, пока мы находились в пути, — начала она, — но сейчас, полагаю, время настало. Я хочу расплатиться с вами за услуги телохранителя. Я знаю, что невозможно выразить в денеж-

ной сумме всю ту благодарность, которую я испытываю к вам, но...

Она смущалась и опустила глаза. Конан смотрел на женщину удивленно.

— Если вы стыдитесь дать мне побольше денег, — сказал киммериец, — то я буду рад избавить вас от ложного стыда. Я с удовольствием приму сотню-другую золотых, уверяю вас.

— Но моя благодарность гораздо выше сотни золотых... она вообще выше денег! — воскликнула Масардери, пытаясь выразить свои чувства.

— Отлично, — сказал варвар. — Я беру и драгоценными камнями. Изумруды подойдут.

— Вы... вы действительно предпочли бы деньги? — нерешительно спросила Масардери.

— А что же еще? — искренне удивился Конан.

— Ну... — Она замялась.

Конан мягко коснулся ее плеча.

— Вы прекрасная женщина, Масардери, и найдете себе хорошего мужа. Получше, чем киммериец, который не намерен задерживаться на одном месте дольше, чем требуется для заработка.

— Вы совсем меня не любите? — прошептала она.

— Люблю, — ответил он просто. — И вас, и еще многих, которые были до вас. Не говоря уж о тех, которые только ждут своего момента где-то там, в моем будущем. Брак и оседлая жизнь — не для меня. Не сейчас.

Он поцеловал ее.

— Не плачьте, — добавил он. — Я не хочу причинять вам боль.

— Вы и не причиняете...

Она вытерла слезы и заговорила деловито.

— Есть еще одна мысль, которая не дает мне покоя. Та демоница, Даанли. Она ведь хотела вернуть себе своего сына, не так ли? Я не вижу смысла дольше держать у себя в доме эту статую. Я хранила ее в память о моем покойном муже, но теперь... Теперь все это как-то сразу утратило смысла.

— Вы хотите отдать золотого мальчика Даанли? Масардери кивнула.

— Полагаете, это не опасно? — спросила она у Конана.

— Думаю, нет. Напротив, опасно будет оставлять статую у себя.

Таким образом, было принято сразу два очень важных решения: Конан получает две сотни золотых и десяток изумрудов, а демоница Даанли — золотую статую.

К третьему решению Масардери подтолкнули неугомонные кузины. Они явились к госпоже Масардери на следующее утро и сразу приступили к делу.

— Видишь ли, дорогая, — начала одна и замолчала.

— Случилась удивительная вещь, — подхватила вторая.

— Мы начали... испытывать чувства, — заключила третья.

— Вы влюбились? — догадалась Масардери.

Они покраснели и переглянулись. Наконец самая старшая из кузин, наиболее отважная, произнесла:

— Не могла бы ты продать нам своих негров? Масардери расхохоталась.

— Я отдам вам моих чернокожих — навсегда, в полное и безраздельное владение, — при двух условиях: во-первых, если они сами этого захотят, и во-вторых, если вы отвезете золотую статую на берег моря Вилайет и вручите ее демонице. Почему-то в последнее время я стала очень чувствительной. Не поверите, но мне жаль эту безобразную мать. Не нужно заставлять ее страдать из-за потери. У меня нет своих детей, но я знаю, что потерять ребенка — худшее испытание из возможных.

* * *

Все поставленные Масардери условия были соблюдены, и вот теперь из дома в Акифе выступали многочисленные путешественники. Три кузины в сопровождении троих негров везли статую на берег Вилайет, чтобы затем переправиться на остров и поселиться в опустевшем имении Кэрхуна.

Конан и Мэн-Ся, верхом на хороших конях, намеревались продолжить путешествие на восток, в Кхитай. Часть пути они собирались проплывать вместе, а там — как получится.

Что касается Арвистли, то он пригрелся в доме Масардери и втайне надеялся на то, что она

не попросит его присоединиться к прочим путешественникам. Ему очень хотелось прожить в покое и довольстве хотя бы зиму.

Что ж, Масардери была признательна мастеру иллюзий, так что он мог не слишком беспокоиться за свою участь. Теперь все было хорошо. Теперь Масардери совершенно спокойна за свое будущее.

* * *

Проводив последнего путника, Масардери с облегчением вернулась в свои покой. Как хорошо! Как тихо! Мастер иллюзий копошится где-то в дальних комнатах, как черепашка в коробочке. Он не посмеет тревожить госпожу из страха, что та выставит его вон.

Нет ни назойливого Кэрхуна, ни бдительного телохранителя, ни любознательного кхитайца, ни обожающих госпожу негров-носильщиков, ни болтливых кузин.

Ти-ши-на. Покой. Все позади. Как хорошо жить! Масардери велела молчаливой служанке подавать обед и вошла в трапезную.

Обитые мягким бархатом табуретки были здесь намертво прибиты к полу, ножи прикованы тонкими, но прочными стальными цепочками, тарелки прикреплены к столешнице, кубки также посажены на цепь, точно сторожевые собаки.

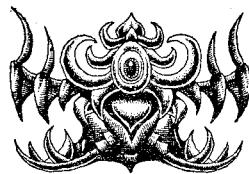
Как спокойно, как тихо... Как уверенно чувствует себя Масардери у себя в доме! Как удачно она все устроила!

Это она и называет — избавлением от страха.

Дуглас Брайан

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ НЕ БУДЕТ

иммериец! Эй, киммериец!
Тьма вдруг рассеялась, в подземный «мешок» хлынул горячий воздух, полный запаха песка и какой-то пряной выпечки, — воздух свободы.

Конан, однако, не подавал признаков жизни. Сидел на земле, уткнувшись лбом в колени, и лихорадочно соображал.

Он никому не говорил о том, что родом из Киммерии. Никому из схвативших его. Для них он был просто «северянин», «варвар с севера». Правда, женщина знала его имя. Наверное, она рассказала слишком много... Хорошо бы выяснить, что с нею случилось. Впрочем, если сейчас пришли за ним, то скоро все откроется.

Конан поднял голову и увидел ослепительный солнечный свет, изливавшийся с небес. Потом на фоне света грязным пятном простила фигура тюремщика, приземистого кривоногого малого, который взывал:

— Киммериец! Тебя хотят видеть — вылезай!

Конан встал, ухватился за сброшенную ему веревку и начал подниматься наверх. Что бы ни ожидало его за пределами подземного «меш-

ка» — туранской тюрьмы для опасных преступников, это было ощутимо лучше тюремного заключения. По крайней мере, наверху у Конана будут развязаны руки. Там, на воле, есть куда бежать, а если его попытаются остановить — киммериец всегда сможет податься и победить.

Наконец Конан очутился наверху. Горячий ветер ударили его в лицо — ветер, прилетевший откуда-то из степей или пустынь. Должно быть, много диковин повидал на своем пути этот ветер! Конан на миг задохнулся и зажмурился, а когда вновь открыл глаза, то увидел перед собой странно знакомое лицо.

— Ну, что же ты? — нетерпеливо произнес этот человек. — Не помнишь меня?

— Грифи? — выговорил киммериец. — Но этого не может быть...

Он знал некоего Грифи пару зим назад. То был бритунец с волосами странного рыжего цвета и очень светлыми глазами. «Как будто боги хотели создать альбиноса, но в последний момент передумали», — так описывал свою внешность сам Грифи.

Сейчас он стоял перед Конаном, одетый как истинный туранец. Его рыжие волосы были обмотаны скрученным куском ткани, свисающий конец головной повязки прикрывал нижнюю часть лица, чтобы жестокое солнце не обжигало нежную кожу. Широкий наборный пояс, охватывающий талию Грифи, несомненно, говорил о богатстве: туранец может носить лохмотья, если ему вздумается, но конь, оружие и пояс у него

будут настолько хороши, насколько позволит состояние.

— Кром! — воскликнул киммериец. — Грифи, ты сделался заправским туранцем! По-моему, ты даже стал кривоногим... Как тебе это удалось?

— Заинтересовался? — хмыкнул Грифи. — Идем отсюда. Я выкупил тебя за трех превосходных лошадей, да еще этому уроду, — он кивнул в сторону тюремщика, — пришлось дать сотню серебряных монет.

Конан тряхнул волосами и засмеялся. Грифи показал ему на коня, ожидавшего неподалеку.

— Садись.

— Это мой? — уточнил киммериец.

— Пока ты на моей службе, — ответил Грифи. — Впрочем, если все пройдет удачно, он останется твоим навсегда.

— Согласен! — воскликнул Конан, вскакивая в седло.

Спустя миг оба скакали прочь от тюрьмы, навстречу ветру и свободе.

* * *

Владения Грифи находились к востоку от Шандарата. Конан с удивлением обозревал большое пастбище, мимо которого они ехали, а затем с еще большим изумлением увидел окруженный тенистым садом каменный дом, настоящую княжескую усадьбу.

— Боги! Грифи, неужели ты здесь живешь?

— Да, — с гордостью кивнул Грифи. — Это мой дом, и все такое. И ты — мой гость.

— Кажется, ты хотел нанять меня на службу? — спросил Конан. — Учти, Грифи, я не смогу вечно торчать здесь и служить твоим охранником. Это, конечно, прекрасная должность, сытная и спокойная, но ведь ты знаешь, что такие вещи не для меня.

— У меня даже в мыслях не было предлагать тебе нечто подобное! — искренне возмутился Грифи. — За кого ты меня принимаешь? Спокойное, сытное житье в доме богатого лорда? Да лучше умереть! Нет, Конан, то, ради чего я внес за тебя выкуп, гораздо проще, чем безбедная жизнь. У меня есть задание как раз по тебе. Опасное, требующее силы, ловкости, бесстрашия, пренебрежения собственной жизнью. И если ты справишься, то получишь от меня хорошие деньги — и свободу убираться к демонам, на все четыре стороны.

— Что ж, — невозмутимо молвил Конан, — в таком случае, я, разумеется, согласен.

— Правильный выбор, — кивнул Грифи. — Если бы ты отказался, я отправил бы тебя обратно в подземную тюрьму.

— О, Грифи, — протянул киммериец, — ты ведь не сделал бы этого!

— А что мне помешает?

Они переглянулись и расхохотались. Наконец Конан обтер лицо ладонями, встряхнулся и спросил:

— Как ты меня нашел?

— Слушал на площади Шандарата когда женщины объявляли смертный приговор.

— Ее казнили?

— Сбросили в мешке в воду.

Конан помолчал, нахмурившись. Затем все-таки поинтересовался:

— Как все случилось?

— В общем, у этого Джемала был евнух. Не помню, как его зовут. Точнее, не знаю. Все эти евнухи — отвратительные люди. Лучше уж гнома в услужении держать.

— Гном в гареме? — Конан не удержался от ухмылки.

Грифи быстро махнул рукой, как бы отметая все посторонние мысли.

— Джемал знал, что ты пришел к его жене.

— Проклятье, Грифи! Это была пятнадцатая жена, и Джемал даже не интересовался ею... Красивая девочка, глупенькая, но очень симпатичная. Она хотела бежать. У нас был даже приспан костюм мальчика для нее... Она совершенно не заслуживала такой участи. Быть запертой в этой душной клетке, целыми днями ничего не делать, только скучать и поедать сладости.

— Как ты познакомился с ней?

— Она выглядывала за ограду сада.

— А ты что делал под этой оградой?

— Присматривался, нельзя ли забраться туда и что-нибудь украсть.

— И в конце концов ты решил украсть женщину! Нет ничего глупее, Конан! Евнух выдал вас обоих. Тебя опоили снотворным и схватили,

пока ты ничего не соображал. После этого не стоило никакого труда расправиться с женщиной. Тебя хотели казнить. Но когда я услышал на площади о том, что некий варвар, северянин, забрался по отвесной стене в сад уважаемого господина Джемала и пытался украсть у него жену, я понял, о ком идет речь. Во всей Хайбории, кажется, существует только один варвар-северянин, способный на такие поступки. Я навел кое-какие справки... И, поскольку я тоже уважаемый господин, к моим словам прислушались. А при виде моих лошадей сделались на диво говорчивыми. Все, что от меня требовалось, — обеспечить твоё исчезновение.

— И что же ты припас для меня?

— Терпение, Конан! Сначала ты узнаешь, каким образом нищий бродяга из Бритунии сделался уважаемым господином, да еще в Туране.

Они подъехали к воротам усадьбы. Грифи взял небольшой рог, висевший у него на поясе, поднес к губам и дунул. Раздался тонкий пронзительный звук, и почти тотчас на стене показался человек в островерхом шлеме поверх головной повязки.

— Господин! Господин прибыл! — закричал он. — Скорей открывайте ворота!

Стражник исчез. Вскоре ворота распахнулись, и перед путниками легла ровная, посыпанная песком дорожка, ведущая между деревьями.

— Добро пожаловать, Конан, — произнес Грифи с легким, чуть насмешливым поклоном. — Добро пожаловать в усадьбу Грифи!

Они въехали под сень деревьев, и ворота за их спиной закрылись. Узорчатая тень ворот легла на дорожку.

Садовники, слуги, быстрые служанки с корзинками у пояса и ножницами в руках, — все они прекращали работу и низко кланялись при виде всадников.

Грифи не отвечал на поклоны, но с его лица не сходила милостивая улыбка.

Конан старался сохранять невозмутимую мину, но ему ужасно хотелось хохотать. Важничающий Грифи вызывал у него необузданные приступы веселья.

Наконец Конан не выдержал:

— Сдаюсь! Ты победил, Грифи! Я сгораю от любопытства — каким образом ты завладел всем этим богатством?

Грифи повернулся к своему спутнику. Едва заметная улыбка зародилась в углах его губ.

— Весьма простым и традиционным способом. Я женился на вдове.

— Хочешь сказать, дом, сад, пастбища — все это достояние твоего предшественника на брачном ложе?

— Именно, Конан.

— Кром! Как примитивно!

— Нет, если учесть, сколько усилий пришлось приложить для того, чтобы мне это позволили. Для начала я стал лучшим другом, а потом и названным братом ее родного братца; затем втерся в доверие к ее старому мужу... Я стал незаменимым другом в этой семье.

— Надеюсь, ты не помог старому мужу при переходе в Серые Миры?

— Нет, я просто навел кое-какие справки... Видишь ли, Конан, если ты — младший сын младшего сына и навсегда покидаешь родной дом, потому что там тебе ничего не светит, разве что головокружительная карьера писаря при каком-нибудь невежественном дворянчике... Ну как бы это объяснить подоходчивее... Ты становишься весьма изобретательным. И вот ты прибываешь в Туран — ты следишь за моей мыслью? — и выясняешь, что имеется поблизости некий господин, очень старый и больной; у него только одна жена, и притом из влиятельной семьи. Ты малый не промах и при первой же возможности сводишь знакомство, а потом и дружбу с членами этой семьи. Немного терпения, чуть-чуть везения — ну и доблесть, конечно, проявленная вовремя и там, где надо, — и ты уже почти член семьи. Тем временем события развиваются своим чередом, дети подрастают, старики умирают... Умирает и муж сестры твоего названного брата.

— Странная степень родства, — хмыкнул Конан. — И какая же доля наследства тебе причитается, если ты — всего лишь названный брат брата жены покойного?

— Мне причитается все, — спокойно сказал Грифи. — Потому что мой названный брат тотчас отдает мне руку своей сестры и заверяет, что никто, кроме меня, не сможет позаботиться о ней достойным образом. И вот я забочусь. О

ней, об усадьбе, об этом саде, об армии слуг, о пастбищах, о лошадях и пастухах... Единственное, чего я не терплю у себя в доме, — это евнухи. Всех, кто здесь водился, собрал и продал. Как раз, кстати, хватило на то, чтобы выкупить тебя.

— Гляжу, ты стал заправским рабовладельцем, Грифи.

— Да, хватка у меня есть, — скромно сознался Грифи. — Но вот мы и дома. Входи, устраивайся в передней комнате. В сам дом не заходи, больно уж ты грязен. Тебе принесут умыться, переодеться, поесть и выпить.

— А нельзя в обратной последовательности? — поинтересовался Конан. — Сперва выпить, потом поесть, потом... что там еще?

Грифи рассмеялся.

— Ты ничуть не изменился.

— Ты тоже.

Прохлада и полумрак зажиточного дома обступили обоих.

* * *

Где бы ни очутился Конан, он всегда чувствовал себя удобно. Тюремные нары или мягкая тахта, палуба галеры или роскошные ковры, жесткий кхитайский лежак или перины в доме аквилонского вельможи, — повсюду киммериец устраивался как у себя дома.

Что касается комнаты, которую отвел ему Грифи, то в ней вообще не было ничего непривычного для киммерийца: гора ковров, десяток

кувшинов, из которых два содержали напитки — разведенное вино и сладкую воду; маленькая ароматическая курильница и гигантская серебряная ваза, наполненная фруктами.

Конан развалился на коврах, взял кувшин с вином и принялся отдыхать. Мысли его бродили лениво, сонно.

Мимолетно вспоминал он молодую женщину, которую пытался выкрасть и увести на свободу. Жаль, что она погибла! Этот Джамал заслуживает самого лютого наказания!

... Но не теперь. Теперь нужно дождаться Грифи и узнать, чего же он, собственно, хочет от старого приятеля.

А Грифи заделался истинным туранцем. Не спешит заводить речь о существе дела. Сперва болтал о своей женитьбе, потом хвастался лошадьми, рассказывал о каком-то изумительном жеребце, которого ему доставили аж из самого Кхитая. Долго и нудно интересовался тем, удобно ли Конан устроился.

Что ж, в подобные игры варвар играть умеет. Грифи получил подробнейший отчет о том, какие ощущения испытывает Конан, лежа на ковре с мягким ворсом, и о том, насколько этот ковер лучше другого, с ворсом более жестким; а также поведал Конан своему другу о вкусовых качествах вина и о том, что разбавленное вино лучше утоляет жажду, но приносит меньше удовлетворения.

Когда киммериец заговорил о свойствах аквилонского вина, весьма дорогое, и начал сопос-

ставлять его с кхитайским рисовым вином, Грифи не выдержал.

Новоявленный «туранский аристократ» разразился смехом и захлопал в ладости.

— Ты переиграл меня, Конан! Сдаюсь!

— Я только начал, достопочтенный Грифи, — подражая размеженному тону туранских стариков, молвил Конан. — Итак, кхитайцы собирают рис в начале его созревания и...

— Все, все, сдаюсь! Довольно, Конан! Перехожу к делу.

Конан уселся на ковре удобнее.

— Давно бы так, — не моргнув глазом, объявил он. — Давай, выкладывай, Грифи, что у тебя случилось.

— По правде говоря, я и сам толком не могу понять, что это такое, — начал Грифи. — Люди говорят, будто в моих владениях завелся монстр. Сам я этого монстра никогда не видел. Но кое-какие следы он все же оставляет.

— Он режет твой скот? — спросил Конан.

— Хуже, набрасывается на людей.

— Не уверен, что это хуже, — пробормотал Конан, — но в общем и целом я с тобой согласен: терпеть на своих землях монстра — дурной тон. Даже младший сын младшего сына не может позволить себе так распуститься!

— Рад, что ты понимаешь, — кивнул Грифи.

— Принеси нормального вина, не разбавленного, — велел Конан. — Я не могу думать, когда у меня в голове булькает вода. Требуется напи-

ток покрепче, чтобы во мне ожила полный злобы варвар.

Грифи щелкнул пальцами, и в комнате, как по волшебству, появилась юная девушка. Конан не успел заметить, откуда она вошла, но явно не через тот занавешенный тяжелой портьерой проем, через который проходил пару колоколов назад сам киммериец.

Она была очень юной, лет пятнадцати. Ее смуглые руки были украшены тяжелыми золотыми браслетами, большие влажные глаза с любопытством глядели на гостя. В руках она держала большой кувшин. Ее тонкий стан соблазнительно изгибался, когда она наливала Конану вино.

— Что она делала с вином наготове возле нашей комнаты? — поинтересовался Конан. — Подслушивала?

— Нет, я приказал ей ждать. Я ведь знал, чего ты захочешь, — снова рассмеялся Грифи. — Подожди, Конан, ты еще не раз будешь удивлен! Став туранским вельможей, я перенял многие их обычай. Например, одно из любимых развлечений в этой стране — удивлять гостей.

— Некоторых гостей здесь принято удивлять до смерти, — заметил Конан, весело поглядывая на девушку. — Кто она?

— Просто рабыня. У меня в доме таких еще шесть. Терпеть не могу мужскую прислугу.

— Хорошенькая.

— Конан, если у тебя на уме то, о чем я подумал, то лучше сразу откажись...

— Кром! У меня на уме нет ничего, кроме хорошей еды и доброго вина!.. Скажи, Грифи, а твоя жена так же хороша, как эта девчушка?

— Я не намерен обсуждать мою жену с посторонними, — вдруг наступил Грифи.

— Вот так дела! — изумился Конан. — Прежде, бывало, мы с тобой болтали о женщинах ночи напролет... Особенно когда поблизости не было женщин. Что же случилось?

— Это моя жена, и я не собираюсь...

Конан махнул рукой.

— Хорошо, хорошо. Никто не покушается на твою жену. Если не хочешь говорить о женщине, перейдем к более приятной теме. Расскажи мне о монстре.

* * *

На землях, принадлежавших предшественнику Грифи, имеется низменный участок, где располагаются лучшие пастбища в округе. Разумеется, многие зимы эта земля считалась спорной, и имелось немало претендентов на нее. То и дело из сундуков извлекались разного рода грамоты, дарственные, письма влиятельных господ и даже самих властителей Турана и Иранистана, где подтверждались права на Зеленые Пастбища того или иного землевладельца.

Несколько раз соперники сходились в кратких, но кровопролитных войнах, так что требовалось вмешательство властей, дабы остановить бойню. В конце концов земля эта досталась супругу Джавис.

Здесь возникала некая пауза: поневоле хотелось задать вопрос — отчего же властитель Турана решил вопрос именно таким образом и почему он связал женитьбу на Джавис с болотным пастбищем?

Никто не решался заходить в свое любопытство так далеко. Достоинством общественности стало то обстоятельство, что самый отчаянный из претендентов — тот, который, по общему мнению, имел на землю меньше всего прав, — был призван во дворец и после долгого разговора вышел оттуда с хартией, подтверждающей его вступление в права собственности.

Несомненно, Грифи, унаследовавший пастбище вместе с женой, кое-что знал об этом. Но Конан видел, что его приятель не расположен говорить на эту тему, и потому сосредоточился на монстре.

— Никто его не разглядел, — сознался Грифи. — Любой, кто встречался с ним на Зеленом Пастбище, навсегда терял дар речи.

— Выражайся точнее, — попросил Конан. — Твоя цветистая туранская речь тяжела для моего киммерийского слуха, почтенный Грифи.

— Живых после таких встреч не остается, — выразился точнее «почтенный Грифи».

— Понятно, — кивнул Конан. — Еще вопрос: он убивает всех без разбору или только чужаков?

Грифи призадумался.

— На первый взгляд кажется, будто всех без разбору, но, если подумать получше... Да, возможно, он не трогает людей Джамала.

— Опять этот Джамал! Житья от него нет.

— Он был одним из соперников в споре за эту землю. По общему мнению, он мог бы выиграть войну, если бы не неожиданное предложение насчет Джавис.

— Самое простое будет предположить, что монстра выпустил на пастбища сам Джамал, — вздохнул Конан. — Ничего удивительного, от подлеца, способного убить женщину, можно и не такого ожидать!.. Но это означает также, что монстр обладает некоторыми зачатками рассудка. Сам посуди! Даже я, с моим недюжинным умом, не в состоянии отличить твоих людей от людей Джамала, а монстр делает это без труда.

— Я только высказал предположение, — возразил Грифи. — Оно пока не основано на наблюдениях... Просто складывается такое впечатление.

— Хорошо, оставим пока Джамала с его людьми, — махнул рукой Конан, — вернемся к более приятной теме — к монстру. Ты осматривал тела погибших?

— Боюсь, от них мало что оставалось.

— То есть, он их съедает?

— Во всяком случае, разрывает на части.

— Это уже кое-что, — кивнул Конан, — стало быть, у него мощные челюсти, большие лапы с когтями... Что-нибудь еще? Следы остаются?

— Если и остаются, то я их не видел.

Конан вздохнул.

— Завтра отправлюсь на твои пастбища, Грифи, и погляжу поближе, что там да как. Сегодня

уж посплю на мягких коврах, не обессудь. Говорят, что роскошь расслабляет и делает воина слабым, но я не сторонник того, чтобы всю жизнь отдыхать на земляном полу или на охапке гнилой соломы.

— Никто не говорит, чтобы тебе спать на охапке гнилой соломы! — всполошился Грифи. Он засуетился так, что Конан едва не рассмеялся. — Ты мой гость, и тебе будет предоставлено все самое лучшее!

— Я и сам сожалею, но придется мне перебираться поближе к болотам, — вздохнул Конан. — Поселюсь у каких-нибудь пастухов. Жить у тебя в усадьбе и выслеживать монстра на пастбищах как-то не с руки.

Грифи встал.

— Если тебе что-нибудь понадобится, только щелкни пальцами, и придет девушка. Она понятливая и сделает все, о чем ни попросишь.

Конан ухмыльнулся.

Грифи погрозил ему пальцем:

— Я дорожу моими служанками, имей это в виду.

— А что ТЫ имел в виду? — возмутился Конан. — Никогда в жизни я ни одну женщину и пальцем не тронул, если ей того не хотелось.

— Она рабыня и привыкла угождать, — предостерег Грифи. — Не злоупотребляй этим.

— Еще одно слово, Грифи, и я сверну тебе шею, — предупредил Конан.

Грифи рассмеялся и вышел. Киммериец остался один. Он сразу перестал улыбаться, и хо-

рошенъкая рабыня мгновенно вылетела у него из головы. Конан раздумывал о чудовище.

Грифи унаследовал его вместе с пастбищами. А предшественник Грифи завладел пастбищами потому, что согласился жениться на Джавис.

Чем больше Конан размышлял об этом, тем больше ему казалось, что Джавис — ключ к разгадке. Кто она, эта таинственная супруга Грифи? Почему женитьба на ней вознаграждалась столь щедро? И почему Грифи отказался знакомить Конана со своей женой? Судя по всему, рыжий Грифи ничуть не изменился с тех пор, как Конан был с ним знаком: все тот же веселый, жизнерадостный человек, готовый ради наживы на все, кроме вопиющей подлости.

Конечно, Грифи перенял многие туранские обычаи — ведь он теперь «знатный туранец»; но это вовсе не означает, что он воспринимает всю эту игру всерьез. Нет, такое вовсе не в характере Грифи. К тому же он терпеть не может евнухов, в чем только что признавался, и не заставляет женщин своего дома закрывать лица.

Но жену он прячет от посторонних глаз. Ревнует, что ли?

Или за этой секретностью скрывается нечто более серьезное, нежели простая ревность?

Конан хлебнул из кувшина и растянулся на коврах. На короткое время задумался о той девочке, которую пытался украсть из гарема и которая погибла из-за своего стремления к свободе. Жаль бедняжку, но теперь уж ничего не поделаешь.

И тут портьера, висевшая в дверном проеме, шевельнулась, и Конан увидел крохотную женскую руку. Киммериец насторожился. Он чуть приподнялся на своем ложе и нащупал рукоять кинжала.

Рука помедлила немного, а затем отвела портьеру в сторону, и перед киммерийцем предстала крохотная женская фигурка. Ростом она едва доходила Конану до пояса. Ее лицо было лицом хорошенькой обезьянки.

Будь это существо и впрямь обезьянкой, Конан счел бы ее очаровательной, но это была женщина, и потому киммериец в первое мгновение оторопел, когда увидел ее.

Длинные черные волосы женщины ниспадали до самого пола. На ней были пышные парчовые шаровары, схваченные золотыми браслетами у щиколоток, и просторная полупрозрачная блуза из белой ткани, шитой золотыми нитями. Крохотные колокольчики украшали подол блузы. Ноги женщины оставались босыми, а на мизинцах блестели крохотные перстеньки.

Конан счел неудобным лежать в присутствии этой особы и снова уселся на коврах. Она остановилась в дверном проеме, с любопытством рассматривая его.

— Прости, я не хотела тебе мешать, — тихо проговорила она. — Я думала, что ты уже спишь.

— Нет ничего более опасного, чем глязеть на меня спящего, — проворчал Конан.

— Почему?

Она улыбнулась, и ее мордочка как будто озарилась солнечным светом.

— Потому что спросонок я могу убить, — ответил Конан. — Я ведь постоянно ожидаю опасности.

— Должно быть, твоя жизнь ужасна, — сказала женщина. — Ты никого не любишь, и тебя никто не любит. Кругом только ненависть и страх. Да, это ужасно.

И она преспокойно погладила варвара по волосам.

— Кто ты? — спросил он, отстраняясь.

— Я Джавис, — ответила она, и Конану подумалось, что он знал ответ прежде, чем услышал его.

— Откуда ты взялась, Джавис?

— Мой муж не говорил обо мне?

— Он избегал рассказывать о тебе, — ответил Конан. — Но не думаю, чтобы это было оттого, что он стыдится тебя. Просто счел свои семейные дела не предназначенными для обсуждения с приятелем. Особенно таким ужасным, как я.

— Ты вовсе не ужасен, — засмеялась Джавис. — Ужасна только твоя жизнь, полная боли и подозрительности, — вот что я хотела сказать.

Конан устроился на коврах поудобнее, скрестив ноги, и показал Джавис место рядом с собой.

— Окажи мне честь и посиди со мной, Джавис, — попросил он. — Выпей вина и расскажи мне свою историю, а я расскажу тебе свою. Он очень тебя угнетает, этот деспот, твой муж?

— Господин Грифи? — она засмеялась весело и вместе с тем ласково, как смеются, вспоминая

о любимом человеке. — О, нет! Лучше господина Грифи нет никого на свете!

Молодая женщина ловко устроилась рядом с киммерийцем и охотно приняла кувшин из его рук. Она глотнула вина, облизнулась с явным удовольствием и глянула на Конана лукаво.

— О чём ты хотел поговорить?

— Я хотел узнать, кто ты такая и почему жениТЬБА на тебе приносит такие богатства.

— Ты имеешь в виду Зеленые Пастища? — она прищурилась. — Что ж... Надеюсь, ты не боишься монстров, Конан, потому что я — самый настоящий монстр.

Вместо ответа Конан пощекотал ее затылок, и она поежилась от удовольствия.

— Я просто обожаю монстров, Джавис, и повидал их на своем веку столько, что всегда отличу симпатичного монстра от ужасного.

— Хорошо, хорошо... — Она закивала. — В таком случае, слушай. Мою мать привезли в клетке из джунглей Вендии. Считалось, что она животное. Несколько лет она жила в клетке и развлекала своим уродливым видом гостей своего господина. Ей не хотелось выдавать свою истинную сущность, и она решилась умереть, считаясь зверем. Лучше уж так, чем быть опозоренной и прожить век в дворцовых уродцах. А между тем она вовсе не была безобразной — по меркам нашего народа. Напротив, она слыла красавицей.

Но однажды она случайно раскрылась перед человеком. Это был один из туранских вельмож.

Он застал ее плачущей и спросил, даже не предполагая, что она может ответить, отчего она плачет. Разве ее плохо содержат? Или у нее нет чего-то необходимого? Многие люди, сказал он, охотно поменялись бы местом с этой обезьянкой, желая, чтобы их ласкали, кормили и украшали бантиками. И тут она не выдержала.

«Я поменялась бы местом с последним нищим, лишь бы обрести свободу! — сказала она. — Уже несколько лет я вижу только людей, которые мне неприятны, ненавистны, которые кажутся мне безобразными! У меня даже нет выбора — на кого смотреть! В мою клетку лезут отвратительные рожи, и мне приходится делать вид, будто они мне нравятся».

«Ты не животное! — воскликнул он. — Ты обладаешь разумом!»

«Удивляюсь только, как вы, обладающие разумом, не заметили этого раньше!» — сказала она.

— Он купил ее? — спросил Конан у Джавис, видя, что та разболтывалась и едва не плачет. Киммериец счел правильным поскорее подвести рассказ к сегодняшнему дню.

— Вместе с клеткой, — кивнула Джавис.

— Ты наполовину туранка, а наполовину...

Он чуть было не сказал «обезьянка», но вовремя удержался. Джавис невесело улыбнулась.

— Ты угадал. Моей матери больше нет, а меня препоручили заботам туранского владыки... И он выделил мне богатое приданое, а потом и самолично подыскал мужа. Первый мой супруг был человеком добрым, но не считал меня за

ровню себе. У него были наложницы, я же жила у него как дочь. Он прятал меня от посторонних глаз, боясь, чтобы меня не обидели недобрые люди. О, я знала о том, что в мире полно недобрых людей! У моего покойного отца был сын от первой жены, давно умершей, — мой сводный брат и нашел мне второго мужа, господина Грифи, своего приятеля.

— И ты довольна?

— Очень.

— Надеюсь, господин Грифи не относится к тебе как к дочери? — спросил Конан, щурясь.

— Нет. — Она очень мило опустила глаза. — Полагаю, нет.

Конан допил вино из кувшина и щелкнул пальцами, однако служанка, вопреки обещанию Грифи, не появилась. Конан поднял брови.

— Грифи определенно говорил, что служанка будет стоять под дверью и ожидать приказания возобновить запасы вина.

— Я велела ей уйти, — сказала Джавис. — Не хотела, чтобы она подслушивала.

— Лучше было бы ей подслушивать, — возразил Конан. — В таком случае Грифи мог бы быть уверен в том, что мы ничего дурного не делаем.

— Он и так в этом будет уверен, — заявила Джавис.

— Ты даже не догадываешься о том, кем он меня считает! — вздохнула киммериец. — Особенно учитывая мои последние «подвиги»... Но расскажи еще о себе. Чем ты любишь заниматься?

— Рукодельем, — ответила она. — Я вышиваю стеклянными бусами. Еще мне нравятся лошади.

— Так, — сказал Конан. — Похоже, мы подбираемся к пастбищу. Что тебе известно о твоем приданом?

— Только то, что там хорошая трава.

— Как давно там появился монстр, пожирающий людей?

— Со времен моего замужества.

— Значит, за всем этим стоит Джамал, — задумчиво проговорил Конан. — Что ж, Джавис, я рад был познакомиться с тобой. Обязательно расскажи мужу о том, что мы с тобой виделись и разговаривали, иначе он начнет подозревать меня в разных ужасных вещах. Ты даже представить себе не можешь, какая извращенная фантазия бывает у мужчин!

Джавис поцеловала Конана в лоб и скрылась в доме. Киммериец снова улегся на коврах и скоро погрузился в крепкий сон без сновидений.

* * *

На следующий день Конан покинул дом Грифи, едва рассвело. Хорошую одежду, которую Грифи подарил своему гостю, киммериец оставил в комнате. Он натянул старые штаны и рваную куртку, полагая, что хорошего киммерийского меча будет довольно для того, чтобы к нему относились с почтением. Незачем лазить по болотам и драться с чудищами, будучи облеченым в белоснежный плащ и расшитое бисером одеяние.

Да и у местных жителей возникнет искушение ограбить беспечного богатея, забредшего в дикие места.

Конан проехал по дороге довольно большое расстояние до моря Вилайет, а затем остановил коня, приподнялся на стременах и стал озираться. Судя по всему, Зеленые Пастбища — источник благосостояния Грифи — должны быть уже неподалеку.

И точно, впереди и слева варвар приметил сверкающее зеркало моря, а еще левее — ярко-зеленое пятно низины. Туда Конан и направил коня, свернув с большой дороги на боковую.

В колоколе езды от перекрестка стояла небольшая таверна. Конан подивился ее местоположению: неужели здесь бывает достаточно посетителей для того, чтобы это заведение не умерло естественной смертью?

Этот вопрос он и задал хозяину, заехав под дырявую крышу и попросив холодной воды на медную монету.

— Ты ведь приехал сюда, — меланхолически ответил хозяин. — Почему же ты интересуешься тем, бывают ли у нас посетители?

— Я спрашиваю из любопытства, — ответил Конан, озираясь по сторонам. — Ибо люди, ведущие оседлый образ жизни да еще рисковавшие завести что-то вроде таверны, всегда казались мне отчаянными храбрецами.

— Здесь не требуется особенной храбости, — буркнул хозяин.

— Ты прикован к своей собственности, точно

раб к веслу галеры, только, в отличие от раба, наложил на себя цепи добровольно, — ответил Конан. — С моей точки зрения, это сущее безумие.

— Ты выглядишь как житель севера, — сказал хозяин, ничуть не обижаясь. — Ты похож на всех этих бритунцев или аквилонцев, а рассуждаешь как здешний кочевник.

— Почему бы и нет? — хмыкнул Конан. — Своими светлыми глазами я вижу ничуть не хуже, чем кочевники — своими черными. Да еще владею преимуществом — ведь, по вашим взглядам, синий глаз дурной.

И он нарочно вытаращил свои ярко-синие глаза, словно рассчитывая запугать хозяина. Но тот лишь махнул рукой.

— Напрасно стараешься, верзила, — пробормотал он. — Мы в тutoшних краях такого навидались — нас ни светлым глазом не запугаешь, ни пустыми угрозами.

Конан сощурился.

— Ты говоришь о монстре?

— Если тебе все известно — для чего спрашивать?

И с этими словами хозяин отошел за прилавок, где у него нашлись срочные дела.

Конан допил воду, положил рядом с кружкой еще одну медную монету и выбрался из таверны. И сразу же увидел рядом со своим конем какого-то оборванца, который деловито осматривал великолепное животное, щупал ему бабки и даже заглядывал в пасть.

— Эй, ты! — гаркнул Конан. — Что ты здесь делаешь?

Оборванец изобразил на лице полное почтение к господину, явившемуся так внезапно.

— Ничего дурного, господин! — ответил он с поклоном. — Просто созерцал это прекрасное существо, созданное богами на радость человеку.

— Если ты насладился созерцанием, то отойди, ибо я собираюсь сесть в седло и продолжить путь, — приказал киммериец.

— О господин! — опять заговорил оборванец. — Мое имя Аббас, и я не хотел бы, чтобы между нами возникло какое-либо плачевное недопонимание.

— Между нами уже установилась полная ясность, — сказал Конан. — Отойди в сторону и не путайся под ногами, иначе, клянусь Митрой, я растопчу тебя!

Он вскочил в седло и пустил коня галопом. Настроение у киммерийца было дурным, его не покидали отвратительные предчувствия. Все здесь что-то недоговаривали, даже старый приятель Грифи, даже его очаровательная крошка-жена. Не говоря уж о хмуром трактирщике и хитром оборванце.

Однако монстр, несомненно, существует. На собственном опыте Конан убедился в одном: если тебе рассказывают о чем-то хорошем — можно и усомниться, но любые слухи о плохом всегда оказываются правдой.

Низина открылась перед всадником широченным ярко-зеленым пятном, усеянном белыми

пятнами — то были овцы и козы, несомненно, принадлежавшие Грифи. Конан поехал вдоль края пастбища, внимательно рассматривая его. Несколько раз огромные лохматые псы с громким лаем подбегали к всаднику, дабы продемонстрировать ему, кто здесь всем заправляет. Но Конан не нарушал границ и не совершил ничего запретного, и потому псы отбегали, угрожающие ворча.

Конан спешился и наклонился к земле, пытаясь рассмотреть, есть ли здесь следы, не похожие ни на звериные, ни на человеческие, однако ничего не обнаружил. Он продолжал идти пешком, все более замедляя шаг и все остreeе ощущая близкую опасность. Инстинкты варвара предупреждали его о необходимости быть начеку. Конану стало казаться, что за ним кто-то наблюдает.

Он остановился и, выхватив меч из ножен, громко крикнул:

— Кто бы ты ни был — выходи!

Никакого ответа. Только ветви низкорослых кустов гнулись под порывами ветра.

Однако острый взгляд киммерийца успел ухватить движение за одним из кустов, и Конан безошибочно указал острием меча на того, кто прятался там:

— Я тебя видел. Выходи! Выходи, не бойся. Если ты не замышляешь дурного, то тебе ничего не грозит.

Куст заколебался, и навстречу Конану выбрался молодой человек, одетый в рваную рубаху

и очень грязные штаны. Он был бос. Большой нос торчал на истощенном лице. Человек улыбался жалко и вместе с тем вызывающе.

— Кто ты такой? — властно спросил Конан.

— Я Аббас, здешний пастух, — был ответ.

Он поежился, и Конан вдруг уловил его сходство с тем оборванцем, который рассматривал коня возле таверны.

— Нет ли у тебя отца, Аббас? — поинтересовался Конан.

— У каждого человека есть отец, — молвил Аббас и переступил с ноги на ногу, не сводя с киммерийца тревожного взгляда.

— Я спрашивал не об этом, — нахмурился Конан. — Не играй со мной в словесные игры! Когда мне надоедает слышать увертки, я пускаю в ход мой меч.

— А я — моих собак, — тихонько пробормотал Аббас. — Но отец у меня действительно есть.

— Не мог ли я встретить его в колоколе пути отсюда, в таверне? — продолжал Конан.

— Да, — сказал Аббас. — Это он.

— У меня есть кое-какое дело в здешних краях, — сказал киммериец небрежно. — Так что, возможно, я задержусь на Зеленых Пастбищах на какое-то время.

— Неужто ты вознамерился уничтожить монстра, который запугал своими злодеяниями всю округу? Должно быть, ты — великий герой! Мы все живем здесь в страхе.

— Сколько здесь людей?

— Мой отец и я. Мы пастухи.

— Только двое?

— Основную работу делают собаки... Трудно найти людей, которые согласились бы жить в этих краях, — пояснил Аббас. — С тех пор, как здесь лютует монстр...

— Велики ли убытки? — продолжал расспрашивать Конан.

От Грифи он уже слышал о том, что странное чудище предпочитает убивать людей, но киммерийцу хотелось узнать подробности от пастухов, живущих в непосредственной близости от монстра.

— Смотря что считать убытками, — ответил Аббас с готовностью. — Овцам и козам нет никакого ущерба, и лошади остаются целы, и собак это существо не трогает, но вот люди... Люди — его главная добыча.

— Как мне показалось, места здесь довольно пустынны, — заметил Конан. — Где же ваш монстр находит себе пропитание?

— Я не знаю... — тихо отозвался Аббас.

— И почему вы с отцом до сих пор целы? — настаивал Конан.

— Не знаю... Ты должен мне верить, господин! — со слезами выкрикнул Аббас. — Я ничего не знаю о повадках этого зверя! Знаю только, что он задирает проезжих людей! Что он ест, когда нет добычи, почему он не трогает овец, где его лежка — ничего этого я не знаю!

— Ты его видел?

Аббас задумался, как будто до сих пор не решил еще для себя этого вопроса.

— Да... — выговорил он наконец. — Кажется... да. Вроде бы, видел. Издалека.

— Как он выглядит?

— Похож на огромного человека. Выше тебя. — Пастух показал рукой у себя над головой. — У него большие выпученные глаза, а вместо кожи — чешуя. И лапы с перепонками.

— Довольно неплохо ты его разглядел, если учтывать, что смотрел издалека! — сказал Конан, хлопая пастуха по плечу. — Что ж, моло-дец. Покажи мне место, где я мог бы привязать коня и переночевать. Я поживу у вас, пожалуй, несколько дней.

Аббас махнул рукой в сторону небольшой хижины, крытой листьями и соломой.

— Здесь живем мы с отцом, — пояснил он. — Обиталище наше убогое, как и вся наша жизнь, господин, и за это я заранее прошу у тебя прощения. Ты ведь гость господина Грифи, не так ли?

Выговарив это, Аббас вдруг смущился.

— Да, я гость и давний друг господина Грифи, — подтвердил Конан. — Но тебе это откуда известно? Кажется, я еще ни словом о себе самом не обмолвился.

Аббас метнул на него быстрый взгляд.

— Слухи расходятся в этих краях быстрее кругов на воде, господин.

— Что ж, приму такое объяснение, — вздохнул Конан. — За неимением никакого другого. Принеси мне воды и позабочься о коне, Аббас.

Киммериец бесцеремонно занял хижину пастухов, предоставив Аббасу ютиться снаружи. Че-

рер два поворота клепсидры пришел отец молодого пастуха, и чуткий слух варвара уловил обрывки их разговора:

—... в таверне... спрашивал про монстра... живет у Грифи... неизвестно, кто такой...

Конан ухмыльнулся. Кажется, оба пастуха насторожились. Можно подумать, отцу и сыну на руку присутствие монстра. Оба они выглядели испуганными, это точно, но вот кто их запугал? Монстр или кто-то другой?

Конан почти не сомневался в том, что за всеми этими историями так или иначе скрывается Джамал. Если Грифи будет терять на своих пастбищах пастухов, то скоро он потеряет и само пастбище, и тогда для Джамала не составит никакого труда купить эти земли по дешевке.

Интересно, почему Аббас с родителем продолжают оставаться здесь, невзирая на очевидную опасность? И вот еще что хотелось бы знать Конану: какая участь постигла тех, кто старался уничтожить монстра? Почему-то киммерийцу с трудом верилось в то, что такой предпримчивый человек, как Грифи, уже не предпринимал попыток избавиться от чудовища.

Он приподнялся на локте.

— Эй, Аббас! Аббас! Иди-ка сюда.

Молодой пастух нырнул в хижину.

— Ты звал меня?

— Да. Скажи, были другие молодцы, охотившиеся на вашего монстра?

— Да, господин, было двое или трое. Все они погибли. — Аббас потупился. — Мне грустно

вспоминать об этом. Это были отважные люди, и их смерть была ужасной.

— Подробнее! — приказал Конан.

— Их съели заживо. Затащили в пучину и... — Аббас осекся и быстро закончил: — Никто толком не знает, что произошло на самом деле, но этих людей больше не видели среди живых.

— Двое или трое, — медленно повторил Конан. — И что, их всех нанимал господин Грифи?

— Нет, — был ответ. — Они приходили по поручению первого супруга госпожи Джавис.

— Вы с отцом давно здесь работаете?

— Все эти зимы.

— И не боитесь?

— Я уже говорил господину, что мы живем в постоянном страхе, — сказал Аббас, ежась.

— А другие пастухи на этом пастбище были?

— Да.

— И что с ними?

— Погибли.

— Почему же вы с отцом уцелели?

— Потому что мы отходим далеко от нашей хижины и от дороги.

— Но, кажется, чудовище ловит также и путников, — стало быть, оно может выбираться на дорогу?

— Может быть, нам с отцом попросту везло, — сказал Аббас угрюмо. — Бывают же люди, оберегаемые богами.

— Ты не похож на любимчика богов, Аббас, — фыркнул Конан, за что был вознагражден злоб-

ным взглядом темных глаз. Киммериец лениво махнул рукой: — Ладно, ступай. Я должен побывать один и поразмысльть. Можешь принести мне чего-нибудь выпить.

Аббас ушел и больше не возвращался. Очевидно, желания принести гостю «что-нибудь выпить» у молодого пастуха не возникло.

Вечером в хижину ворвался старший пастух. Он увидел, что варвар мирно хранил, развалившись на соломенных циновках, и бесцеремонно растолкал его.

— Господин! Господин, проснись! Мы видели его! Мы только что видели его на пастицах!

Конан вскочил и схватился за оружие.

— Монстр здесь? — спросил он.

— Да, господин, скорее! Если ты хочешь убить его, идем скорее! — торопил старший пастух.

Конан выбежал из хижины следом за ним и остановился. Собаки надрывались вдалеке, словно облавили какое-то непонятное существо и не понимали, как себя вести: не то наброситься и разорвать, не то удирать, поджав хвосты, что есть мочи. Овцы беспокойно блеяли. А посреди зеленых зарослей стояло, покачиваясь, высоченное существо и размахивало перепончатыми лапами. Кожа у него была отчетливо зеленого цвета — это было хорошо видно в ярких лучах заходящего солнца.

— Туда! — рявкнул киммериец и помчался по болоту, перепрыгивая с кочки на кочку.

То и дело он оступался и падал, но всегда

стремительно вскакивал и бежал дальше. Когда Конан в очередной раз растянулся на траве, чудище вдруг исчезло. Киммериец не мог понять, куда оно подевалось. Только что оно металось среди перепуганных овец и размахивало перепончатыми лапами — и внезапно все пропало. Овцы еще некоторое время бестолково носились взад-вперед, и разозленные псы сгоняли их на место.

Конан остановился и прикусил губу. Он успел позабыть, что такое — чувствовать себя одурченным.

Пренеприятнейшее чувство. Нужно будет поделиться этим с Грифи. Старине Грифи наверняка кое-что известно касательно обыкновения чудища неожиданно возникать перед глазами охотника и столь же неожиданно пропадать неведомо куда.

Конан осторожно двинулся вперед, держась прежнего направления. Навстречу ему выбежал молодой пастух.

— Ты видел его, господин?

Аббас казался чрезвычайно взволнованным. Он весь раскраснелся и тяжело дышал. Конан внимательно посмотрел на него.

— Да, — уронил киммериец, — я его видел.

— Я тоже! Я тоже! Он был совсем близко, и я сумел разглядеть его так же хорошо, как тебя!

— Успокойся, Аббас. Кажется, у него есть особенная причина не трогать тебя, так что можешь не беспокоиться — он и впредь оставит тебя в живых, — заметил Конан.

— Хорошо бы так и случилось, господин, но кто может предсказать, в каком настроении он будет завтра!..

Вместо ответа Конан молча покачал головой. От Аббаса пахло чем-то неприятным — острым и резким. Должно быть, так пахнет страх...

Конан прошелся по пастбищу под злыми взглядами собак, внимательно рассматривая примятую траву, сломанные ветки кустов, все, что могло бы считаться следами. Чудовище как сквозь землю провалилось. Но такого попросту не бывает! Не призрак же это...

Отвечая своим мыслям, Конан тряхнул головой. Призраки не похожи на саламандру и не едят людей. Да и вообще — все известные Конану привидения вели себя совершенно иначе...

А это что такое? Киммериец наклонился и поднял с земли то, что в первое мгновение принял за комок грязной земли или за тряпку.

— Шкура саламандры! — воскликнул он. Аббас мгновенно очутился рядом.

— Можно к ней прикоснуться?

— Разумеется. Если я держу ее, значит, и для тебя она безопасна, — ответил киммериец.

Молодой пастух осторожно провел кончиками пальцев по шкурке.

— Убедился? — усмехнулся Конан. — Это шкура саламандры. Огромной, ростом с человека. Да, теперь я начинаю верить в то, что мне не показалось.

— Разумеется, не показалось, господин! — горячо заявил Аббас. — Ведь и собаки, и овцы его

видели, не только ты. А собаки не могут различать привидений.

— Тебе и это известно? — Конан пристально уставился на молодого пастуха.

Тот горячо кивнул.

— О, господин, живя в глухи, можно многое узнать!

— Не сомневаюсь, — пробормотал Конан, рассматривая шкуру. Саламандры действительно часто сбрасывают шкуру, так что в находке не было ничего удивительного. Если не считать размеров этой кожи... Да еще того, что она, судя по ее виду, была сброшена довольно давно.

Со своей находкой в руках Конан отправился обратно в хижину. Он положил ее в угол, а сам растянулся на прежнем месте. К нему заглянул старший пастух. Мельком посмотрел на шкуру.

— Ты не боишься?

Конан приоткрыл один глаз.

— Чего мне бояться?

— Что чудовище придет за своей шкурой.

— Оно избавилось от этой кожи. Ни змеи, ни саламандры не возвращаются к тому, что больше им не нужно. Вот если бы это был труп самки-змеи — тогда можно было бы опасаться ее, с позволения сказать, супруга. А пустая шкура... — Конан презрительно свистнул и добавил: — Не мешай мне спать. Спросонок я бываю очень раздражителен. Впрочем, и не спросонок — тоже.

— Я положу это знание себе в сердце, — с поклоном ответил старший пастух и удалился.

* * *

Еще два дня Конан провел в хижине у пастухов. Он ел самую простую пищу и обходился без вина, употребляя ту же отдающую болотом воду, которую пили и сами его «гостеприимные хозяева». В конце концов Конану начало казаться, что он нанялся на какую-то совершенно неподходящую для него работу, и конца-края этой работе не предвидится.

Он вставал до рассвета и по несколько колоколов бродил по пастбищам, рассматривая землю у себя под ногами — в поисках следов. Затем возвращался в хижину, где к тому времени уже находил приготовленную для себя скучную трапезу. После короткого отдыха киммериец опять выбирался на свою охоту — и так продолжалось до вечера, когда пастухи приносили ему ужин.

На третий день Конану решительно надоело обходить дозором Зеленые Пастбища, и он решил покончить с делом одним-единственным ударом. Он принес на пастбище шкуру саламандры, разложил ее и уставился на нее так, словно ожидал, что она оживет и заговорит с ним.

Младший пастух Аббас возник, как из-под земли, и вкрадчиво заговорил с киммерийцем:

— У тебя уже появились какие-то предположения, господин?

Конан резко повернулся к нему.

— Какие у меня могут быть предположения? У меня ничего нет, кроме этой пустой шкуры... Я приблизительно знаю, как выглядит это суще-

ство, но мне до сих пор неизвестно, где находится его логово.

— Ты не найдешь его логово, — убежденно произнес младший пастух. — Оно расположено глубоко под землей. Помнишь, как оно исчезло, когда ты заметил его в первый раз? Оно провалилось. Здесь, в болотах, есть несколько провалов, которые уводят в подземную реку. Очень опасное место. Мы с отцом хорошо знаем эти края и никогда не гоняем скот в ту сторону. Вон там, видишь? Там, где трава ядовито-зеленого цвета?

Конан повернулся в ту сторону, куда указывал молодой пастух, и вдруг покачнулся.

— Что-то мне нехорошо... — проговорил варвар, опускаясь на землю.

Аббас встал над ним, глядя на склоненную голову варвара. Нехорошая ухмылка появилась на лице молодого пастуха. Конан не мог этого видеть, потому что уставился себе под ноги.

— Что с тобой, господин? — притворно озабоченным тоном осведомился Аббас. — Неужто тебе дурно? Эти болота странно действуют на чужаков, не привыкших к здешним испарениям...

Конан, хорошо разбиравшийся в людях, уловил в его голосе радостные нотки. Как ни старался Аббас скрыть своего ликования, киммериец легко уловил фальшь в его соболезнованиях.

— Голова кружится, — сказал Конан. — Все плывет перед глазами... Сейчас упаду.

Он действительно повалился набок и закрыл глаза. Несколько мгновений Аббас смотрел на

поверженного киммерийца, а затем отвернулся и пронзительно свистнул. Ответом ему был такой же свист: должно быть, молодой пастух подал сигнал своему отцу, сообразил киммериец. Конан продолжал лежать неподвижно. Казалось, он не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой и превратился в жертву, которая только и может, что бессильно ожидать конца.

Киммериец ждал.

Со стороны провала — того самого места, которое только что показывал Аббас, — послышалось шлепанье. Кто-то быстро полз по болоту, перебирая перепончатыми лапами и время от времени сильно ударяя по земле хвостом. Конан поразился стремительности, с которым передвигалось это существо. Миг — и до киммерийца донеслось зловонное дыхание, вырывавшееся из разинутой пасти, и он услышал тихое шипение: тварь предвкушала добычу.

— Сюда, сюда! — бормотал в нетерпении Аббас. — Он здесь, здесь! Возьми его, а нас не трогай!

— Так вот что здесь происходило на самом деле, — спокойно проговорил Конан, поднимая на Аббаса холодный взгляд ярко-синих глаз. — Вы опаивали чужаков, а потом отдавали их зверю, и поэтому он не трогал ни вас, ни порученный вам скот.

— Я не... О, господин! Как ты мог подумать!.. — пролепетал Аббас. Он смотрел то на киммерийца, то на стремительно приближающегося монстра.

— Прощай, Аббас! — сказал Конан, вставая. — У меня хорошее обоняние. Сегодня я не пил воду, в которую вы подмешали мне настойку на перстянки.

И он бросился бежать.

Завывая от ужаса, Аббас побежал следом за киммерийцем.

Чудовище настигало людей. Болотному обитателю было безразлично, кого из двоих проглотить. Он готов был довольствоваться более медлительным.

С каждым шагом Аббас все больше отставал от Конана, и наконец до киммерийца донесся отчаянный вопль молодого пастуха: гигантская плотоядная саламандра схватила его. Конан развернулся и побежал обратно, вытаскивая на ходу из ножен меч.

Но чудовище почуяло неладное. Должно быть, какие-то зачатки сознания обитали в маленькой приплюснутой голове с широченной пастью, полной острых зубов.

Во всяком случае, чудищу и прежде доводилось видеть людей с мечами, и оно, кажется, хорошо знало, что от таковых не приходится ожидать добра. С громким шипением хищник помчался назад, уволакивая с собой свою добычу. Голова Аббаса беспомощно моталась из стороны в сторону, и Конан видел, что для молодого пастуха все кончено: он мертв.

Конан не испытывал ни малейшего сострадания к этому человеку. Несколько лет кряду они с отцом подмешивали яд в питье своих гостей.

людей, которые им доверились, — а потом отдавали их на съедение чудовищу из глубины болот. Эти пастухи нарушили самый священный из неписаных законов человечества — закон гостеприимства, и потому не заслуживали ни малейшего сожаления.

Многое вставало теперь на свои места. Например, загадочное явление зверя посреди стада и столь же загадочное его исчезновение. У киммерийца не было ни малейших сомнений в том, кто изображал чудовище, нарядившись в шкуру саламандры, — очевидно, найденную на болоте и приспешную специально для подобного спектакля.

А ведь Конан в первые мгновения поверил увиденному! Поверил, хотя чудовище стояло на задних лапах, как человек. Истинное же чудовище передвигалось на четырех. Но Аббас в шкуре зверя предпочел подняться — иначе существовал риск, что Конан его попросту не увидит издалека.

Как ловко он потом сбросил шкуру и изображал удивление! Ловко — да. Но все же недостаточно, чтобы провести киммерийца. Потому что первые подозрения зародились у Конана уже тогда.

Гигантским прыжком Конан настиг зверя и уже занес над ним меч, как вдруг монстр со своей добычей провалился под землю. И на сей раз это не было представлением — из глубины доносился громкий всплеск. Чудовище и мертвый Аббас погрузились в подземную реку.

Конан осторожно отошел от провала. Не хватало еще утонуть в болотах. Бесславная кончина не входила в планы киммерийца.

Он повернулся и зашагал обратно.

Старший пастух уже спешил к нему навстречу. На лице пастуха играла улыбка, которая вдруг исчезла и сменилась выражением панического ужаса.

— Ты?.. — выговорил пастух, даже не пытаясь скрыть своего разочарования. — Ты жив?

— Разумеется, — бросил Конан. — Я видел чудовище, хоть и не успел убить его. Жаль, конечно, было позволять ему скрываться с добычей, но игра еще не закончена.

— С добычей? — переспросил пастух, тупо глядя на Конана и словно пытаясь дознаться, о чем тот говорит.

Конан пожал плечами.

— Жаль Аббаса — смысленый был паренек, и не без актерского дарования. Но для него все кончено. Надеюсь, в Серых Мирах он обретет успокоение. Если, конечно, не повстречает там тех, кого вы с ним отправили туда же раньше положенного им срока.

— Аббас! — закричал пастух, хватаясь за голову. — Ты позволил!

— Почему бы и нет? — ухмыльнулся Конан. — В конце концов, каждый получил по заслугам. Разве не так, достопочтенный?

— На его месте должен был быть ты! — выл пастух. Он рухнул наземь и принял кататься по траве, вырывая из бороды клочки волос. — Это тебя должен был съесть зверь! Тебя, а не его!

— Люди взаимозаменяемы, — назидательно произнес Конан, глядя на него сверху вниз. —

Особенно если рассматривать их как пищу. Прощай — и впредь веди себя хорошо, иначе я расскажу господину Грифи, чем ты здесь занимаешься.

Конан, впрочем, и без того собирался открыть Грифи глаза на происходящее на Зеленых Пастбищах. Однако заменять пастуха сейчас было бы неразумно. Старик, по крайней мере, знает, с чем имеет дело, и у него есть какие-то шансы уцелеть, а свежий человек, будь он хоть десять раз преданным и честным, погибнет сразу.

Оставив пастуха рыдать и проклинать киммерийца с его коварством, Конан повернулся к нему спиной и зашагал обратно к хижине. Ему не хотелось пока оставаться на пастбище. У него возникло внезапное желание вернуться в усадьбу Грифи. Конан привык доверять своим инстинктам и обычно следовал порывам, когда они у него появлялись.

Может быть, в усадьбе кроется разгадка...

* * *

— Ты уже вернулся? — такими словами Грифи встретил своего друга. — Так скоро? Ну что, видел тварь?

— Видел и даже беседовал с нею, — хмыкнул Конан. — Нехорошие дела творятся на твоих пастбищах, Грифи. Даже не знаю, с чего начать рассказ.

— Начни с главного: ты убил его?

— Пока нет.

Грифи нахмурился.

— Конан, я рассчитывал на твою помощь.

— Я ведь ни от чего не отказываюсь... Помилуй, Грифи, прошло всего три дня! Дай мне хотя бы еще три дня срока. Смотри, что я тебе привез.

И Конан вытащил из свертка шкуру саламандры. Грифи сморщил нос.

— Воняет отвратительно. Что это такое?

— Приблизительно так выглядит чудовище — самый привлекательный обитатель твоих земель.

Конан растянул шкуру. Грифи внимательно осмотрел ее, затем перевел взгляд на киммерийца.

— Похоже на большую саламандру.

— Так и есть, — кивнул Конан. — Здоровенная саламандра. Прямо у меня на глазах загрызла пастуха.

— И ты ничего не сделал?

— Кое-что я сделал... Грифи, умоляю тебя, не спрашивай сейчас ни о чем. Я знаю твой нрав. Ты настоящий берсерк. Если ты узнаешь всю правду раньше времени, ты впадешь в неистовство и покалечишь лишних людей. Клянусь Кромом, когда настанет время, я сам укажу тебе на тех, кого следует покалечить, — и впадай себе в ярость на здоровье. А сейчас распорядись, чтобы для меня приготовили купальню с ароматическими маслами, самое лучшее вино и самое сочное мясо. Помнишь ту красотку, которая заглядывала в комнату, когда я только-только к тебе прибыл? Пусть она мне прислуживает. Клянусь, я пальцем ее не трону без ее желания.

Грифи рассмеялся.

— Вижу, простая жизнь в пастушьей хижине приохотила тебя к роскоши аристократов.

— У цивилизации есть хорошие стороны, — проворчал варвар. — Я никогда этого не отрицал. Впрочем, оставляю за собой право считать всех так называемых цивилизованных людей глупцами и неженками. Ступай, распорядись.

Грифи рассмеялся, хлопнул Конана по плечу и ушел.

Спустя один поворот клепсидры, киммериец уже нежился в гигантской каменной купальне, в теплой воде, благоухающей лепестками цветов. Девушка с тонкими смуглыми руками подливала горячую воду из кувшина или подавала сладости и напитки. Киммериец принимал ее заботы с видом полного равнодушия.

Наконец девушка сказала:

— Ты чем-то недоволен, господин?

— С чего ты взяла?

— Ты не улыбаешься.

— Я должен улыбаться? — удивился Конан.

— Когда господин доволен, он улыбается.

Конан оскалился в жуткой ухмылке. Девушка вскрикнула от ужаса.

— Я пошутил, — сообщил киммериец, перестав ухмыляться.

Она недоверчиво уставилась на него.

— Ты пошутил? — переспросила она. — Это такая шутка? Я тебе совсем не нравлюсь?

— Ты мне очень нравишься, — серьезно сказал Конан, — но я дал честное слово моему дру-

гу Грифи, что не стану пользоваться своим положением. Иначе я давно бы затащил тебя в эту самую купальню...

Девушка захлопала ресницами, явно не зная, как относиться к этим словам. Конан не стал ничего объяснять.

— Ты хорошенькая, — сказал он. — Ты мне нравишься. Может быть, ночью? Если хочешь, приходи. Грифи не будет против.

Она быстро прикоснулась к его виску, потом наклонилась и поцеловала в губы. Конан не выдержал. Он схватил девушку своими могучими ручищами и прижал к себе. Она успела лишь слабо взвизгнуть. Еще мгновение — и оба они баражтались в теплой воде, разбрызгивая вокруг капли ароматического масла.

* * *

— Как тебя зовут? — спросил Конан красавицу некоторое время спустя.

— Жасмин.

— Чудесное имя. Тебе нравится в доме у Грифи?

— Он очень добр с нами, — сказала Жасмин. — И он, и госпожа Джавис.

— Я хочу спросить тебя по секрету, — прошептал Конан, — что ты знаешь о Джавис?

Девушка почему-то испугалась.

— Я не должна говорить о господах!

— Ничего, мне можешь сказать что угодно. Я тебя не выдам, — заверил Конан.

— Госпожа Джавис принадлежит к древнему вендинскому народу, — сказала Жасмин, огляды-

ваясь по сторонам и ежась, как будто ожидая, что вот-вот кто-то появится и разоблачит болтушку. — Мне почти ничего об этом не известно. Народ ее матери обитал в дремучих лесах, но они не дики. У них странная, жестокая религия. Госпожа Джавис давно ушла от своего народа. Она никогда даже не видела подобных себе. Она добрая, и господин Грифи любит ее. Мы все любим ее. Я больше ничего не знаю.

— Ладно, ступай, — сказал Конан.

— Я должна помочь господину вытереться полотенцами, — робко возразила Жасмин.

— Ступай, — повторил Конан. И презрительно глянул на мягкие полотенца. — Вытираться? Зачем еще? Вот глупости! Масло должно хорошенько впитаться в кожу, иначе для чего наливать его в воду?

— Господину лучше знать, — смиренно согласилась Жасмин.

— По крайней мере, так поступала одна очень высокопоставленная дама в Султанапуре, — с важным видом добавил Конан.

Устрашенная его познаниями касательно привычек и обыкновения высокопоставленных султанапурских дам, Жасмин с низким поклоном удалилась, а Конан уселся на край каменной купальни и уставился в воду.

Обычно в такие огромные каменные лохани воду наливали из бочек, а потом вычерпывали ковшом. Но в доме Грифи все обстояло иначе. Жасмин лишь вытащила затычку, и вода сама уходила из купальни.

Конан созерцал отверстие в полу и маленький водоворот, образовавшийся над ним. Странно, но вода то пузырилась, как будто некая сила вталкивала ее обратно, то вдруг принималась кружиться с неистовой скоростью, словно то, что мешало свободному стоку, неожиданно исчезало. Затем тонкое благоухание ароматического масла сменилось знакомой болотной вонью.

Конан прикусил губу. Ему начало казаться, что он кое-что понял...

Обмотав бедра первым попавшимся лоскутом, Конан выскочил из комнаты и бросился бежать по усадьбе в поисках Грифи.

Владелец имения обнаружился в саду. Он внимал игре на лютне. Заезжий лютнист, родом из Заморы, остроносый человек с загорелым лицом, меланхолически щипал струны.

— Нечасто встретишь столь утонченного знатока, — говорил он, обращаясь к Грифи. — Здешняя музыка просто ужасна. Какое-то лишенное мелодии завывание. А вендийские флейты? Это отвратительно. Вы знаете, что их делают из человеческих костей? Лютня — инструмент благородный и изящный.

— Ну, есть ведь еще волынка... — начал было Грифи робко.

— Помилуйте! — лютнист скривился так, словно речь зашла о чем-то крайне неприятном. — Их делают из плохо выделанных козьих шкур, и когда они раздуваются, то страшно смердят. Нет, мой господин, вы должны усly-

шать новое сочинение, которое я написал специально в честь...

В этот миг обнаженный варвар выскочил из розового куста. Мокрые черные волосы спадали на широченные плечи Конана, синие глаза ярко блестели на смуглом лице. Громовым голосом он закричал:

— Вот ты где, Грифи! У меня есть мысль!
— Боги! — взвизгнул лютнист. — ЧТО ЭТО?

— Это мой старый друг, — строгим тоном произнес Грифи. — Исполняйте вашу мелодию, а мы пока побеседуем. Сядь, Конан, и прикрой свою наготу.

Конан глянул на себя, пожал плечами и, подстелив на землю полотенце, уселся.

— Расскажи о своих купальнях, Грифи, — попросил Конан.

— Кажется, я посоветовал тебе прикрыть наготу, — напомнил Грифи.

Конан сердито тряхнул черными волосами:

— Я не шучу. Грифи, расскажи о своих купальнях. Куда уходит водосток?

— Куда-то под землю, — рассеянно ответил Грифи. — Не понимаю, почему тебя это занимает. Ты никогда не видел таких купален?

— Не имеет значения, что я видел и чего не видел... — пробормотал Конан. — Возможно, мне встречались такие вещи, о которых ты даже помыслить не можешь. Сейчас важно другое. Под твоей землей протекает подземная река, не так ли? И в эту реку есть несколько входов — так называемых провалов?

— Ну, кажется... Я никогда об этом не спрашивал.

— Купальня досталась тебе от твоего предшественника или ты соорудил ее сам?

— Нет, она была здесь изначально... Конан, я так и не вник в суть твоих вопросов!

— Ты не обязан вникать ни в какую суть, — сказал Конан, поднимаясь и великолепно пре-небрегая забытым на земле полотенцем. — Главное — ты ответил на мои вопросы. Наслаждайся, Грифи. Оставляю тебя наедине с этим мушиным щипателем струн.

— Мушиным? — возмутился лютнист.

Но Конан уже удалился, шагая широким шагом и вдыхая свежий воздух полной грудью.

* * *

Очевидно, Грифи был сердит на своего друга, потому что весь день избегал Конана и всячески уклонялся от разговоров с ним. Хозяин усадьбы даже не вышел к обеду, объявив слугам, что намерен перекусить у себя в кабинете, за чтением редкого манускрипта. Он, дескать, отыскал весьма любопытный текст и намерен посвятить остаток дня изучению его.

В конце концов Конану надоело ждать приятеля для откровенного разговора. Не слишком-то киммериец нуждался в откровениях Грифи, если уж говорить честно. Кое-что было Конану ясно и без всяких рассказов. Оставалось прояснить одну-две детали, а вот их Грифи

вполне может не знать. Так что полагаться следовало лишь на собственную сообразительность да еще на свои наблюдения.

Конан удобно устроился в отведенной ему комнате и погрузился в размышления. Снова и снова перебирал он в мыслях впечатления последних дней: болото, подземная река, чудовище, живущее в глубине болот, двое коварных пастухов, странно устроенная купальня, малютка-жена Грифи, злобный и коварный Джемал, претендующий на Зеленые Пастбища...

Все это было каким-то образом связано между собой. Осталось только правильно проследить все связи, а затем — лишь обрезать ниточку в нужном месте.

Занимаясь умственными построениями, Конан незаметно погрузился в сладкую дремоту. Он ожидал скорого появления Жасмин. Поэтому ощущив в комнате женское присутствие — по легкому нежному запаху благовоний, по слабому дуновению ветерка, поднятому развевающимися одеждами, по шелковистому прикосновению волос, — Конан радостно зарычал и сжал тонкий стан в объятиях.

Женщина пискнула и попыталась высвободиться, но Конан, посмеиваясь, лишь целовал ее волосы.

— Как хорошо, что ты пришла! — сказал он наконец и взял ее за плечи, чтобы оттолкнуть от себя и рассмотреть получше. И тут же прикусил губу от смущения.

В его объятиях очутилась вовсе не Жасмин,

как надеялся киммериец, а госпожа Джавис, крохотная жена Грифи.

— Ну, — сказал Конан спокойным, ровным тоном, — надеюсь, сударыня, вы объясните мне, что все это значит!

Джавис моргнула, удивленная подобным обращением. Затем она вспомнила о том, что является хозяйкой этого дома, госпожой, и возмущенно воскликнула:

— Как вы смеете!

— Не перебивайте! — сказал Конан все тем же надменным голосом. — Объяснитесь, иначе я разбужу весь дом!

У Джавис задрожали губы — она готова была заплакать, и Конану вдруг стало ее жаль.

— Да будет вам, — сказал он примирительно. — Я не хотел ни напугать вас, ни обидеть. Честно говоря, я принял вас за другую.

— Так вы кого-то ждете? Мне, в таком случае, лучше уйти!

— Нет. — Конан задержал ее, схватив за руку. — Я назначил встречу вашей служанке, Жасмин. Она чудесная девушка и, как мне показалось сегодня днем, мы поладили. Но это может подождать. Вы пришли, чтобы рассказать мне кое-что, а это гораздо важнее.

— Да. — Она помедлила, а затем проговорила, словно решившись на что-то важное: — Я могу увидеть шкуру этого чудовища?

— Разумеется.

Конан вытащил из-под ковра шкуру и разложил ее перед хозяйкой. Маленькая женщина

внимательно уставилась на оболочку чудовища. Она прикоснулась к шероховатой коже, дотронулась до перепонок на лапах, до головы. Дрожь пробежала по ее телу, и она, вскрикнув, спряталась на груди у Конана.

— Не нужно бояться, — сказал варвар ласково и провел ладонью по ее волосам. — Это ведь всего лишь сброшенная кожа.

— Оно придет за мной, — прошептала молодая женщина. — Я это знаю... Мне снилось нечто похожее.

— Снилось? — Конан нахмурился. Обычно он не доверял снам, но не в подобных случаях. — А что вам снилось? Расскажите! Мне вы можете рассказать

Она слабо улыбнулась.

— Я не говорила об этом даже моему господину Грифи.

— Но я ведь не ваш господин Грифи, а все-го-навсего Конан, — заявил киммериец. — Ваш друг. Можете закрыть глаза и считать меня своим родственником, если хотите.

Она с благодарностью посмотрела на него.

— Вам, наверное, уже говорили, что моя мать была из древнего народа, жившего в Вендии. Никто не знает, откуда произошел этот народ, и почему он вымирает. Но в те зимы, когда это племя еще процветало, люди поклонялись древнему божеству. В отличие от многих богов Хайбореи, это божество во плоти обитало среди своих почитателей. Оно помогало женщинам рожать, а мужчинам — убивать дичь, но за это

требовало жертвоприношений. Каждый год ему отдавали юную девушку, и никто не знал, что с нею потом происходило.

Я не знаю, какой облик имело божество народа моей матери, но думаю, что оно напоминало огромную саламандру. — Молодая женщина показала на трофеи Конана. — Я полагаю так потому, что именно это начало являться в моих снах. И я верю, что сны эти насыщает мне моя мать, которая боится за мою жизнь, а может быть, и призывает меня отринуть страх и отаться в качестве жертвы божеству моего народа.

— Продолжайте, и прошу, избавьте меня от бредней о небожителях, — фыркнул Конан. — Я никогда в жизни не поверю, будто мать желает принести свою dochь в жертву какому-то мокро-му монстру. Вздор!

Джавис вздохнула.

— Как бы то ни было, но огромная саламандра — покровитель нашего народа. Раз в году, на праздник в свою честь, она показывалась из-под земли и веселилась вместе с прочими, а затем забирала свою жертву и исчезала в подземных реках. Вот и все, что мне известно. В моем сне этой жертвой всегда бываю я. Я вижу себя с венком на волосах, украшенную, как невеста, в оранжевых шелках и с браслетами на ногах. Я танцую возле костра, а чудовище лежит рядом и смотрит на меня жадными глазами, и из его зубастой пасти вытекает слюна.

— Какой восхитительный сон, — сказал Конан. — Надеюсь, скоро вы от него избавитесь.

— Есть еще одна вещь, — добавила, помолчав, Джавис. — Несколько раз случалось так, что я едва избегала гибели.

— И Грифи об этом, разумеется, тоже не знает, — утвердительно произнес Конан.

Джавис вздохнула.

— У моего мужа достаточно забот, чтобы тревожить его еще и этим. Однажды у меня понесли кони, остановить их удалось только чудом. Другой раз я упала в бассейн. Клянусь, меня толкнули — но я так и не поняла, кто это был, потому что рядом никого не было. Были и другие случаи.

— Вы уверены, что вас хотят убить?

— Да, — сказала Джавис. — Не так, так эдак. И в довершение всего на наших землях появляется саламандра. Теперь мне точно не избежать гибели. Все прочее было лишь обычным покушением на жизнь человека, но саламандра... божество моих предков... Это — судьба. А уйти от судьбы еще никому не удавалось.

Конан взял Джавис за подбородок и обратил к себе ее серьезное маленькое лицико.

— Да, — промолвил киммериец, — совершенно с вами согласен. Избегнуть судьбы невозмож но. Но кто вас убедил в том, что быть съеденной чудищем, будь оно хоть трижды божеством ваших предков, — это и есть ваша судьба?

* * *

Джавис ушла, успокоенная. Было в Конане нечто, внушавшее ей уверенность. В самом деле, отчего она думает, будто непременно должна погибнуть в зубах монстра? Кто внушил ей эту мысль? И кто насыщает на нее эти жуткие сны?

А киммериец растянулся на коврах. Ему больше не спалось. В комнате витало благоухание, оставшееся после посещения женщины, и Конан думал о прекрасной Жасмин, о ее гибком теле, о ее тонких руках и влажных глазах. Славная девушка. Хорошо, что Грифи добр со своими служителями.

Впрочем, у Грифи издавна была собственная теория на сей счет. Он полагал, что рабы должны обожать своего господина, и приложил немало сил, чтобы сделаться именно таким обожаемым господином. «Так мне спокойнее живется», — говорил он еще в те времена, когда слуга у него имелся всего один, глухой на левое ухо и слепой на правый глаз. Этот лукавый тип всегда оказывался обращенным к своему хозяину либо слепым глазом, либо глухим ухом. И все же Грифи ухитрялся ладить даже с ним.

Однако странно, что Жасмин так и не пришла. Конан начал ворочаться. Тревога зародилась в глубине его души и постепенно начала разрастаться. Почему девушка пренебрегла приглашением варвара? Кажется, ей понравилось то, что произошло между нею и Конаном во время купания... Неужели она притворялась, и Конан нарушил свое правило — не принуждать женщин к тому, что им не по душе?

Нет, не может быть! Киммериец не мог припомнить ни одну, которая не ушла бы от него довольноей.

Но если Жасмин что-то задержало, и это «что-то» — не господин Грифи... тогда что же?

Конан вскочил. Внезапно ему показалось, что времени у него не осталось. Он выскользнул из своей комнаты и бесшумно пошел по дому.

Вот покой господина Грифи. Там все тихо. Конан осторожно заглянул в щелку между портьерами. Грифи безмятежно хранил на широченной постели, рядом с ним прикорнула маленькая Джавис. Крохотная собачка, явно купленная для того, чтобы забавлять госпожу, приподняла мордочку и внимательно уставилась на Конана, но киммериец тихо зашипел, и псинка снова разлеглась на подушках.

Убедившись в том, что Жасмин не ночует в постели своего господина, Конан окончательно впал в беспокойство. Что задержало красавицу? Какое непредвиденное обстоятельство?

Киммериец прошел на заднюю половину дома, туда, где обитали слуги, и вдруг услышал приглушенный шум. Как будто кто-то боролся, стараясь не разбудить окружающих. И сквозь этот шум Конан разобрал сдавленные рыдания и знакомое шлепанье перепончатых лап.

Сомнений больше не оставалось. Чудовище проникло в дом и пытается насладиться добычей!

— Проголодалась, гадина! — заворчал, как дикий зверь, Конан. Он выхватил нож и бросился туда, откуда доносился шум.

Когда он сорвал портьеру и влетел в комнату, то увидел, что все вокруг разбросано, как будто здесь только что отчаянно дрались. Кувшины и вазы были разбиты и расшвыряны по углам, ковры скомканы, одежды разорваны и покрыты кровью и слизью. Жасмин билась в лапах чудовища. Зверь придавил ее к полу, поставив перепончату лапу ей на спину, и наклонился над шеей девушки, намереваясь перекусить ее.

Конан метнул нож, целясь в глаз монстра. Клинок сверкнул в полумраке и вонзился в голову чудища чуть выше глаза, над веком. Послышался стук, нож отскочил от твердого черепа и со звоном упал на пол.

Однако чудище дернулось и приподняло лапы. Этого было довольно, чтобы Жасмин, рыдая, отползла в сторону. Она скорчилась в углу и закрыла лицо руками.

Конан одним гигантским прыжком переместился туда, где извивалось чудовище, и схватился с ним. Могучими руками киммериец обхватил монстра и попытался задушить его. Чудовище шипело и тянулось разинутой пастью к человеку. Конан задыхался от зловония. Когтистые лапы шлепали киммерийца по спине и пытались разорвать на нем одежду.

Они покатились по полу, сцепившись в смертельном объятии.

Жасмин тем временем очнулась от своего забытья. Она подобрала нож и, улучив момент, с силой вонзила его в спину чудовища, целясь ме-

жду лопаток. Хватка зверя ослабла. Конан выпрямил руки, отодвигая от себя оскаленную морду чудовища.

Он не столько услышал, сколько почувствовал, как хрустнули шейные позвонки гигантской саламандры.

Затем тяжелое тело обмякло, лапы упали на пол, голова откинулась назад, а хвост несколько раз стукнул по полу и остался лежать неподвижно, как полено.

Конан отшвырнул от себя труп и сел на полу, тяжело переводя дыхание. Жасмин стояла рядом, выпрямившись на коленях. Конан взял ее за руку и притянул к себе.

Девушка с протяжным рыданием бросилась ему на грудь. Конан обнял ее и почувствовал, что ее сотрясает крупная дрожь.

— Все кончено, — прошептал Конан, гладя ее по спине. — Ты убила его. Он больше никогда не появится. Посмотри на него. Посмотри на него, Жасмин!

Она заставила себя открыть глаза и взглянуть туда, где бесформенной массой лежал труп чудовища. При виде монстра девушка содрогнулась всем телом.

— Это было ужасно! — вырвалось у нее.

— Ты победила его, Жасмин, — повторил Конан. — Ты храбрая девочка.

— Что это было, Конан? — жалобно спросила она. В ее голосе звучала обида; и Конан вдруг понял: эта молодая рабыня никогда не знала зла. С ней всегда хорошо обращались. Никто ни-

когда не был с ней жесток или несправедлив. Господа всегда баловали девушку, а ее обязанности были легкими и приятными.

— У твоего хозяина есть враг, — объяснил Конан. — Джемал. Очень злой человек, Жасмин. Он совершает ужасные вещи. Он убил свою пятнадцатую жену только за то, что она хотела убежать от него. Но это злодеяние он совершил между делом, просто потому, что счел нужным поступить именно так. А главная его задача — уничтожить господина Грифи и его жену. Я думаю, это он вывез из Вендии чудовище, приученное нападать на женщин из народа госпожи Джавис. Я не верю, Жасмин, в то, что это — божество, пусть даже древнее. Божество все-таки обладает могуществом. А это — просто гигантская саламандра, привыкшая поедать человеческую плоть, только и всего. Наивная вера госпожи Джавис едва не погубила ее.

— Но зачем этому Джемалу убивать Джавис и господина Грифи? — пролепетала Жасмин.

— Чтобы завладеть Зелеными Пастбищами, разумеется...

Конан вздохнул.

— Я думаю, Жасмин, самое время разделаться с этим господином Джемалом. Довольно он коптил небо, довольно причинял вреда другим людям. Не то чтобы я был таким человеколюбивым, но... Такие, как Джемал, просто не должны жить! Мне доводилось отправлять в Серые Миры куда более достойных людей. Вставай, Жасмин, сегодня ты ночуешь у меня в комнате.

— Я... не могу, — пробормотала девушка.

— Тебя никто не заставляет ничего делать, — заверил Конан. — Просто будешь спать рядом со мной. Видишь ли, — добавил он с серьезным видом, — иногда мне снятся кошмары. Особенно после таких вот историй. — Он кивнул в сторону убитого зверя. — И тогда мне бывает нужна поддержка какого-нибудь живого, теплого существа. И лучше, если это будет женщина.

* * *

Ежегодная ярмарка в Шандарете открывалась шумным празднеством. Прямо на улицах были расставлены столы с угощением, и на каждом перекрестке имелись бочки с вином, возле которых дежурили пьяные виночерпии. Ближе к вечеру начались представления бродячих артистов, которые съехались в город за несколько дней до начала торжества.

Повсюду что-нибудь происходило, так что любой зевака мог отыскать себе зрелище по вкусу: тут жонглировали факелами, там балансировали на шаре или ходили по канату. Но больше всего народа собрал заезжий кудесник из Британии. Рыжеволосый, в причудливом одеянии из шелка и шкур, с бахромой и колокольчиками, в меховой шапке, надвинутой на самые брови несмотря на жару, бритунец выступал вместе с лютнистом. Лютнист исполнял громкие странные мелодии и что-то напевал, приплясывая, в то время как рыжеволосый громко выкрикивал:

— Спешите посмотреть на диво! Только сегодня! Спешите видеть чудовище!

Его пронзительный голос разносился по всей улице, и люди сбегались к большой бочке, установленной на телеге, дабы лицезреть чудовище, которое привез с собой бритунец.

Рыжеволосый охотно рассказывал:

— Оно обитает в подземельях, оно живет на дне самых глубоких подземных озер и питается глубоководными рыбами, слепыми и без чешуи, что живут в этих странных местах...

Народ теснился возле бочки, по очереди заглядывая внутрь и сплевывая от отвращения. На дне бочки действительно сидел монстр. Его шкура пересохла, чешуйки торчали и грозили отвалиться. Чудовище шевелило перепончатыми лапами и бессильно рычало, ворочая плоской головой.

Лютнист с мрачным лицом дергал за струны, извлекая из инструмента зловещие звуки.

— Дорогу! Дорогу господину Джемалу! — раздались крики в конце улицы.

Толпа быстро начала редеть, потому что слуги господина Джемала в подобных случаях не церемонились: если их хозяину требовалось пройти, они расчищали ему путь ударами плетей.

Скоро перед бочкой предстал сам господин Джемал. Хозяина бочки он удостоил лишь коротким, пренебрежительным взглядом. Стоит ли заезжий чужестранец того, чтобы великий Джемал расточал на него свое драгоценное внимание!

— Это ты — владелец чудовища? — высокомерно спросил Джемал, заглядывая в бочку.

— Да, мой господин, — с низким поклоном ответил бритунец. Он говорил с ужасающим акцентом, так что его едва можно было понять, а лохматая шапка еще ниже наползла ему на глаза.

Согнувшись в поклоне, чужестранец застыл. Это понравилось Джемалу. Похоже, чужак знает свое место и умеет держаться в присутствии знатных людей!

— Где ты раздобыл чудовище?

— Его поймали пастухи неподалеку отсюда, на болотах, — объяснил рыжий. — Я заплатил им хорошие деньги, господин! Я разбираюсь в таких вещах. Это очень дорогое животное. Оно очень свирепое, господин, оно может задрать корову и убить человека.

— Как же ты намерен содержать его?

— О, мой господин, я держу его на цепи и кормлю лягушками! — охотно объяснил бритунец. При этом он почему-то развеселился и принялся фыркать на все лады, так что лютнисту пришлось скрочить самую свирепую рожу, на какую он только оказался способен, и извлечь из несчастной лютни ряд немелодичных завываний, которые, по мнению музыканта, наиболее созвучны туранской душе.

— Это дорогой и серьезный зверь, — заявил Джемал. — Вроде гепарда. Ты, конечно, даже не слыхал о том, что на востоке многие знатные люди держат у себя гепардов вместо собак, чтобы те помогали им в охоте.

— О, господин! — возопил бритунец, склоняясь еще ниже и подобострастно тряся головой.

— Да, можешь запомнить это, — милостиво позволил Джемал. — А теперь послушай. Я тоже люблю охоту, и я — знатный господин. Ты понял, что это значит?

— О, господин? — спросил бритунец.

— Это значит, что я намерен купить у тебя твое животное! — сказал Джемал. — Оно будет помогать мне в охоте. Иногда я охочусь на болотах на берегах моря Вилайет. Тебе это ясно?

— Как белый день, господин, — сказал рыжеволосый и поежился. От непрерывных поклонов у него затекала脊 спина.

— Вот тебе деньги, — объявил Джемал, вручая бритунцу кошелек, набитый монетами. — Я забираю твое животное. Оно слишком хорошо для того, чтобы какой-то пустоголовый иноземец показывал его зевакам на ярмарке.

Джемал сделал знак слугам, и те потащили повозку с поставленной на нее бочкой. Бритунец выпрямился и со странным выражением лица долго смотрел в спину удаляющемуся Джемалу. Как будто хотел навсегда вместиТЬ этого человека в свою память.

* * *

Джемал потирал руки от удовольствия. Удача сама повернулась к нему лицом! Проклятые пастухи, несомненно, погибли. Джемал не сожалел о них. Они получили по заслугам, жалкие предатели!

Главное — чудовище теперь в руках у своего истинного хозяина. Осталось лишь вернуть его в

дом Грифи и выпустить там. Остальное произойдет само собой.

* * *

Конан постучал в ворота усадьбы Грифи на рассвете. Грифи сам открыл ему и бросился навстречу своему другу.

— Ну что, как все прошло? — спросил он нетерпеливо.

— Я голоден, — объявил Конан. — Кроме того, мне понравилось ароматическое масло, которое твои служанки наливают в каменную купальную вместе с горячей водой. Приятный запах. Забери эту шкуру и сожги ее. От нее сохнет кожа.

— Я понял, понял, — поспешил проговорил Грифи. — Тебе необходимо ароматическое масло.

— И девочка по имени Жасмин, — добавил Конан. Он потянулся и засмеялся, оглядываясь по сторонам. — Ты сделался настоящим туранским лордом, Грифи!

* * *

Слуги обнаружили господина Джемала со сломанной спиной в его личных покоях. Кругом видны были следы перепончатых лап, так что ни у кого не оставалось сомнений в том, кто винен в гибели этого человека.

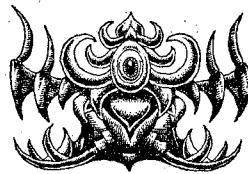
Чудовище так и не нашли. Очевидно, оно исчезло в болотах навсегда.

Лилиан Трэвис

СОЖЖЕННАЯ СТРАНА

Ине для того заплатила вам, чтобы мне указывали, что следует делать — раздался капризный женский голос из паланкина, который несли на могучих плечах шестеро рабов. Их никогда светлые туники потемнели от пота, а черная кожа, еще недавно лоснившаяся на солнце, потускнела от дорожной пыли. — Я желаю попасть в Аренджун как можно скорее, и, хвала небожителям, за то, что у меня достает здравомыслия не верить вашим глупым выдумкам.

— Но благородная госпожа — попытался урезонить почтенную матрону Вахир, один из охранников, который по молчаливому договору с товарищами был за главного. — Если мы воспользуемся короткой дорогой в это время года, боти разгневаются на нас. Нет ничего ужаснее, чем оказаться в этих местах во время песчаной бури. Ведь благородная госпожа не хочет быть заживо похороненной под грудами песка?

— Ничего не желаю слышать! — не унималась дама, чей голос все более напоминал плач избалованного ребенка, требующего у чересчур

снисходительных родителей лакомство. — Все это не более чем досужие выдумки. Неужели вы все такие трусы? О Бечноживой Тарим, я как будто снова вернулась в детство и оказалась под присмотром кормилиц. Вы так нарочно говорите, чтобы выманить у меня побольше денег. Но вам не перехитрить меня, слышите, вам это не удастся! Все кто боится бури или чего-нибудь еще, могут повернуть назад, в Султанапур, но в таком случае они не получат от меня ни одной медной монеты!

Поняв безуспешность всех попыток воззвать к благородству женщины, десяток вооруженных и одетых как попало мужчин на невысоких лохматых лошадках гирканской породы, повернул туда, куда указывала высунувшаяся из-за кожаной занавески пухлая белая рука с пальцами, сплошь унизанными кольцами.

В конце концов, тем, в чьем кошеле давно уже не раздавалось звона монет, выбирать не приходится. Хвала богам, что подвернулась хотя бы эта работенка.

Поворачивая на опасную дорогу, некоторые из охранников бормотали слова молитв, некоторые делали охранительные знаки. Двое — невысокий чернобородый шемит и его друг, уроженец Хаурана с перебитым носом — яростно плонули на раскаленный песок и повернули обратно. Обернувшись, они крикнули оставшимся, что их долю те могут поделить меж собой. Если только песчаные демоны прежде не утащат их вглубь барханов.

Лишь один из воинов, которым выпала сомнительная честь охранять взбалмошную особу сохранял спокойствие. Это был рослый северянин с пронзительно-синими глазами и гривой черных волос. Не удостоив даже взглядом своих малодушных товарищ, он все так же невозмутимо посматривал по сторонам, как будто путешествие по морю зыбучего песка было для него самым обычным делом.

— Ты что же, не боишься песчаной бури, Конан? — спросил его один из спутников — Фератис, вертлявый уроженец Шадизара, чем-то неуловимо напоминающий зингарского жука-усача, которые заводятся в сырых подвалах. — Или ты настолько полагаешься на удачу и милость богов?

— Судьба каждого в его собственных руках — неохотно ответил киммериец. — А трусов не спасет ничья милость.

Конан, как звали немногословного северянина, в глубине души сожалел, что позволил вовлечь себя в разговор о судьбе и милости богов. К чему тратить пустые слова, когда все и без этого просто и понятно. Суровый бог Кром, которому поклонялись еще его давние предки, дает каждому при рождении лишь две вещи — жизнь и волю. После, когда, свершив свой жизненный путь, смертный попадает на Серые Равнины, он обязан дать отчет: как распорядился этим даром. А здесь, на юге Хайбории, все по-другому. Тут не считается недостойным при малейших трудностях ныть и жаловаться подобно слабым женщи-

нам или стучать лбом о храмовые полы, выпрашивая себе милости у Бессмертных. Но что толку роптать на то, что ты не в силах изменить?

— Ну, не скажи — подъехал к ним еще один воин — высокий темнокожий кушит Мабоа, уроженец Забхели. — На постоялом дворе в Саридисе, один колченогий дуали, рассказывал притчу о некоем трусливом ученике стигийского мага, который во время колдовского ритуала вдруг испугался и спрятался под перевернутый котел. Когда, по прошествии немалого времени он осмелился вылезти наружу, то его взору предсталла ужасная картина: от дома остались одни угольки, а на месте учителя тлела головня. Поэтому иной раз неплохо побывать в шкуре труса. Это куда лучше, чем отправиться на Серые Равнины. Вот и ученик был бы похрабрей — разделил бы судьбу учителя.

— Клянусь чреслами Декрето, она глаз с тебя не сводит, — причмокнул шадизерец, кивнув в сторону паланкина, где в щели между занавесками и в самом деле можно было разглядеть игриный взгляд. — Эх, если бы на меня так глазели благородные женщины, а то ведь попадаются одни уличные девчонки, да и то когда деньги воятся.

— Нашел чему завидовать, — буркнул Конан, никогда не испытывавший недостатка в женском внимании.

— Ага, все они такие, благородные вдовушки. Спешит, якобы для того, чтобы посетить храм

Митры, а помыслы то ее отнюдь не в чертогах Огненноликого. Ты, варвар, смотри, будь поосторожнее с ней. А то ведь придушил в порыве страсти и не заметит. Вот помнится несколько лун назад... Да в чем дело, киммериец? Почему ты привстал на стременах? Что привлекло твоё внимание у кромки окоема? Ведь вокруг только песок и ничего более...

Посмотрев туда, куда молча указывал ему Конан, рассказчик увидел еле заметную тучку, единственную, омрачавшую безупречно чистый горизонт. Глаза всех остальных обратились в том же направлении. Казалось бы, безобидное зрелище исторгло вопль ужаса из груди тех, кто отнюдь не считал себя трусами. Слуги, несшие паланкин, остановились, испуганно озираясь по сторонам.

— О, рога Нергала, мы погибли!

— Кто-нибудь, наконец, объяснит мне, что происходит? — раздался все тот же капризный голос. — Почему вы опять остановились, бездельники?

— Песчаная буря, благородная госпожа! — ответил начальник охраны, изо всех сил проклиная себя за жадность.

— Так делайте что-нибудь! Не стойте на месте, как шемские идолы!

Занавеска паланкина задернулась.

Между тем облако приближалось, стремительно увеличиваясь в размерах. Оно было вовсе не похоже на те легкие тучи, которые исчезают, пролившись дождем. Внутри клубящегося се-

ро-желтого ужаса, занявшего собой половину неба, не было ни капли влаги — напротив, он источал удушливые волны горячего воздуха. До слуха людей донеслось завывание ветра похожее на усиленный в сотни раз вопль дарфарской гиены и неумолчный шорох миллионов песчинок, трущихся друг о друга. Вскоре можно было заметить мелькающие в песчаном круговороте непонятные обломки и, вырванные с корнем, чахлые колючие кусты.

Поверхность пустыни, еще пару терций назад такая спокойная, теперь была подобна Закатному морю в канун осенних штормов. Ветер, который еще недавно так приятно обдувал разгоряченные лица, теперь норовил сдернуть в людей плащи, забивал колючий песок в глаза, нос и рот.

Всадники загарцевали на испуганных лошадях, пытаясь развернуться спиной к ветру. Носильщики опустили паланкин на песок и сгрудились с другой стороны, пытаясь хоть-как то спрятаться от порывов ветра.

Кожаные занавеси паланкина надувались пузырями и во внезапно сгустившийся тьме иногда мелькало белое пятно руки, тщетно пытавшейся их удержать.

— Скорее бежим! Нужно уносить ноги, пока целы! Еще немного и наши кони взбесятся, понесут и мы будем обречены на гибель в этих песках, — в ужасе вопил грузный иранистанец, исступленно колотя пятками по бокам своего скакуна.

— Поздно! Нужно попытаться переждать бурю! — прокричал киммериец, отплевываясь от песка. — Кони увязнут и не смогут нести седоков. А кроме того мы не можем бросить ту, которая доверилась нам!

— К Нергалу эту султанапурскую потаскуху! Будь прокляты ее жалкие деньги! — завизжал Фератис. — Паланкин слишком тяжел. Рабы не смогут нести его, сопротивляясь порывам ветра. Давайте бросим ее здесь, а сами постараемся спастись! Кто, как не эта безмозглая женщина, будь проклято все ее потомство, заставила нас погрузиться вглубь песков?!

— Сделать это заставила ваша жадность, псы! — рявкнул киммериец. — Эй, бродяги, следите с коней и постарайтесь уложить их на песок! Да не так, безмозглые глупцы, образуйте круг! Паланкин в центр!

Варвар хлестал плеткой направо и налево, пока не воцарилось хоть какое-то подобие порядка. Ему пытался помочь Вахир — единственный, кто кроме Конана не потерял присутствие духа, но голос его тонул в завывании ветра. Впрочем, даже если бы кто-нибудь и попытался последовать его указаниям вряд ли у него теперь бы это получилось.

— Куда вы, демоны вас забери?!

Чернокожие рабы, окончательно потеряв голову от страха, с жалобными воплями бросились, куда глядят глаза. В это время из паланкина, путаясь в ворохе цветастых одеяний, выбралась незадачливая любительница коротких пу-

тей. Ветер вздыбил ее прическу, мгновенно запорошил песком глаза и сбил с ног. Конан рванулся было к ней, но она уже на четвереньках поползла назад, потеряв одну из расшитых туфель.

В ужасе обвив руками шею одного из охранников, она умоляла спасти ее, обещая все, что могло прийти на ум вконец обезумевшей женщине. Зингарец, не отличавшийся красотой и к тому же лишь недавно снявший рабский ошейник, в другое время счел бы подобное невероятным даром небес, но сейчас он был озабочен лишь тем, чтобы добраться до лежащего на боку паланкина. Но отпихнуть намертво вцепившуюся в него матрону оказалось слишком нелегким делом, а ползти с таким грузом на спине — просто невозможным.

Конан, на чью долю выпало множество нелегких испытаний, был одним из немногих, кто не потерял головы перед лицом опасности. Удержав своего храпящего от ужаса коня, киммериец заставил его опуститься на колени и прикрыл голову плащом. Он уже собрался лечь рядом, но ураган легко как перышко, подхватил рослого северянина и потащил прочь.

Стало темно, как будто пес Эрлика проглотил Солнце. Ветер, который дул сразу со всех сторон, швырял в лицо целые тучи песка, не давая ни вдохнуть, ни даже открыть глаза. Вокруг, казалось, бесновались воющие демоны пустыни. Конан как будто оказался в одном из Запредельных миров, куда, если верить последователем

культы Вечноживого пророка, попадают те, кто не проявляет должного почтения к его постулатам. Здесь не было ни верха, ни низа, исчезли все стороны света. Конан барахтался среди непроясненной мглы, карабкался, падал и снова вставал, продолжая куда-то брести. Песок был везде — он забивался в глаза, скрипел на зубах, лез в горло.

* * *

Все закончилось так же внезапно, как и началось. Конан открыл глаза. Прямо над ним сияло ослепительно яркое солнце. На небе, похожем на кусок выгоревшей до белизны одежды кочевника, не было ни единого даже самого крохотного облачка.

Варвар попытался подняться на ноги, но оказалось, что сделать это не так уж и просто. Прямо на груди громоздилась гора белого песка, такого приятного на ощупь, если идешь по нему или в задумчивости пропускаешь тонкую струйку сквозь пальцы. Но сейчас огромная тяжесть мягко, но непреодолимо давила на тело киммерийца, не давая возможности не то чтобы встать — даже слегка пошевелиться.

Северянин сделал несколько попыток освободиться из песчаного плена, но результатом были лишь струи песка, сыплющиеся на лицо и ощущение, что тело его погружается все глубже и глубже. Песок оказался сродни стальным объятиям демона из Кутхемеса, с которым киммерийцу однажды довелось сойтись в поединке.

Варвар как мог, огляделся по сторонам. Никого, ни одного человека или случайно уцелевшего выючного животного. Если не удастся выбраться, его уделом станет смерть от голода и жажды. И тут легкое подрагивание песка прямо под его спиной и по бокам, известило Конана о том, что произошедшее с ним — еще не самое худшее.

Сомнений не оставалось — Сколопенды Рах'хагра явились за своей добычей. Об этих жутких тварях киммерийцу немало доводилось слышать. О них со страхом рассказывали купцы в тавернах от Султанапура до Хоарезма. Отвратительное членистоногое живет внутри песчаных дюн и поражает свои жертвы странным излучением, при котором тело сильно дергается, а мышцы сводит в судорогах. Опытные путешественники рассказывали, что жуткая тварь может поразить человека на расстоянии двадцать локтей. После того, как добыча обездвижена, сколопенды Аздана внедряются под кожу жертвы и выедают его внутренности.

Много зим тому назад замбулийские жрецы-иогиты попытались снарядить экспедицию, чтобы поймать несколько таких тварей, и приспособить членистоногих для естественной мумификации. По разумению некромантов эти ужасные твари могли вычищать разложившиеся внутренности мертвого тела для того, чтобы впоследствии выеденную оболочку можно было набить песком и получить мумию, пригодную для колдовских ритуалов. Но жрецы потерпели неудачу.

Зыбучие пески, отсутствие воды и ужасающая жара, заставили самых упорных вернуться назад в Замбулу.

Колебания становились все ощутимее, причем теперь они были со всех сторон. Вскоре песок забурлил подобно кипящей воде. Некоторые из хищных тварей даже высунули наверх свои глянцевые безглазые морды с зазубренными жвалами.

Конан вспомнил, что сколопенды реагируют на малейшие колебания. Лишенные зрения, они имеют орган в виде ямки на черепе, который резонирует в унисон любым движениям в пространстве. Варвар понял, что появлением этих тварей он обязан своим беспомощным трепыханием, когда он пытался тщетно вырваться из песчаного плена. Кром, теперь остается расслабиться и постараться не выдать себя ни малейшим движением, что сделать несколько трудно, ощущая все кожей спины и бедер снующие рядом суставчатые тела.

Конан закрыл глаза и представил, что он лежит на каменистом берегу под низким киммерийским небом. Вдалеке слышится легкое журчание и скучные лучи неяркого северного солнца ласкают его покрытое шрамами тело. Ничто не отвлекает его от отдыха, после прогулки по горным тропинкам, он чувствует легкую истому в натруженных мышцах.

Кажется удалось.. Извилистые тела рядом закопошились теряя добычу. Варвар лежал не шелохнувшись и ему казалось, что прошла веч-

ность, хотя скорее всего минуло лишь пара терций. Сколопенды Рах'хаагра не нападали, но и не уползали, Конан чувствовал, как под его спиной колышется песок.

В чем же дело?

Почему подземные твари не уходят? И тут варвар понял: он мог лежать абсолютно недвижимым, мог расслабить каждую мышцу своего огромного тела, но не в его власти приказать сердцу остановиться, а легким не наполняться воздухом. На всякий случай он стал дышать по-реже, но это не помогло: твари продолжали буравить песок около его тела... Значит? Значит, что жуткие создания так и будут сновать рядом, до тех пор, пока он не выдаст себя случайным движением... Кром, почему ты решил посмеяться надо мной? Почему не дал умереть, как подобает воину — с мечом в руке, а уготовил долю стать пищей для примитивных существ, обитающих в недрах песка?

Впрочем, жизнь, полная приключений, привила северянина не отчаиваться и бороться до последнего мгновения. Он помнил изречение, которое услышал от жреца бритунского божества Амалиаса из Аббаса Долмиума: «Пока дышу — надеюсь!».

К сложившейся ситуации этот девиз подходил, как нельзя лучше.

* * *

Конан потерял счет времени. Все тело затекло и ему уже не приходилось прилагать усилий, чтобы держать его неподвижным. Колесница митры медленно двигалась к кромке окоема и сколопенды Pax'хаагра стали двигаться медленнее.

Киммериец догадался, что твари активны только тогда, когда песок горячий, в холодное время суток они, вероятно впадают в оцепенение, подобно большинству их собратьев, обитающих на поверхности земли.

Внезапно песок рядом с его левой ступней вздыбился и просел, как будто что-то крупное всплывало со дна песчаного моря. Конан затаил дыхание — воистину здешние места богаты на сюрпризы... Какие еще чудовища скрываются в недрах пустыни?

Но так или иначе, а присутствие нового гостя явно пришлось не по вкусу сколопендрам — хищные твари немедленно обратились в бегство. Это было заметно по постепенно затихающим колебаниям и удаляющимся фонтанчикам песка. То неведомое, что ворочалось под песчаным покровом у ног варвара сослужило ему добрую службу — сыпучая субстанция на его груди просела и стала осыпаться в сторону образовавшейся ямы. Песок, немилосердно сдавливающий могучее тело варвара, вдруг ослабил свои смертоносные объятия. Вскоре киммериец ощутил, что груз на нем стал не тяжелее шкуры с мехом, которой он обычно укрывался в холодное время года.

Несмотря на затекшие мышцы, варвар собрал силы и выкарабкался из под бархана. Он быстро отряхнулся, машинально провел рукой по поясу, чтобы убедиться, что меч на месте, и, недоверчиво поглядывая на ходящую ходуном поверхность пустыни, потянулся за дорожным мешком.

Вытянув мешок, Конан взглянул на место, своего недавнего плена и застыл, пораженный необычным зрелищем.

На поверхности появились сперва беспомощно растопыренные лошадиные ноги, а затем и целый скелет лошади, кое-где покрытый остатками шкуры. Сохранившиеся почти в целости упряжь и седло незнакомой выделки, говорили о том, что несчастное животное не принадлежало никому из спутников Конана.

Следом за конским остовом сами собой поднялись череп дромадера и несколько его костей, глиняный кувшин, в которых перевозят ароматические масла и ножны от короткого меча. Вслед за этим взору киммерийца предстало нечто вроде громадной перевернутой миски. Но миска не делается из костяных щитков, подогнанных друг к другу подобно шемскому чешуйчатому доспеху. Кроме того, у миски не бывает лап, более похожих на рыбьи плавники и плоской треугольной головы с мордой лишенной глаз.

Ощущив предзакатную прохладу, существо издало писклявый звук, поразительно нелепый для столь устрашающей внешности. Сделав несколько плавных движений, оно погрузилось в

песок так же легко, как крупная рыба, показавшись над водой, ныряет в родную стихию.

* * *

Некоторое время варвар пытался отыскать своих спутников. Но тщетно: сколько бы он ни всматривался, сколько бы ни окликал их, единственным звуком, нарушающим безмолвие пустыни, оставался его голос. Из нанимательница, которая так торопилась в Аренджун, наемники взявшись сопровождать ее, паланкин и чернокожие рабы — все исчезло. Вокруг сколько хватало глаз, расстилалась ровная поблескивающая на солнце песчаная поверхность, на которой изредка мелькали темные пятна пустынных колючих кустарников.

Коня хаурянской породы, за которого киммериец несколько дней назад выложил последние монеты на постоялом дворе, тоже будто унесли демоны. Единственное чем располагал Конан — это меч, а также чудом сохранившийся дорожный мешок.

Первое, что сделала Конан — это вынул из мешка баклажку с водой и жадно припал к ее горлышку. Пролежать несколько колоколов на жаре — испытание не из легких. Но всю воду пить не стал — неизвестно, когда еще доведется пополнить запасы...

Но несмотря ни на что, повода предаваться унынию не было. Хвала богам, он остался жив, руки-ноги целы, меч есть — что еще нужно воину для нормальной жизни? В конце концов ему было не привыкать.

Не раз за зимы своих странствий Конану приходилось чувствовать ледяное дыхание смерти, которая бывала к нему ближе, чем собственная тень. Киммериец был один из немногих, кто выжил, изо дня в день вращая громадное тяжелое колесо, прозванное рабами «Колесом Страдания», одним из очень немногих, кто уцелел на гладиаторской арене, где каждый день обрывались жизни куда более сильных и искусных бойцов. Наконец, жизнь вора, а затем наемника также полна опасностей.

Один раз северянин едва не погиб, когда вход в пещеру, куда он проник в поисках одной бесценной штуковины, неожиданно оказался завален камнями, другой раз — ему пришлось провести целый день, стоя на узком карнизе над входом в нору гигантского змея...

Небрежно закинув мешок на плечо, киммериец двинулся туда, где должны были располагаться Кензанкийские горы. Впрочем, он не имел ни малейшего представления, в какой части турянской пустыни он находится, но сейчас самое главное было побыстрее убраться куда-нибудь подальше от мест, в которых водятся сколопендры Рах'хаагра.

В конце концов, какая разница куда двигаться? Все равно куда-нибудь да придешь. Если повезет — можно выйти на стойбище какого-нибудь кочевого племени или оказаться на пути каравана, идущего в торговый город.

Однако, пока не встретилось ничего, что бы хоть немного напоминало утоптанный караваный путь. Местами песок становился зыбким словно трясина и Конан не утонул в нем лишь благодаря своей необычайной ловкости и звериному чутью.

Киммериец шел, обходя целые горы песка которые напоминали то спящих исполинских животных, то древние развалины. Пару раз он забирался на них, чтобы окинуть взглядом окрестности, но пока все, что ему удалось увидеть не внушало радости.

Один раз он наткнулся на всадника, должны быть, покинувшего мир живых многие зимы назад. От человека и коня остались лишь кости обтянутые тонкой выдушенной солнцем кожей. Другой раз возле каменного валуна, похожего на игрушку исполина, что-то блеснуло. Подойдя поближе, северянин заметил еще один скелет — женский, судя по размерам и кое-где сохранившимся остаткам шелкового одеяния. Шею и руки путешественницы украшало множество золотых обручей — гладких и покрытых узором из точек и черточек, но сама мысль забрать эти драгоценности, отчего-то показалась киммерийцу просто омерзительной.

Солнце совсем зашло за горизонт и на небе вспыхнули крупные яркие звезды. Жара спала. Идти стало легче.

Через пару полетов стрелы он наткнулся на то, что некогда было цветущим оазисом. Но теперь от него остались лишь сухие деревья и за-

сыпанные песком развалины. Приблизившись, киммериец увидел сложенный из грубо отесанных каменных блоков дом с крышей в виде купола и узкими окнами-бойницами. Но даже не это привлекло внимание северянина, большую часть жизни проведшего в сражениях. Дверь, выкованная когда-то из переплетенных железных полосок, была разнесена вдребезги мощным ударом.

Киммериец предпочел не думать о том: какое существо могло сотворить такое. Осторожно заглянув внутрь, Конан увидел следы жестокого побоища: разбитую в щепки мебель, изломанную утварь и посреди этого несколько скелетов, двое из которых еще сжимали в руках узкие причудливо изогнутые сабли, клинки которых были покрыты крючковатой вязью.

Похожий клинок Конану довелось видеть в лавке майпурского оружейника. Понижая голос до таинственного шепота, торговец из Хоарезма рассказывал о том, что такие клинки якобы ковались еще в кузницах Грондора.

Только кузнецы древней расы, населявшей Хайборию еще до Великой Катастрофы, могли выковывать оружие из деяти десятков и одного слоя стали, каждый из которых чуть отличался от предыдущего. Мечи и даже обыкновенные ножи из такого сплава не нужно точить; они остаются острыми, даже если целые дни напролет скрести ими по камню.

Но тайна оружейников Грондора утеряна и теперь никому из ныне живущих не под силу

выковать такой клинок. Сумма, которую запросил за оружие, старый пройдоха, оказалась непомерной. И северянину, который не имел и десятой части запрошенного, ничего не оставалось, как повернуть в руках замечательное оружие и со вздохом вернуть торговцу, утико поблагодарив за поучительную историю...

Нагнувшись чтобы поднять редкое оружие, Конан заметил нечто, прежде ускользнувшее от его внимания.

У мертвцев, на которых сохранились легкие доспехи, клочья одежды и даже золотые браслеты, не было голов.

Черепа не валялись рядом и не откатились в сторону, снесенные одним свирепым ударом; нет — их просто не было. Нигде. Заинтригованный, варвар обошел комнату, порылся в песке, засыпавшем земляной пол, потом поворошил ногой обломки, — но тщетно.

Возле самого входа, отшвырнув треснувшую крышку стола, он обнаружил целую кучу костей, которые были расщеплены и разгрызены на кусочки.

Конану было известно лишь одно существо, которое так обходилось со своими жертвами — это были гигантские белые обезьяны-людоеды. Он бы не удивился, встретив одно из таких созданий где-нибудь в подземных катакомбах срединной Хайбории, но как они могли оказаться здесь, посреди бескрайней пустыни?..

Но, насколько северянин знал, обезьяны не питались падалью, предпочитая пожирать дымя-

щуюся плоть только что убитых жертв, поэтому скорее всего битва с этими чудовищами произошла еще при жизни этих несчастных. А, судя по останкам, это было за много сотен зим до рождения самого Конана. Ведь в засушливом климате пустыни тела не подвергаются разложению — лишь ветер да зной превращают их в высохшие мумии. Но все равно следовало быть начеку и варвар, на всякий случай застыл и прислушался. Но до его слуха доносился лишь скрип сухих веток и шорох песка.

За жилищем воин обнаружил пересохший колодец. Заглянув в него, варвар увидел на дне еще несколько скелетов, судя по размеру — детских, белеющих в куче мусора и сухих листьев. Рядом, под обвалившейся стенкой были рассыпаны кости, явно не принадлежавшие человеческим существам.

Любой из представителей цивилизованного мира предпочел бы провести ночь в пустыне, лишь бы не оставаться здесь, где, как казалось, даже воздух пропитан смертью.

Но Конан привык не обращать внимание на такие пустяки. В конце концов, мертвцы, много лун назад расставшиеся в жизнью, никому уже не причинят вреда.

А спать в разрушенном жилище все-таки лучше, чем на голом песке, где есть риск стать добычей песчаных сколопендр.

Небрежно сметя в сторону мусор, покрывающий пол комнаты, варвар завернулся в свой потрепанный дорожный плащ и крепко заснул.

Частенько ему приходилось проводить ночь и в менее приятной обстановке. Впрочем, могучий варвар, подобно хищному зверю, был готов проснуться в любой миг, стоило лишь появиться даже тени опасности. Но в эту ночь ничто не потревожило его сна. С восходом солнца, наскоро позавтракав остатками хлеба, завалевшимися в дорожном мешке, киммериец без сожаления покинул высокий оазис и отправился в путь.

* * *

Около четырех суток брел он по песчаному морю. За это время ему не встретилось ни единого человеческого существа, если не считать скелетов, обладатели которых, скорее всего, оказались жертвами песчаной бури.

Скудные припасы вскоре закончились, но Конан, чье детство прошло в суровых горах Киммерии, где охота была основным способом пропитания, быстро нашел выход из положения. Кинжал с тонким и необычайно острым лезвием, который вместе с саблей, он прихватил из заброшенного оазиса помог варвару обеспечить себе вполне сносный ужин.

Вскоре на костре из чахлого кустарника жарилась пустынная ящерица, по размерам не уступавшая хаурянской гончей.

Мясо оказалось жестковатым, но вполне съедобным. Поэтому толстую змею, которая, бросившись на киммерийца с вершины колючего сухого дерева, наивно посчитав человека легкой добыч-

чей, Конан так и оставил валяться на песке. Возиться с гадиной уже не было нужды.

В памяти северянина всплыли рассказы его товарища еще по гладиаторской казарме, которому довелось провести несколько лун в Камбве. Низенский иранистанец с жаром доказывал, что мясо змеи считается там настолько целебным, что его поедают прямо сырьим, отрезав голову живой змее специальными ножницами и слив кровь в сосуд из полупрозрачной белой глины. Увлекшись, гладиатор с жаром изображал в лицах, как это происходит, для наглядности используя свой боевой кнут, которым владел с большим мастерством. Впрочем, это умение не спасло его от чернокожего гиганта из Дарфара, вооруженного огромным трезубцем...

Вода заканчивалась — на дне баклажки оставалось лишь на пару глотков, поэтому варвар, проделал все точно так, как говорил иранистанец (заменив ножницы — кинжалом) и, морщась, выпил змеиной крови. Неизвестно, когда Митра дарует ему возможность вновь утолить жажду.

* * *

Солнце несколько раз поднималось над океаном, и вновь скрывалось за песчаными холмами, а пустыне все не было конца.

Но на седьмой день пути острые глаза варвара заметили предмет, выдающий присутствие людей. Это была стрела, сделанная не самым ис-

кусным мастером и вдобавок сломанная, но сомнений не вызывало одно — тетива лука была спущена недавно. Стрела лежала на песке и пустынный ветер еще не успел ее припорошить. Через пару колоколов уже ничто не напоминало бы о ее существовании — песок, подобно снегу — быстро заносит все следы...

Он нагнулся, чтобы поднять неожиданную находку, как вдруг услышал хрипловатый голос, раздавшийся сзади.

— Стой где стоишь, чужак! Кто ты, что тебе нужно в наших краях?

Осторожно повернув голову, Конан поднял брови от удивления. Невдалеке стоял человек, ростом не доходивший ему даже до плеча. Незнакомец с решительным видом целился в него из крохотного лука, размером похожего на те, которыми в Киммерии пользуется для игр ребятня.

Однако маленький рост еще не повод, чтобы недооценивать противника. Тем более незнакомец мог быть не один. Поэтому Конан выпрямился и поднял руки, раскрыв ладони, чтобы показать свои мирные намерения.

— Я Конан из Киммерии, — ответил он — Я отстал от каравана и теперь ишу дорогу в Аренджун и не причиню вам никакого вреда.

До слуха варвара, чуткого как у хищного зверя, донеслись голоса, с жаром обсуждающие что-то на незнакомом языке. Затем страж исчез и появился уже на гребне ближайшего песчаного холма.

— Хорошо, путник, — важно произнес он на туранском наречии. — Мы укажем тебе дорогу. Но это будет завтра утром, а сейчас близится ночь и ее нужно провести в безопасном месте. Принеси обильную жертву своим богам за то, что они даровали тебе встречу с нами. Путь, по которому ты шел, завел бы тебя в гиблое место. Никто из тех, кто отправился туда, не вернулся назад. А теперь, следуй за нами...

Конан не заставил себя упрашивать и зашагал за своим собеседником, с любопытством его разглядывая. Вблизи вид незнакомца оказался еще более необычным, не похожим на то, что варвару довелось увидеть за свою полную приключений жизнь.

Худенький и щуплый, дочерна загоревший подобно ребенку-нищему, с несоразмерно большими, ступнями и шапкой выющих светлых волос, он был одет в шелковую рубашку, обильно украшенную бисером и вышивкой. Одежда была выгоревшей на солнце и вдобавок явно с плеча человека, который был выше и крупнее ее нынешнего хозяина.

Но обитатель пустыни, судя по всему, считал это в порядке вещей. Опытный взгляд варвара сразу различил под широкими рукавами рубашки нечто вроде кожаных ножен, закрепленных на предплечьях.

Киммериец знал, что на каждом из таких может крепиться до пяти метательных ножей. Будучи брошены умелой рукой, они за считанные мгновения способны отправить на Серые Равни-

ны целый отряд городской стражи. И это не считая лука, в обращении с которым человек не казался новичком.

Через несколько десятков шагов к ним присоединились еще трое. Конан не успел заметить откуда они появились: казалось будто они сгустились из воздуха.

Наряды их были схожи с одеждой первого, не покидала мысль, что они достались им явно по случаю.

Один карлик даже щеголял в красной, расшитой сверкающими камнями, безрукавке, которая доходила ему едва ли не до колен.

С первого взгляда этих людей можно было принять за стайку шустрых мальчишек. Но лица, с тонкими чёртами и узкие глаза, в которых застыла печаль, говорили об обратном.

Неожиданно первый мужчина встал и обернулся.

— Я Наир, — сообщил тот, обращаясь к Конану, — а это Морсен, Закив и Тафар. Мы стражи. Мы отведем тебя в наше селение.

— Селение? — удивился Конан. — Я блуждаю среди этих песков уже семь суток, но, клянусь Кромом, не обнаружил ничего, кроме песка и развалин.

— Когда-то люди жили и в других оазисах, — пояснил страж, — но они не слушали старейшин и совершили недозволенное. Поэтому вода ушла от них и теперь жизнь осталась только у нас. Потому что мы делаем только то, что нужно и это — хорошо.

Конан пожал плечами. Какое ему дело до умерших оазисов и забытом всеми богами селении? В его поясной сумке осталось несколько серебряных монет — более чем достаточно, чтобы заплатить за кров и еду. А на следующее утро он наконец-то покинет эти пески, которые, откровенно говоря, порядком ему надоели. Вряд ли в деревушке найдется что-нибудь достойное внимания, да он и не собирается задерживаться там дольше, чем это необходимо.

Но события последующих дней смогли убедить благородного варвара, что не всякое спешно сделанное предположение оказывается верным.

* * *

Они медленно продвигались в сторону полночного восхода, поднимаясь на песчаные барханы и спускаясь вновь, пересекая участки твердой растрескавшейся под солнцем земли и с трудом преодолевая участки где песок казался зыбким подобно незамерзающему болоту в пикских пустошах. К удивлению Конана все четверо стражей шли босиком. Их громадные ступни не проваливались там, где даже ему удавалось пройти с большим трудом. Более того, они оказались нечувствительны к жару, который варвар ощущал через подошву сапога из прочной бычьей шкуры.

Дойдя до развалин стены, путники остановились. Вблизи светлые камни, из которых стена была сложена, напоминали куски овечьего сыра.

Варвар не удержался и слегка ковырнул пальцем — камни крошились как сухой хлеб. Ветер и песчаные бури оказались сильнее самого твердого камня.

Что ж, место вполне пригодно для привала. В тени руин можно хорошенько вздремнуть, ожидая, пока спадет жара.

Но к удивлению Конана об отдыхе никто и не помышлял. Стражи извлекли из-под одежды нечто вроде деревянных лопаточек и принялись старательно отгребать песок от плиты, которая в отличие от всех остальных была ровной и гладкой, как если бы только что вышла из-под резца каменотеса.

— Так нужно, — был ответ удивленному киммерийцу — Мы всегда делаем то, что нужно.

Покачав головой, варвар устроился в тени, наблюдая за их трудами. Нужно так нужно, в конце концов, он никуда не торопится. Через несколько терций нижняя часть плиты засверкала под лучами солнца, уже ощутимо клонившегося к закату. Наир подошел и легонько уперся в плиту руками. Тяжелый камень со скрипом повернулся сперва в одном, а затем в другом направлении, после чего отъехал в сторону, открыв черный провал из которого пахнуло холодом и сыростью. Четверка стражей легко проскользнула в открывшийся лаз.

Конан, согнувшись в три погибели, последовал за ними. Едва он сделал несколько шагов, как каменная плита все с тем же зловещим скрипом встала на свое место.

Конан, видевший в темноте лучше любого из обычных людей, отметил, что они находятся в каменном тоннеле, плавно уходящим куда-то вниз.

Северянин вполне мог проделать весь путь, не нуждаясь ни в каком светильнике, но остальные не обладали настолько острым зрением или не сочли нужным им воспользоваться. Раздался звук ударяющихся друг о друга камней и вскоре тьма отступила перед огоньками крохотных светильников, в которых вместо жира была налита непонятная темная жидкость.

Должно быть, подземный ход проходил глубоко; потому что ноздри Конана уловили слабый запах сырости и плесени, что было странно для этих иссущенных солнцем земель.

Каменные стены были тщательно отполированы и местами украшены искусно исполненными барельефами.

Крохотные фигурки складывались в картины сражения между людьми и громадными многорукими чудовищами, их сменяли сцены любви и торжеств.

Конану особенно запомнилось изображение города, готового обрушиться в морскую пучину. Толпы людей, изображенных с величайшей тщательностью, пытались найти спасение, кто под сводами храмов, которым оставалось стоять всего несколько мгновений, кто в море, откуда уже высовывались призывающими поднятые щупальца. В стороне от происходящего была высечена фигура полуодетой женщины, которая бесстрастно

взирала на жуткую сцену, нежно прижимая к себе крохотную птичку. Женщина не выглядела ни злой, ни безобразной, но все же, взглянув в лицо каменного изваяния, варвар поймал себя на мысли, что ни за что не согласился бы провести с такой наедине даже пару мгновений.

Один из стражей остановился, не услышав за собой шагов гостя.

— Нужно идти, — произнес он, оборачиваясь и настойчиво махая рукой куда-то в темноту — нам нужно спешить.

— Кто здесь изображен? — спросил северянин. — И что это за сражение?

— Это древний народ. Они утонули в море. Давно.

Конан с неохотой оторвался от загадочной картины. Последнее, что он успел заметить — его спутники удивительно напоминают людей с барельефа. Правда, у тех был несколько иной разрез глаз, да и пропорции не отличались от обычных.

* * *

Когда, наконец, они вылезли с другой стороны тоннеля, для чего пришлось отодвинуть несколько крупных каменных обломков и отгрести в сторону целую гору песка, солнце уже выглядывало из-за горизонта лишь узким краешком.

Конана удивила поспешность, с которой его спутники промчались несколько лиг по хорошо утоптанной тропинке, увлекая его за собой. Они

пересекли чахлую рощицу, потом равнину, где вдалеке виднелось нечто, напоминающее возделанные поля и устремились к виднеющемуся на горизонте селению. Несмотря на то, что час был не самый поздний, в окнах не горело ни одного огонька, а улицы были совершенно пустынны. Не сбавляя хода, варвар и поторапливающие его стражи миновали несколько поворотов, и затолкнули гостя в какую-то дверь. Мгновением позже потух последний солнечный луч и воцарилась темнота.

Пожав плечами, варвар решил оставитьувиденное без внимания; мало ли какие странные обычаи существуют на свете. Говорят, где-то в Вендии живут люди, которые стыдятся необходимости принимать пищу и пить воду и делают это лишь в полном единении. Жители же некоторых глухих уголков Черных Королевств наоборот не стесняются прилюдно опорожнять свой желудок.

Он и его сопровождающие, оказались в комнате с настолько низким потолком, что рослому варвару приходилось пригибаться, чтобы не задеть макушкой потрескавшейся глины, из которой кое-где торчали сухие травинки. Вдоль стен, насколько можно было разглядеть при свете крохотного светильника, стояли и низенькие скамейки. Впрочем, опытный взгляд бывшего вора отметил, что за некоторые из гобеленов, украшавших стены этого более чем скромного жилища, на базаре Шадизара вполне могли бы предложить хорошую цену.

На пороге показался хозяин дома — мужчина, которому с одинаковым успехом можно было дать и тридцать и пятьдесят зим — выглядел за- спанным словно его подняли с постели глубокой ночью.

Конан не мог скрыть удивления — ведь не прошло и четверти колокола, как дневное светило только что скрылось за горизонтом. Из-за занавеси, заменившей дверь, были слышны сдавленные стоны и похрапывания — явно там еще кто-то наслаждался сном.

— Мир тебе, чужеземец, — сказал он, — да будет спокоен твой сон. Располагайся на отдых, но, прошу тебя, не выходи из дома до восхода... это запрещается нашими обычаями.

— Конечно, уважаемый хозяин, — равнодушно пожал плечами варвар. — Все, что мне нужно — это переночевать и добраться до караванного пути. Не беспокойтесь, у меня есть, чем заплатить.

Мельком глянув на предложенные Конаном серебряные монеты, хозяин неопределенно махнул рукой и вышел из комнаты. Стражи последовали за ним. Конан остался один посреди комнаты, разглядывая ее необычное убранство.

Вскоре из-за занавеси показалась женщина с подносом, на котором стояла миска с дымящимся варевом и горкой лежали куски хлеба и козьего сыра. Нож, которым они были отрезаны, по всей вероятности, не точили со времен пришествия кочевников на побережье моря Вилайет. Лица вошедшей киммериец не смог разглядеть

из-за падающих вперед волос и покрывала из плотного кружева. Впрочем, руки ее, виднеющиеся из рукавов обтрепанного платья, были на редкость изящной формы и выглядели бы прекрасно, зная их хозяйка о существовании ароматного мыльного корня и красящей мастики.

Сунув в руки гостю все, что принесла, женщина бесшумно исчезла за занавеской, едва удостоив того взглядом. Присев на один из сундуков, северянин принялся за еду.

Глиняная миска, дно которой пересекало несколько трещин, едва не развалилась сама собой в руках варвара. Поднос же, на который упало несколько кусочков вареных овощей и мяса, похожего больше на куски продубленной бычьей шкуры, оказался сделан из пурпурного ясеня, который растет лишь в предгорьях полночной стороны Кофа. Согласно поверью, бытующему в странах Восхода, древесина этого удивительного дерева моментально превращается в труху, стоит попасть на нее хоть крупице отравленной пищи.

После ужина та же странная женщина принесла жесткие ковры и знаками показала гостю, что он может расположиться на ночлег в нише за шелковой занавесью.

Впрочем, удивляться тому, что заброшенный оазис среди пустыни буквально набит редкими и дорогими вещицами, у гостя уже не было сил. Варвар снял заплечный мешок, свернулся плащ, положил его под голову и, расстегнув пояс, вынулся и положил меч так, чтобы его можно было

моментально схватить при малейшей опасности. Стоило голове Конана коснуться жесткого ложа, как усталость последних дней взяла свое и могучий варвар провалился в сон.

Проснулся киммериец от того, что почувствовал на себе чей-то взгляд. Не выдав себя ни одним движением и продолжая дышать, как пристало глубоко спящему человеку, он осторожно поднял веки.

Из-за приоткрытой занавески его с любопытством разглядывали. Это была женщина, но — другая, не та, которая подавала ужин.

Такая же худенькая и низкорослая, видимо как и все остальные жители оазиса, она судя по всему, не так давно миновала пору юности. Ее светлые выющиеся волосы были собраны во множество косичек, украшенных разноцветными бусинами.

От опытного взгляда бывшего вора не укрылось, что бус с одной косички вполне хватило бы на седмицу безбедной жизни на лучшем постоялом дворе Аграпура.

Платье из когда-то светлого полотна, слишком широкое для такой худышки, было небрежно отрезано понизу. Из-под подола виднелись ноги в кожаных сандалиях, такие же несоразмерно большие и плоские как у вчерашних стражей. Лицо поражало тем же несоответствием между тонкими аристократическими чертами и узенькими глазками-щелочками.

Впрочем, глаза были щедро подведены сажей, а ю же на тыльной стороне ладоней был вычер-

чен какой-то странный узор. Слегка приоткрыв рот, она разглядывала гостя так же изумленно как он сам, впервые оказавшись в большом городе, смотрел на близнецов сросшихся спинами и имеющих одну пару ног на двоих.

Конан открыл глаза и медленно поднялся. Тихо ахнув, женщина исчезла за занавеской, но вскоре появилась снова, держа поднос, на котором была миска с теми же вареными овощами и козьим сыром. В качестве напитка предлагалось козье молоко, запах которого варвар уловил еще до своего окончательного пробуждения.

Поставив все это на низенький столик, где под слоем покрывавшей его копоти виднелась искусная резьба с добавлениями драгоценных камней, женщина собралась, было, уйти. Но тут ветхая мебель качнулась и едва не опрокинулась на бок.

Необычайная ловкость и молниеносная быстрота движений и в этот раз пришли варвару на помощь. Едва крышка стола накренилась, а миски с едой заскользили вниз подобно лавине с горы, Конан подхватил хрупкое изделие неведомых мастеров, надеясь, что оно не развалится окончательно.

Нимало не смущившись проишедшим, любезная хозяйка пошарила в углу ниши и подложила под качающуюся ножку что-то похожее на плоский камень.

Конан, вежливо кивнул и, стараясь не выдать своего удивления, принялся за еду. Вскоре природная наблюдательность и любопытство побу-

дили варвара поближе взглянуть на предмет, подложенный под ножку стола. В следующее мгновение северянин еле удержался от изумленного возгласа. На земляном полу, еле различимый в пыли, лежал слиток серебра.

Поев, варвар прислушался. Вокруг царила тишина. Неведомые хозяева не спешили развлечь гостя беседой. И Конан, рассудив, что заняться сейчас все равно нечем, а придется ждать дальнейшего развития событий, перевернулся на другой бок и захрапел.

* * *

Когда северянин наконец пробудился окончательно, в доме было по-прежнему тихо. Женщина, угостившая его завтраком, куда-то исчезла, как и все же прочие обитатели, которые, похоже, успели покинуть дом еще до пробуждения гостя. Выйдя во двор, киммериец обнаружил там лишь сгорбленную старуху в потертом парчовом одеянии, на котором золотое шитье еле виднелось из-под слоя грязи. Старуха плела из цветных шелковых нитей что-то вроде охотничьих силков и на осторожные расспросы северянина даже не повернула головы.

Внезапно Конан ощутил, что во дворе кроме них двоих есть кто-то еще. Стремительно обернувшись, он увидел стоящего неподалеку стража, имя которого полностью изгладилось из его памяти.

— Мы отправимся в путь немного позднее, — сказал тот, не утруждая себя приветствием, как если бы продолжал начатый ранее разговор. — Старейшины определят, ждать ли сегодня песчаной бури. Если все сложится благоприятно, к середине дня мы дойдем до ближайшего караванного пути. В это время года им пользуются очень часто и ты недолго пробудешь в одиночестве.

Произнеся все это, он исчез подобно тому, как серая пустынная ящерица ускользает под камень, предоставив гостя самому себе. Недоуменно пожав плечами, варвар открыл калитку, кое-как связанную из тонких кривых веток и вышел на улицу. Почему бы не прогуляться? Вдруг ему попадется на глаза еще что-нибудь любопытное, вроде женщины, чье лицо все же удастся разглядеть или слитка серебра, подложенного под качающуюся мебель. Ни о чем подобном ему не приходилось слышать ни от других наемников, ни в бытность свою в Шадизаре, куда, как известно, стекаются самые невероятные слухи и сплети.

Первое, что бросилось ему в глаза на улице, был песок. В отличие от сверкающего почти белого песка пустыни, на который киммериец в последнее время насмотрелся больше, чем хотелось бы, этот был черным.

Черным как ночь в полуденных странах, черным как головешки потухшего костра или кожа молчаливого гиганта, родившегося на полуденной стороне Зембабве. Всюду, куда хватало глаз,

лежал черный песок, из которого кое-где росли чахлые деревья и кустарники, на которых ничего не росло кроме колючек.

Нагнувшись, варвар зачерпнул горсть этого диковинного песка. Мелкие каменные крупинки, даже приятные на ощупь. Ничего особенного если не считать цвета. Изумленный, Конан огляделся по сторонам. В отличие от него, на черный песок никто не обращал внимания. Кто-то неторопливо шел по своим делам, едва косясь на пришельца, закутанные в расшитые выгоревшие на солнце покрывала старухи неподвижно сидели прямо на земле, созерцая что-то, видимое лишь им самим. Грязные едва одетые ребятишки увлеченно во что-то играли прямо посреди улицы.

Судя по движениям, это было что-то напоминающее одну из любимых детских забав в родной деревне Конана.

Подбросив вверх камушек, нужно было поймать его, успев при этом схватить еще несколько, разложенных в виде какого-нибудь рисунка. Самым трудным считался «пардус на охоте», собрать его мог лишь Конан, да еще один сорванец, живший неподалеку.

Во время набега, уничтожившего киммерийское селение, эта семья погибла едва ли не первой...

Движимый любопытством, варвар осторожно приблизился к детям, стараясь не помешать их занятию. Но, взглянув на то, что так увлеченно подбрасывали и ловили вымазанные в пыли

ручки, Конан едва не прирос к месту, упомянув при этом чресла Бэла, груди Деркэто и еще множество частей тела, названия которых не должны касаться детского слуха.

Это не были камушки как в родной деревне Конана или овечьи мослы, которые обыкновенно служат игрушкой детям в странах полуночного восхода.

В черном песке сверкали необычно крупные золотые монеты.

Рисунок на них не говорил о принадлежности ни к одному из ныне существующих государств. Во всяком случае, ни один правитель не украшает свои деньги изображениями ящерицы, поймавшей за хвост змею, дополненной изображением раскрытой книги и непонятного предмета на трех ногах.

Похожую монету Конан, как-то давным-давно, видел в лавке менялы. Соскучившись без посетителей, тот не менее колокола рассказывал юноше-северянину о древнем царстве, которое поглотила морская пучина и о богачах, готовых выложить немалые деньги за самую крохотную из таких монет. Но у менялы под колпаком, искусно вырезанным из горного хрусталя, лежала всего лишь позеленевшая медная монета, а здесь были золотые, валяющиеся посреди дороги подобно мусору.

Вероятно, почувствовав его взгляд, один из мальчишек обернулся и лукаво улыбнулся взрослому, заинтересовавшемуся детской забавой. Заметив, что тот не сводит глаз с золотых монет,

озорник разложил их и протянул пришедшему одну, предлагая принять участие в игре. Рисунок, сверкавший на черном песке, напоминал тот, который маленький Конан и его друзья называли «взлетающая птица».

Собрать его было под силу даже самым маленьким, но одно дело когда схватить надо круглые шероховатые камушки, а совсем другое — монеты, каждая из которых, кстати говоря, стоит больше всех домов в этой деревне вместе взятых.

Но природная ловкость, вместе с умением бывшего вора, помогли варвару справиться с этой, оказавшейся не такой уж легкой, задачей. Под восхищенными взглядами своих маленьких партнеров, Конан выложил «спящего урсуса» и передал монету самому старшему из мальчишек. Тот лишь с третьего раза смог собрать все камушки, то есть монеты, за исключением одной, обозначавшей левую заднюю лапу.

— Небо сегодня будет ясным, гость, — раздалось над самой головой киммерийца. — Мы можем отправляться в путь прямо сейчас.

Конан нехотя поднял голову, недовольный тем, что его прервали во время столь увлекательного занятия. Страж, тот, который первым заметил его в пустыне, чуть притопывал громадной расплющенной ступней, указывая куда-то в конец улицы. Детишки при его появлении прекратили свою игру и разбежались в разные стороны, оставив монеты валяться в песке посреди улицы.

— Надо спешить, — не отставал Наир. — Старейшины говорят, нам нужно отправиться в путь прямо сейчас.

— Я передумал, — неожиданно заявил Конан. — Мне тут понравилось и я, пожалуй, проведу у вас денек-другой. Я еще не полностью вернул себе душевное равновесие после песчаной бури, — добавил он, вспомнив одного зингарского аристократа, охранять которого северянину довелось несколько лун назад.

Желая показать свою утонченную натуру, тот изводил всех жалобами на холодный ветер, скверный оттенок любимого лакомства или случайно коснувшийся его обоняния запах конюшни. Однажды он впал в великую печаль, увидев, как дворовый пес поймал и задушил крысу. Впрочем, Конан как-то случайно услышал, как это «неземное создание» поносит своего слугу и крепко призадумался о многогранности человеческой натуры.

Киммериец уже собрался повторить, что имеет, чем заплатить за кров и еду, как вдруг понял, насколько неуместными покажутся его монеты там, где золото служит детской игрушкой, а слитком серебра подпирают мебель. Наир, додумавшись, что собирается сказать гость, разразился оглушительным хохотом.

— Ты пришел из дикарских стран, чужеземец, там где мерой гостеприимству служат предметы, изготовленные из металла. Для нас они не представляют никакой ценности, словно горсть песка у твоих ступней.

— Песка? — северянин посмотрел вниз. — Удовлетвори любопытство гостя, страж, и объясни почему он здесь такой черный?

— На твой вопрос легко ответить, гость, — сказал Наир, указывая вдаль. — Черный песок родился внутри горы как наша деревня и самые первые люди, которые жили здесь. Но чтобы сказать больше, я должен испросить дозволения у старейшин.

Повернувшись в указанном направлении, Конан и в самом деле заметил на горизонте гору, которая была того же цвета, как и песок. Находясь достаточно далеко, она нависала над поселком подобно тому, как обнесенный мощной крепостной стеной королевский дворец в Асгалуне, возвышается над домами и улицами столицы Пелиштии.

Чуть шаркающий звук шагов заставил Конана обернуться. Перед ним стоял другой из его недавних спутников.

— Ты можешь оставаться сколько хочешь, чужеземец, — сказал тот, — старейшины дозволяют это и не возьмут с тебя никакой платы. Только не покидай дом после захода солнца и не приближайся к скале, именуемой Змеиные Зубы. Это опасно. Как только ты пресытишься нашим гостеприимством, мы проводим тебя до ближайшего караванного пути.

* * *

Не менее десятка раз колесница Митры поднималась над окоемом и вновь скрывалась за песчаными холмами, но Конан пока не спешил покидать загадочное селение.

Упорство и природное любопытство не позволяли киммерийцу покинуть эти места, не разгадав тайны.

В том, что во всем это был какой-то секрет, сомнений не оставалось. Люди, так пренебрежительно обращающиеся с золотом и прочими редкими вещами, должны обладать чем-то несознательно более ценным.

В мире все относительно и если его хозяева не ценят то, что принято ценить во всей Хайбории, значит они обладают чем-то таким, перед чем меркнут благородные металлы и драгоценные камни.

Неожиданно Конана осенило: что может быть ценнее золота и алмазов? Конечно же то, с помощью чего можно получить этих самых ценностей, сколько душа пожелает. Иными словами, где-то в этой деревушке спрятан магический предмет вроде бездонной денежной сумы или флейты, которая начинает играть сама собой, стоит лишь приблизиться к месту захоронения клада.

Но если так и жители этого заброшенного селения могут получить несметные богатства, то что тогда держит несчастных в таком неприветливом месте? Почему бы им не наколдовать себе гору золота и драгоценных камней и переселиться в благодатные земли Зингары или Аргоса?

Впрочем, они могут и не понимать как скучна и убога их жизнь. Ведь для того, чтобы понять истинную ценность богатства нужно знать и ценить то, на что его можно потратить.

В конце концов, деньги сами по себе не представляют никакой ценности. И нужны они только для того, чтобы купить на них вкусную пищу, хорошее вино, красивую одежду, острый меч и быстроногого коня.

А к чему золотые монеты, если их негде потратить? И зачем нужны украшения, если их некуда надеть?

Должно быть боги, которым поклоняется это племя, не одобряют праздности и роскоши.

А что тут удивительного?

Разве киммерийский Кром заботится о своих подданных? Нет, он просто дает мужчине крепкие руки и отважное сердце и больше не вмешивается в его судьбу. Бесполезно взывать к нему или пытаться задобрить Кому жертвоприношением. Суровый бог не вмешивается в дела смертных.

Быть может и местные небожители тоже презирают богатство и считают, что истинное счастье в простом и неприхотливом существовании? Поэтому их паства и сидит тут в оазисе, довольствуясь едой, которой в цивилизованном мире побрезговал бы и последний попрошайка.

Правда, препятствием может служить то, что боги наделили их необычной внешностью... И они могут просто стесняться показываться обычным людям на глаза. Но разве такие пустяки

могут быть препятствием для того, кто желает лучшей доли? Несколько дней пути — и перед ними открылись бы ворота Акита, Аграпура или другого из городов побережья, где найдется место человеку и не с такой необычной внешностью. Главное чтобы голова соображала, а в кошельке не переводились монеты...

Между тем жизнь в оазисе, затерянном среди черных песков, шла своим чередом. Люди ходили по улицам, варили еду, о чем-то беседовали друг с другом, воспитывали детей: словом, занимались самыми обычными делами. Даже в безделии, которому, как заметил Конан, жители деревни обычно предавались в часы полуденного зноя, не было ничего необычного.

Другое дело — само селение. Тут было немало удивительного.

Взять хотя бы дома, о чистоте которых хозяева не особенно заботились. Жилища здесь были сделаны из странной смеси скрепленных между собой блоков отполированного розового мрамора, кирпичей, небрежно вытесанных из черного ноздреватого камня и глины с соломой и козьим пометом.

Как будто какой-то безумный чародей шутки ради перемешал материал для постройки дворца о菲尔ского аристократа, жилища заморийского медника и лачуги нищего туранца. В центре селения находилась площадь (что само по себе уже было необычно), вымощенная плитами из серого и розового камня. От внимательного взгляда варвара не укрылось и то обстоятельство, что

раньше в селении явно было куда больше жителей — то тут то там попадались заброшенные дома, в которых давно никто не жил.

Первое время Конан пытался расспросить жителей, но потом понял, что это бесполезно.

— Так правильно, — отвечали они северяне — так было всегда. И вновь погружались в ленивую дремоту.

Не переставала удивлять варвара и одежда селян, в которой щеголяли здесь все — от мала до велика, и к которой относились с вопиющей небрежностью. Некогда дорогие и красивые наряды из парчи, шелка и виссона давно превратились в пропыленные и выгоревшие лохмотья.

Любопытный Конан и тут попытался выяснить правду, но в ответ получал все те же бесвязные фразы:

— Это дары богини. Одежду ни к чему шить самим. Ведь когда придет время, мы и так получим все необходимое.

Другие, слыша слова соплеменников, сожалели, что богиня не дарует им еще и пищу и поэтому они вынуждены выращивать овощи, пасти коз и делать много других трудных вещей.

Но чаще всего жители деревни просто отмалчивались, как будто назойливые речи не коснулись их слуха. Дети же, которые смотрели на необычного пришельца с молчаливым восхищением, повторяли слова взрослых.

Киммериец сделал попытку что-нибудь узнать от своих «старых» знакомых — четверых стражей, приведших его сюда. Но многократно

проверенный и надежный способ — беседа в харчевне за кружкой вина — оказался неосуществимым. Харчевни здесь попросту не было, да и сами стражи все время оказывались заняты или куда-то спешили. Попытка применить еще один освященный временем и совершенно безотказный способ — беседа о достоинствах и недостатках различных видов оружия — тоже ни к чему не привела.

* * *

Через несколько дней деятельная натура варвара начала томиться вынужденной праздностью. К тому же не пристало молодому полному сил мужчине пользоваться чьими-то щедротами, не предложив ничего взамен. Не желают брать серебряные монеты — что ж, он отыщет другой способ ответить на гостеприимство. С этими благими намерениями он постучался в дом главного старейшины, которого звали Рехаур.

— Скажи, почтеннейший, — осторожно начал он, усевшись рядом с хозяином дома на бортик бездействующего фонтана — отчего твои соплеменники так спешат укрыться в домах с заходом солнца? Что угрожает их безопасности? Вот уже несколько дней я пользуюсь вашим гостеприимством. Я надеялся расплатиться за ночлег и еду, но выяснилось, что серебряные монеты значат для вас не больше глиняных черепков. Тогда я могу предложить свои руки и острый меч. Если ты и твои люди нуждаются в защите, то мне вполне по силам вам ее оказать!

— Я давно ожидал от тебя этого вопроса, гость, — ответил тот. — Но, поверь, дело не в моей или чьей-либо прихоти. Думаю, многое в нашем укладе должно удивлять чужеземца. Так послушай, я поведаю тебе правду! Когда-то давно на месте пустыни были плодородные земли с прекрасными садами и города, поражающие своим великолепием, а по склонам Черной горы вились виноградники. Говорят, виноградины там были настолько крупны, что сока одной из них хватило бы чтобы заполнить вот эту чашу — и старец важно указал на валяющуюся неподалеку серебряную посудину внушительных размеров. — Но боги разгневались на людей — продолжал старейшина, — и гора, которую позже назвали — Горой Скорби, извергла из себя жидкий огонь, который затопил цветущую долину и сжег некогда благородствующую страну.

— Клянусь Кромом, это, конечно, очень печально — нетерпеливо перебил его Конан. — Но как это объясняет то, что после захода солнца вы прячетесь по норам, словно крысы?

— Когда последний луч Огненного Светила прячется в небесное лоно, пробуждается ужасное чудовище. Днем оно прячется под землей, а по ночам бродит по улицам нашей деревни. И горе тому, кто попадется на его пути!

— Чудовище? — воскликнул повеселевший Конан. — Что ж, можешь считать, что с завтрашнего дня тебе и твоим людям нечего бояться. Я убью монстра и тем отблагодарю вас за спасение в песках и кров.

— Не суетись понапрасну, чужеземец. Чудовище никому не мешает. Просто здесь всем ведомо, что не след выходить на улицу после захода солнца. Видишь, как все просто. Иди же и пусть сердце твое будет спокойно. Все происходит так, как должно происходить.

— Постойте, может быть, что-то угрожает вам за пределами деревни? — не сдавался упрямый варвар. — Иначе с чего бы понадобилось нести караул?

— И здесь ты прав, гость, — печально кивнул Рехаур. — Видишь ли, люди, обитавшие у подножия Черной горы, были сведущи в искусстве чародейства и с помощью него хотели спастись от гнева богов.

— Но это же было много зим назад и боги давно успокоились!

— В окрестностях нашей деревни издавна проходит много необычного и страшного. Когда-то, когда мой отец был еще полон сил, несколько молодых глупцов вознамерились покинуть родные места. На следующий день их нашли — все они были мертвы. Не стану говорить тебе, в каком состоянии пребывали эти несчастные, это было бы слишком тягостно для твоих ушей... С тех пор решено охранять деревню, дабы уберечь людей от последствий их необдуманных поступков.

— Их растерзали? — не отставал киммериец. — И утащили куда-то головы? Я видел таких мертвцев, там, в высохшем оазисе. Кто бы это ни сотворил, это явно живое существо. А раз так...

— Не утруждай себя понапрасну, чужеземец. Просто не следует покидать деревню. Когда ты пожелаешь уйти, то тебя выведут потайным путем, пользоваться которым дозволено лишь старейшинам и стражам. Чудовища, бродящие в окрестностях не помеха для тех, кто не нарушает запретов. Зато мы никогда не подвергнемся нападению разбойников и к нам не доберется ни один сборщик податей. Во всем нужно видеть хорошее, чужеземец.

С трудом сдерживая себя, чтобы не сказать, все что он думает о таком трусливом поведении, Конан покинул жилище старейшины.

* * *

Окрестности деревни тоже не остались без внимания любознательного киммерийца. В оазисе, чтобы пройти который из конца в конец хватило и пары колоколов не самого быстрого шага, была чахлая рощица, некое подобие огорода и возделанного поля и участок земли, поросший жесткой травой, где пасся скот, такой же ленивый и тощий, как и хозяева.

Однажды утром он, несмотря на все запреты, удостоил своим посещением и скалу Змеиные Зубы.

Если в самой деревне, которая теперь была ему знакома до последнего дома, нет ничего такого, что послужило бы разгадкой этой тайны, а скала — единственное место, к которому запрещено даже приближаться...

Стражи, единственные, кто здесь не пребывал в состоянии блаженной дремоты, не спускали с гостя внимательного взгляда.

Это не бросалось в глаза, пока он находился в доме или слонялся по улицам, но чувствовалось всякий раз, стоило ему покинуть пределы деревни. Довольно часто северянин улавливал углком глаза стремительно мелькнувшую тень или просто ощущал присутствие другого человека. Но Конан из Кимерии, по ловкости и быстроте движений не уступавший хищному зверю, находил способ всякий раз оставлять ни с чем чересчур подозрительных хозяев.

Особенно легко это ему удавалось теперь, когда окрестности стали известны до последнего камешка и самой крохотной ложбинки. Хитрый киммериец мог в течение нескольких поворотов клепсидры водить своих преследователей по кругу, а затем внезапно исчезнуть, оставив тех в полном недоумении.

Змеиные Зубы, поднимающиеся из черного песка, располагались примерно в половине колокола ходьбы от деревни. Необычная форма скал (за которую они и получили название) напомнила варвару изображение чудовища на стенке подземного коридора. Там было изображено огромное многоглазое существо, погружающееся в морскую пучину. В зубах его был зажат целый корабль.

Подобравшись достаточно близко, Конан увидел, что скалы образуют полукруг, внутренность которого была засыпана слоем черного песка, в

котором то тут, то там виднелись белые островки. Посмотрев левее, варвар заметил некое подобие человеческого жилья, прилепившееся к темному камню.

Северянин направился туда, но стоило ему подойти к жилищу меньше чем на десять шагов, как из-за кожаной занавески заменяющей дверь вышла женщина с метелкой в руках. Конан узнал в ней ту, которая с таким любопытством разглядывала его в первый день его появления здесь.

Зайдя во «внутренний дворик» образованный торчащими из-под земли камнями, она принялась старательно его подметать. Варвар с удивлением отметил грацию с которой она совершає такую казалось бы, незамысловатую работу. До сих пор киммериец наблюдал такую отточенность движений разве что у храмовых танцовщиц, едва ли не с колыбели постигающих таинство танца.

Спустя некоторое время, когда женщина закончила сметать черный песок, взору киммерийца предстала ровная сверкающая белизной площадка в виде почти идеального полукруга с пустым постаментом посередине.

При более внимательном рассмотрении там обнаружилась небольшая пещера, где с трудом хватило бы места одному Конану или двум-трем местным жителям. Пещера была пуста и так же тщательно выметена. Ну и что здесь такого, что так необходимо прятать от посторонних глаз? Здесь даже при всем желании нечего украсть!

Заинтригованный, киммериец пришел на следующее утро, а потом еще и еще. Всякий раз заставал одну и ту же картину — женщина, сметающая песок с белой площадки. Едва Конан в четвертый раз занял свой наблюдательный пост за песчаным барханом, позволяющий наблюдать за происходящим, а самому при этом оставаться невидимым, он заметил нечто новое.

К Змеиному Зубу спешил Рехаур.

Он что-то сказал женщине и та, оставив свою метлу, вошла в пещеру и скрылась из глаз. Несмотря на то, что пещера была совсем небольшой, женщина исчезла подобно платку или украшению, которые легковерный простак кладет в шкатулку или шапку бродячего мастера трюков. Из любопытства киммериец прождал до самого вечера, но никто из пещеры так и не вышел.

* * *

На следующее утро Конана разбудило необычное оживление. Хозяева дома, обычно пробуждавшиеся от сна не раньше, чем солнце дойдет до вершины горы, поднялись, едва рассвело. С необычайно серьезным видом они молча ходили по комнате, доставали откуда-то чистую одежду, умывались и расчесывали волосы. Дети, обычно пользующиеся первой возможностью чтобы удрать на улицу, смирно сидели на сундуке в углу.

Так же не обменявшись между собой ни единственным словом, и, казалось, не замечая ничего вокруг, все направились к двери, ведущей во двор. Конан было, последовал за ними, но хозяин жестом остановил его.

— Нет, гость, — произнес он первые за день слова. — Сегодня тебе с нами нельзя.

Варвар не стал спорить. Зачем? Если и так он сможет увидеть все, что захочет.

Как только за последним из уходящих захлопнулась дверь, он, перепоясавшись мечом, выбрался с другой стороны дома. Там не было двери, но зато были окошки, проделанные под самым потолком.

Взобравшись на крышу, он увидел, что из каждого дома выходит молчаливая вереница людей. Несмотря на то, что утреннее солнце заливало улицу ярким светом, в руке того, кто шел первым, горел небольшой масляный светильник. Вереницы идущих сливались между собой в единый живой поток, который направлялся к Змеиным Зубам.

Прикинув, что селяне ушли довольно далеко и вряд ли заметят, что он последовал за ними, варвар спрыгнул с крыши и побежал за ними. Осторожности ради он следовал за ними, держась на некотором расстоянии и стараясь не попасться ненароком кому-нибудь на глаза. Впрочем, он мог бы идти не скрываясь; взгляды участников шествия были прикованы к острым скалам, виднеющимся на горизонте, откуда доносился нежный звон колокольчиков.

Обойдя скалы и площадку с другой стороны, Конан затаился в щели между камнями, которую приметил во время одного из своих предыдущих посещений. Защищенный от посторонних взглядов каменными уступами, он мог беспрепятственно наблюдать все, творившееся на площадке из белого камня.

Старейшины деревни уже были здесь: Рехаур, с которым недавно разговаривал Конан, и еще трое, держащиеся за спиной своего предводителя. В руках у каждого из троицы было что-то вроде металлических чашечек, которые они время от времени ударяли друг о друга. Но мелодичный переливающийся звон исходил не от них; казалось, это звучали сами скалы.

Лишенный статуи постамент был выложен ветками, сплошь усыпанными мелкими розовыми цветочками.

Должно быть, для этого понадобилось оборвать все кусты, растущие у дальнего ручья — едва ли не единственное, за чем здесь тщательно ухаживали. Горящие светильники стояли по краю каменной площадки.

Рехаур вышел вперед и простер руки над безмолвной толпой, а затем протянул их к пустующему постаменту. Сегодня он был одет в хитон из переливающейся всеми цветами диковинной материи, та же ткань закрывала его нижнюю часть лица.

Внезапно на постаменте сам по себе загорелся язычок ослепительного зеленоватого пламени. Тот же цвет на несколько мгновений окрасил

пламя в каждом из светильников. Жители деревни одновременно издали вздох полный страха и восхищения. Чуткий нос варвара уловил запах, показавшийся на удивление знакомым.

Когда огонь догорел, рассыпая ослепительные искры, старейшина обратился к жителям деревни. Голос его, не отличавшийся силой и звучностью, теперь заполнял собой все пространство.

— Кому это принадлежит? — спросил он.
— Той, что ушла, — дружно ответила толпа.
— Кому это будет принадлежать? — между тем продолжал Рехаур.
— Той, что придет.
— Кто заботится о нас?
— Та, которая придет!
— Для чего мы здесь?
— Чтобы ждать ее!
— Для чего мы живем?
— Чтобы ждать ее!
— Для чего мы рождаемся?
— Чтобы ждать ее!
— Для чего мы просыпаемся каждое утро?
— Чтобы ждать ее!
— Смотрите же! — голос старейшины все менее походил на человеческий. Казалось, он не проникал в уши, а бился в голове каждого подобно птице в клетке. Двое женщин побледнели и лишились чувств, по щекам кого-то из мужчин катились слезы. Дети испуганно выглядывали из-за спин родителей.

— Внемлите мне, — продолжал взывать старейшина. — Сейчас мы вместе будем смиренно

просить ее явить свой светлый лик. Но если хоть кто-то из вас осквернил себя неподобающим поступком — никому из нас не дано будет узреть ее!

Закончив свою речь, он повернулся спиной к своим зрителям и направился в ту сторону, где прятался незваный гость. Конан прильнул к неровной каменной поверхности, задержав на время дыхание. Но опасения его оказались напрасны.

Внезапно острый выступ, к которому прижался киммериец, задрожал и кусок скалы, находящийся совсем рядом от него, бесшумно отошел в сторону. Остановившись перед самым входом в пещеру, старейшина замер подобно статуе, а затем медленно опустился на колени и распростерся на белом камне. Сразу же замолк непонятно откуда раздававшийся звон колокольчиков, остальные старейшины перестали колотить в свои металлические чашечки. Над площадкой повисла мертвая тишина, внезапно сменившаяся вздохом, одновременно вырвавшимся из груди всех людей.

Над постаментом, едва касаясь его, парила светящаяся полупрозрачная женская фигура. Впрочем, варвар мог созерцать ее только со спины, довольствуясь зрелищем светлых волос, уложенных в замысловатую прическу и темно-синего хитона.

Присутствующие сперва почтительно склонились перед ней, а затем и вовсе распростерлись на земле. Даже Конан ощущал мимолетное жела-

ние покинуть свое укрытие и приблизиться к незнакомке. Звон множества колокольчиков становился все более тонким и почти неразличимым для слуха. Неожиданно в памяти северянина всплыли образы его далекого детства, которые, казались, давно похороненными в глубинах памяти.

Внезапно на самой высокой ноте пронзительный звон колокольчиков оборвался. Исчезло и загадочное видение.

Люди поднимались с земли и обращали восхищенные взоры в сторону площадки, на которой уже никого не было. Кто-то, присев на корточки, проводил ладонями по белому камню, а затем касался своего лба, кто-то раскачивался из стороны в сторону, протянув руки вперед.

Снова раздался высокий звук удивительной чистоты. Стоило ему замолкнуть, как лица людей вновь обрели спокойствие. Поднявшись на ноги, жители деревни молча отправились по домам.

Такой торжественный взгляд Конану довелось наблюдать во время выезда наместника Агропура, когда его охранники, глашатаи и возница едва не лопались от сознания собственной значимости.

Рехаур поднялся и, сопровождаемый своими помощниками, двинулся вместе со всеми.

Кусок скалы вернулся на место.

* * *

Не таков был Конан из Киммерии чтобы принять на веру все увиденное и услышанное. К тому же он вспомнил, что за запах коснулся его обоняния, когда зеленое пламя вспыхнуло на постаменте.

Нечто подобное используют жонглеры и глататели огня, показывающие свое искусство на базарной площади. За кружкой вина один из них поведал юноше-северянину, что цвет огня может получиться почти любым: важно использовать правильные компоненты горючей жидкости, которой пропитывают факел...

Конан почесал в затылке. Если старейшины и впрямь используют трюки из арсенала бродячих жонглеров, то значит можно предположить, что и все остальное увиденное им есть не что иное, как искусно сработанная иллюзия.

Но зачем это нужно Рехауру и другим старейшинам? Вот этого варвар понять не мог. В любом другом месте можно было предположить, что тут замешаны деньги или жажда власти: два основных людских порока. Но здесь, где золотыми монетами играла ребятня, а драгоценными тканями вытирали стойла, здесь в этом не было никакого смысла.

Выждав, когда последний из селян скроется из виду и убедившись что поблизости никого нет, варвар осторожно приблизился к жилищу женщины, заботящейся о чистоте белой площадки. Заглянув в окно, Конан убедился, что помех с ее стороны можно не опасаться. Утомленная трудами, та сладко спала на нескольких поло-

женных друг на друга циновках. Теперь она показалась ему куда более привлекательной, чем в первый раз.

Только теперь варвар понял, какая мысль не давала ему покоя: этой женщины не было ни среди участников ритуала, ни в толпе зрителей. Выходит она все время просидела здесь? Тогда как же она могла уснуть в таком шуме? И как могла проспать церемонию, которая, судя по всему, такое важное событие? Дав себе слово вернуться на обратном пути, он снова обратил свой взор на скалы Змеиные Зубы.

Не желая пока тревожить сон незнакомки, Конан удалился бесшумно, подобно бесплотной тени. Он решил попытаться проникнуть в единственную пещеру. Ясное дело, если и есть в этих краях что-то ценное, то оно должно быть спрятано именно здесь!

Конан ступил на площадку из белого камня и подошел к той щели, из которой еще недавно наблюдал за ритуалом. Оглянувшись вокруг, он вошел в неглубокую пещеру. Если он все правильно понял, то отодвигаться должен вот этот уступ на задней стенке.

А раз так, то где-то рядом должен находиться механизм, приводящий его в движение... Но, сколько северянин ни водил руками по темной шершавой поверхности, ему не удалось обнаружить никаких подтверждений того, что он явился свидетелем тщательно разыгранного спектакля.

Но природная смекалка и сведения, полученные от самых удачливых воров Шадизара под-

сказали ему путь к решению этой головоломки. К скале близко никто не подходил, все участники ритуала стояли выстроившись за постаментом. Руки у всех были заняты — старейшины колотили по металлическим чашечкам, а главный участник действа жестикулировал подобно дешевому фигляру, потешающему народ за кусок хлеба и миску похлебки. Значит, привести в действие механизм можно только нажав на что-нибудь ногой.

Конан опустился на четвереньки и внимательно осмотрел площадку там, где еще недавно находились старейшины. Цельная плита гладкого белого камня, ни пятнышка ни трещинки... Но тут острые глаза варвара различили узор, отдаленно напоминающий след от сучка на полене. Верно, именно здесь и стоял почтенный муж, когда на постаменте вспыхнул огонь.

Встав туда, Конан раскинул руки, вызвав в своем воображении картину восторженной толпы, внимающей каждому его слову... Нет, подобное занятие не для него, а власть ему и даром не нужна.

При мысли о том, что дурачить легковерных простаков — занятие, совсем не достойное мужчины, варвар возмущенно топнул ногой.

Тут же легкое движение воздуха и чуть слышный скрип подсказали северянину, что хитрый механизм пришел в действие.

Обернувшись, он увидел, что кусок темного камня, поднять который было не под силу и нескольким здоровякам, сдвинулся со своего

места. За первой пещерой виднелась еще одна, чуть большего размера. Приблизившись, киммериец увидел, что вместо дна там был уходящий далеко вниз колодец с грубо высеченными каменными ступенями.

Не в привычках Конана из Киммерии было отступать перед возможными опасностями. К тому же, возможно, он находится всего в нескольких шагах от разгадки тайны, которая не давала ему покоя в последнее время. Сделав петлю и закинув за плечи меч, чтобы он не путался под ногами при спуске, варвар полез вниз.

Каменный колодец оказался не таким уж и глубоким, всего каких-то десятка два ступенек. Внезапно он оборвался, но варвар спрыгнул вниз, ловко приземлившись подобно хищному зверю, готовый в любое мгновение встретить любую опасность.

* * *

Конан огляделся вокруг. Он находился в небольшом полукруглом зале с куполообразным потолком, на котором зияла дыра — тот самый колодец, через который он сюда попал. Сквозь круглое отверстие проникал слабый дневной свет, отражающийся в каких-то блестящих предметах, стоявших посреди зала.

Никогда северянину не приходилось видеть ничего подобного. Разумеется, зеркало ему было не в новинку. Но предметы, стоявшие перед ним

на металлических треногах, так же мало походили на любимую вещь изнеженной красавицы, как дикий пикт на турецкую танцовщицу.

Зеркала из полированного металла были просто огромные; по высоте едва не достигающие плеч северного гиганта, но даже не это было в них самым удивительным.

Поражала их форма: одно оказалось выпуклым подобно шару, второе — вогнутым, при этом чуть искривленным словно гигантская капля. Третье, стоящее напротив этих двух было собрано аккуратными ровными складками, и тем слегка напоминало *трен* — аквилонскую полосу ткани, прикрепляемую сзади к юбке. Поодаль стояли зеркала в виде дисков и другие, накладывающиеся друг на друга наподобие рыбьей чешуи.

Посреди всего этого на высоком постаменте из светлого камня находилось что-то, показавшееся Конану смутно знакомым.

Киммериец осторожно приблизился, стараясь не задеть ни один из окружающих его диковинных предметов. Перед ним была раскрашенная статуэтка, изображавшая все ту же женщину с птицей в руках, которую он видел на барельефе.

Сзади она удивительно походила на полуупрозрачную фигуру, возникшую там, наверху после прочувствованной речи старейшины. Те же причудливо уложенные светлые волосы, та же темно-синяя одежда.

Но статуэтка была не больше его руки до локтя, а там перед его взором предстала женщи-

на, не уступающая по росту ему самому. Что же за чудеса здесь творятся?

Северянин медленно обошел вокруг статуэтки. Не обнаружив ни одной из известных ему ловушек от воров, осторожно взял ее, повертел в руках и уже собирался поставить ее назад, как внезапно ему показалось, что сбоку что-то мелькнуло.

Варвар привычным движением выхватил меч, и уже изготовился отразить нападение, но через пару мгновений фыркнул, потешаясь над самим собой. Так настороживший его промельк был ни чем иным, как его собственным отражением в одном из зеркал, — вытянутым и причудливо искривленным.

Обернувшись и сделав шаг назад, в неосвещенную часть зала, он неосторожно задел одну из сверкающих чаш.

Та медленно повернулась в сторону, а вслед за ней плавно качнулось соседнее зеркало, потом еще одно и вскоре в движение пришло все вокруг. Вращаясь и раскачиваясь на своих опорах, зеркала ловили слабый свет, падающий сверху, многократно усиливали его и перебрасывали друг другу подобно тому, как резвящиеся дети перебрасывают друг другу тряпичный мяч. Несколько ярких солнечных зайчиков на мгновение сошлись на непрошенном посетителе, все еще держащем статуэтку.

Побегав по его мощной фигуре, пятна света на удивление дружно устремились вверх. Скользнув по потолку, они подобно гигантским

светлякам вылетели в дыру, ведущую на поверхность.

Не теряя времени, Конан подпрыгнул и, уцепившись за нижнюю ступень каменного колодца, торопливо полез наверх. Догадка, блеснувшая в его мозгу, оказалась более чем верна.

Постамент переди площадки из белого камня снова был занят. Та, которую с таким упорством ожидают жители деревни, лежала в руках звероподобного великаны, сохранявшего лишь отдаленное сходство с самим Конаном.

Спрятавшись в глубине пещеры, киммериец наблюдал, как становится ярким и постепенно растворяется в воздухе порождение множества необычных зеркал. Интересно, что сказали бы жители деревни, случись им увидеть такое зрелище? И как бы повел себя этот плут — старейшина Рехаур?

И тут до слуха варвара донеся тихий сдавленный возглас. Женщина, содержащая в чистоте площадку у Змеиных Зубов, сидела на песке, зажимая себе рот обеими руками. Варвар поступил так, как подсказывало ему чутье, не раз выручавшее его во многих переделках. Подражая голосу главного старейшины, вещающего о божественном ожидании, он нараспив произнес: «Храни тайну, женщина! Иначе гнев той, которая придет, разразится над тобой! Лишь тебе дозволено стать свидетелем сокрытого! Иди же с миром!»

Согласно кивнув, женщина подобрала свою метлу и удалилась, оборачиваясь почти на каждом шагу. Но смотреть уже было не на что —

страховидное подобие Конана из Киммерии, и женской фигуры, кажущейся совсем крохотной в его мощных лапах, успело исчезнуть, будто его никогда не было. Впрочем, Конану показалось, что взгляд ее, хотя подобное было бы попросту невозможно, был обращен не на призрачные фигуры, а прямо ему в глаза. При этом лицо ее освещала счастливая улыбка.

Мысленно умоляя Бэла, покровителя воров, не допустить, чтобы невидимые колокольчики снова заиграли свою мелодию, призвав сюда всю деревню, варвар снова спустился в подземный зал. Зеркала постепенно останавливали свое движение, солнечные зайчики больше не танцевали на стенах, а статуэтка выглядела на удивление безобидной.

* * *

Решив при случае вернуться сюда, и как следует изучить занятную игрушку, Конан хотел уже направиться дальше. В конце концов, его цель — не игра с зеркалами, а поиски того магического предмета, который дарует жителям оазиса такое пренебрежение к драгоценностям. Но не успел он сделать и шага, как глухой стук над головой и внезапно обрушившаяся темнота известили его о том, что единственный известный ему выход из подземелья захлопнулся.

Сначала варвар хотел подняться вверх и попробовать отодвинуть камень, но потом он

вспомнил размеры движущегося монолита и решил поберечь силы. Неизвестно, можно ли привести в действие механизм изнутри, а поиски потайного рычага дело долгое, если вообще не бессмысленное. Да и как искать этот мифический рычаг в полной темноте? Наощупь? Нет. ничего не остается как попробовать поискать иной способ покинуть эти загадочные чертоги. Но для начала неплохо бы обзавестись хоть каким-нибудь источником света. Даже Конан, видящий в темноте гораздо лучше любого из обычных людей, вряд ли смог бы уйти далеко в непроглядном мраке.

Киммериец осторожно направился вдоль стены, тщательно ощупывая каждый камень, прежде чем поставить на него ногу. Он более чем кто другой был осведомлен, какие коварные ловушки могут поджидать в таких местах непрошеных гостей.

Пару раз споткнувшись, и помянув Нергала, он наконец добрался до пролома в стене, который приметил еще, когда проник сюда впервые. В соседнем помещении было так же темно, зато запах, сопровождавший появление зеленого пламени, здесь ощущался куда сильнее.

Тогда варвар растопырил пальцы и начал аккуратно ощупывать пространство вокруг себя. Вскоре ему удалось обнаружить большой кувшин, по высоте доходивший почти до пояса. Конан слегка шелохнул сосуд — внутри что-то тяжело заплескалось. Так и есть — загадочная жидкость, которую старейшины использовали

для возгорания зеленого огня, несомненно содержалась внутри. Нащупав рядом кучу факелов, киммериец некоторое время не мог понять, чего ему хочется более всего — возблагодарить богов за из милость или от души выругать глупца, так небрежно обращающегося с горючей смесью. Взяв несколько факелов, он отошел как можно дальше от кувшина и вынул из-за пояса огниво. С ним как с оружием и подвешенным на кожаном ремешке кусочком металла, все время показывающим на север, варвар никогда не расставался.

Вспыхнул свет. Конан, глаза которого уже успели привыкнуть к темноте, еле удержался от парочки тех выражений, которые не допускаются в приличном обществе.

Стеснительность не входила в число качеств, присущих варвару, но он не хотел ненароком оскорбить местных богов. Кто знает, какие у них нравы?

Конан обвел факелом вокруг себя — зеленое пламя вытянулось шлейфом. Помещение, в котором он оказался, напоминало кладовую замка. Глиняные горшки и странные кривобокие сосуды занимали почти половину комнаты.

Здесь же кучей лежали тряпки, показавшиеся варвару смутно знакомыми. Он приблизился и поднял одну из них — это было женское платье из легкой ткани, приятной на ощупь. Оно было сшито на человека с нормальным ростом и явно было бы велико любому жителю селения. Северянин не был большим знатоком фасонов жен-

ской одежды, но даже ему показался странным и покрой и узор в виде множества тщательно обшитых дырочек. До каких же только несуразиц не додумаются женщины во все времена? Зашивать дырки — это понятно, но продевывать их нарочно?

Поистине, гораздо проще справиться в одиночку с целой армией, чем понять, что у женщины на уме...

Миновав несколько залов и спустившись по лестнице, ступени которой оплавились настолько, что представляли собой нечто вроде заледеневшего горного склона, варвар обнаружил цепный склад разных одеяний.

Все они были небрежно разбросаны по полу, словно добыча мародеров, наспех спрятанная от чужих глаз. Присмотревшись повнимательней, Конан обнаружил, что здесь лежала не только одежда, на полу валялись украшения, посуда и прочие предметы домашнего обихода.

Варвар поднял одну вазу, повертел ее в руках и отбросил на ворох тряпья. Несомненно — это работа искусных мастеров, за которую можно было бы выручить немало золотых монет в любом уголке цивилизованного мира. Киммерийцу показалось странным, что неведомые люди, натачившие сюда все это богатство, полностью обошли вниманием оружие.

Хотя, как знать, может быть, он наткнется на что-то вроде оружейной...

Бросив взгляд в сторону, киммериец заметил окно, более чем неуместное в подземном поме-

щении. Окно как окно, представляющее собой вытянутый полукруг, обрамленный вытянутыми же лепестками. Самое обыкновенное, если не считать того, что за ним виднелись неровные ряды каменной кладки вперемежку с землей и чем-то похожим на огромные куски спекшейся смолы.

Вдруг в глубине темного подтека сверкнуло что-то блестящее. Варвар приблизился и, поднеся поближе шипящий факел, нагнулся. Взору его предстал узорчатый гребешок из темного золота и высохшие пальцы, судорожно вцепившиеся в него. Длинные ярко-красные ногти и тоненькие колечки с разноцветными камушками говорили о том, что хозяйке гребешка была вовсе не безразлична ее внешность.

Жалость не была особенно частой гостью в сердце киммерийца, но даже его впечатлило увиденное.

Неприятно должно быть уходить на Серые Равнины вот так внезапно, с не до конца расчесанными волосами.

Мысленно произнеся короткую молитву, которой в их деревне провожали усопших, Конан отправился дальше.

Вскоре, варвар обнаружил, что дыра в стене одного из залов ведет в подземный ход. Одна незадача — некто, его прорывший, ростом был куда меньше киммерийца и значительно уже в плечах. Что ж, не впервой обдирать собственную шкуру, тем более, что другого выхода может и не быть, а из дыры тянет свежим воздухом.

Впрочем, ползти пришлось недолго. Не прошло и четверти колокола, как тесный подземный ход сменился пещерой с гладкими как будто полированными стенами и полом, ровным подобно замерзшему озеру.

Оттуда по гладкому почти отвесному желобу он пробрался в другую пещеру, побольше. Она была совершенно пуста, если не считать кучи серого ноздреватого камня, почти загораживающего выход.

С досады, что придется снова протискиваться подобно малолетнему воришке в кухонное окно, варвар стукнул ногой по этому неожиданному препятствию.

Внезапно то, что казалось прочным камнем, с тихим шуршанием осыпалось вниз, открыв взгляду то, что Конан менее всего был готов увидеть. Перед ним находилось статуя, напоминающая изваяния, которые ему доводилось видеть в саду заморийского вельможи Корруана, любившего ради потехи гостей устраивать в своей резиденции гладиаторские бои. Все находили вкус этого аристократа весьма странным. Скульптуры которые он собирал, изображали существа, находившиеся на грани отчаяния: ребенка-калечку, девушки, оплакивающую возлюбленного (именно мимо этой скульптуры должны были проходить гладиаторы, отправляясь на арену), зверя, издыхающего в капкане.

Неведомый мастер из тусклого темного материала, напоминающего застывшую смолу, запечатлев жуткую и трагическую сцену. Ребенок,

не более четырех лун от роду лежал на земле, в ужасе закрывая ладошками глаза, а рядом, огромный пес пытался прикрыть его своим телом от незримой опасности.

Рядом под слоем не то пыли, не то мелкого песка что-то блеснуло. Конан поднял предмет, оказавшийся серебряным ошейником, по размеру вполне подходящий изваянию пса. Рисунки на тускло поблескивающем обруче напомнили северянину те, которыми пользовались когда-то жители его родной деревни, не владевшие искусством письма.

Разглядывая нацарапанные там фигурки, варвар догадался, что ошейник — знак признательности хозяина за спасение его от волков. Но при чем здесь спасение ребенка? И к тому же, если бы волкодав собирался обороняться от стаи хищников, поза его была бы совсем другой. Здесь же пес как будто пытался защитить своего маленького хозяина от дождя. Или от чего-то гораздо более опасного, чем дождь.

Конан, за свою жизнь успевший повидать многое гораздо более страшного и трагического, чем выпало бы на долю десятка обычных людей, вдруг ощутил, как холодная дрожь пробегает у него по спине.

Кажется, хауранец, с которым они пару лун назад на двоих осушили бурдюк душистого вина из Кироса, не зря болтал про великую силу искусства.

Но почему от простого удара его ладони субстанция, казавшаяся камнем, так легко осыпа-

лась вниз? Конан нагнулся. Взял шепоть. Раster между пальцами. Понюхал. Сомнений не оставалось — это был пепел, слежавшийся от времени.

* * *

Поток свежего воздуха становился все сильнее. Направляясь ему навстречу, киммериец миновал еще несколько пещер. В одной из них он увидел такую же гору серого пепла, скрывающую под собой скульптуру. Движимый любопытством, варвар уже привычно слегка хлопнул ладонью по ноздреватой поверхности.

Скульптура оказалась не такая, впечатляющая как та, первая. Всего-навсего старик, пытающийся убежать от неведомой опасности и застигнутый в миг последнего отчаянного усилия. В следующей пещере несколько фигур были открыты для глаз, но выглядели незаконченными, как если бы скульптор разочаровался в своей работе, едва начав. Лошадиная голова, что-то по очертаниям напоминающее скорченную человеческую фигуру. Но во всех них было что-то столь же жутковатое, вызывающее желание как можно скорее убраться отсюда, по возможности не оглядываясь.

В конце узкого прохода, стены которого покосились окаменевшими ракушками, слабо забрезжил свет. Вскоре свет факела стал лишним и варвар без сожаления расстался с ним, мощным движением загнав половину рукоятки в трещину, протянувшуюся от пола до потолка.

Скоро он выберется отсюда, а потом вернется и продолжит поиски того, ради чего он задержался в этой странной деревушке. В той части подземного помещения, которую варвар успел осмотреть, не нашлось ничего, хоть отдаленно напоминающего колдовской предмет. Ни книги в потемневшем кожаном переплете, ни чаши, покрытой непонятными письменами, ни даже посоха или чем там еще пользуются маги в своем ремесле.

Значит, эта вещь находится где-то еще, только и всего.

И рано или поздно он непременно до нее доберется.

* * *

Дыра, из которой вниз падал луч света, находилась на головокружительной высоте. Сама пещера на этот раз напоминала изнутри Башню Молчания, откуда варвар должен был по поручению некого влиятельного лица похитить сто двадцать девятую жену султанапурского наместника. Бедняжка была обречена медленно угаснуть в четырех стенах, не видя ни одного человеческого лица... Варвар взялся за это поручение и не только из-за щедрой награды. Ему претила сама мысль о том, что полная жизни молодая женщина должна была лишиться радостей жизни лишь потому, что так захотелось какому-то вздорному старику. И варвар дал себе зарок, проникнув внутрь, первым делом старательно

утешить несчастную, которая несколько лун была насильственно лишена мужского общества. В результате не только все узники оказались на свободе — но перестала существовать сама башня, одним своим видом наводящая ужас на жителей города.

Но к величайшему разочарованию киммерийца, спасенная не отличалась ни молодостью, ни красотой. Более того, характер ее был далек от того, чтобы называться легким и покладистым, а слова сыпались из ее рта подобно просу из разорванного мешка. Кажется, для заказчика это явилось не меньшим сюрпризом...

Но в Башне Молчания к каменным стенам изнутри прилепились лестницы и подобие ласточкиных гнезд, служившее обиталищем тем, кто имел несчастье вызвать гнев наместника. Но здесь, чтобы добраться до отверстия, ведущего наружу, требовалось по почти отвесной стене преодолеть расстояние, не меньшее чем высота крепостной стены в Заминде.

Но Конан привык преодолевать и не такие препятствия. В суровых горах Северной Киммерии, где прошли его детские годы, по горам начинали лазить, едва покинув колыбель. Подросшие дети, разыскивая пропавший скот или охотясь вместе со старшими, способны были залезть на самую немыслимую высоту, несмотря на холод и пронизывающий ветер. И никто не считал такое чем-то особенным.

Варвар решительно полез наверх, отыскивая малейший выступ, который бы мог послужить

опорой, прилипая к неровной каменной поверхности подобно дарфарскому плющу.

Несколько раз рука его соскальзывала с камня, оказывавшегося неожиданно скользким, и лишь благодаря своей необычайной ловкости киммериец не свалился вниз, и не разбился о пол пещеры. Примерно на середине путь варвару преградила россыпь больших, с голову взрослого человека, удивительно прозрачных кристаллов, поражавших удивительной правильностью формы.

В другое время Конан не оставил бы здесь такую диковину, хотя бы потому, что любил все, что радует глаз, а в особенности драгоценные камни. Но теперь он думал лишь о том, что об их острые грани легко порезаться, а ноги с гладкой поверхности могут и соскользнуть.

Пробормотав сквозь зубы несколько излюбленных проклятий, он направился левее. К счастью, выступы светлого песчаника оказались более приспособлены, для использования их в качестве лестницы. На камне то тут то там виднелись то намертво прилипшие морские ракушки, то отпечатки скелетов непонятных созданий, напоминающих скорее не живших когда-то существ, а на кошмары пиктского шамана, объевшегося кореньев туманящих рассудок.

Не успел киммериец подумать, что отдых сейчас был бы вовсе не лишним, как за нависающим выступом взору его предстало нечто совершенно неожиданное. Балкон, точнее, угол его, торчащий из стены пещеры. Ни рядом с балко-

ном, ни чуть дальше не было видно никаких следов человеческого пребывания: как будто по воле неведомого чародея балкон сам собой начал вырастать из толщи камня. Или как будто камень поглотил дворец или особняк, оставив снаружи лишь уголок, где мог бы с трудом поставить обе ноги человек занимающий место гораздо меньшее Конана. Но киммериец решил не тратить понапрасну время, теряясь в бесплодных догадках. Нашлось место для того чтобы переходнуть — вот и хорошо. Тем скорее он окажется снаружи.

* * *

Когда он, наконец, выбрался из пещеры, солнце уже клонилось к закату. Конан стоял посреди горного склона, покрытого той же непонятной субстанцией, напоминающей застывшую смолу. От тусклой темной поверхности не отражался ни один солнечный луч; как будто едва коснувшись, они пропадали в ее толще. Здесь не росло ни единого дерева, ни единой травинки. Однажды покинув эти места, жизнь не спешила сюда возвращаться.

Конан сразу понял, где находится: это была та самая Гора Скорби, о которой говорил старейшина. Оказалось что она цепью подземных переходов связана с потайным помещением в скале Змеиные Зубы.

Варвар поднялся на ноги и внимательно огляделся. Далеко внизу расстилались бесконеч-

ные пески. В стороне полуночного заката почти на самом горизонте виднелась граница черного и ослепительно-белого песка, четко как будто проведенная кисточкой писца. Похоже, даже бушующие в этих краях песчаные бури оказались не в силах разрушить эту границу.

В противоположной стороне на горизонте угадывалось неясное пятно — чахлая рощица, за которой располагалась деревня.

Чуть дальше в сторону восхода — еще одно, поменьше — скала Змеиные Зубы. Именно такой длинный путь он проделал сегодня под землей, перебираясь из одной пещеры в другую в поисках колдовского предмета, обладающего невероятной силой.

Конан был не тем человеком, который бросил бы задуманное на полдороге, но после такого полного событий дня, даже могучему варвару требовался отдых, да и желудок настоятельно напоминал о том, что со времени последней трапезы прошло немало времени.

Самое время вернуться в деревню и хорошенько набраться сил.

Киммериец принял осторожно спускаться, что оказалось не так-то просто даже для него, выросшего в горах.

Склон, стоило сделать всего несколько шагов, оказался скользким подобно весеннему льду, кроме того, кое-где на темной поверхности виднелись трещины, края которых, казалось, были острой лезвия меча. У подножия виднелось углубление, заполненное удивительно прозрачной

водой. Крохотное озерцо было достаточно большим, чтобы Конан смог там выкупаться, но здравый смысл удержал варвара от этого неразумного поступка.

Откуда взяться воде здесь, посреди пустыни, где вода последний раз падала с неба, наверное, еще во времена Ахерона?

Когда ноги его, наконец, ступили на песок, нагревшийся за день и обжигавший даже сквозь подошвы, солнце уже ощутимо клонилось к закату.

Быстрым шагом, насколько это возможно, когда под ногами ненадежный зыбучий песок, киммериец направился в сторону деревни.

До Змеиных Зубов осталось совсем недалеко, и Конан вдруг почувствовал желание еще раз взглянуть на женщину, которая с завидным упорством наводит там чистоту.

Чем-то она разительно отличалась от остальных местных жителей. Может быть искорками любопытства в глазах или грацией, которой все прочие здесь были обделены. И вообще, кто может помешать варвару повидать ту, которая ему приглянулась?

Разумная предусмотрительность побудила его обойти скалы на расстоянии нескольких полетов стрелы, после чего киммериец осторожно приблизился к хижине.

Оттуда раздавались голоса и судя по всему, там ожесточенно спорили. Голос женщины, который он слышал впервые, показался ему мелодичным и приятным для слуха. Собеседника же

он узнал сразу. Это был старейшина Рехаур, который не так давно посоветовал уважаемому гостю не тревожиться из-за таких пустяков как разгуливающее по ночным улицам чудовище и который устроил все это представление сегодня утром.

Варвар замер, прислушиваясь.

— Твоя лень и беспечность чуть все не погубили! Разве ты не должна была осмотреть священную площадку после того, как удалится последний человек?

— А ты думаешь, легко было целую ночь готовиться к явлению богини? Я работала до самого рассвета и у меня всего одна пара рук! Только подготовка священных зеркал заняла не менее трех колоколов, я уже не говорю о певучих нитях, которые требуют пищи и о дарах богини, которые должны появиться на обычном месте...

— Потише, потише! Что ты так раскричалась! Еще услышит кто-нибудь! Скажи, а чужака, ты здесь не видела? Думаю, он должен был забрести сюда.

— Я ничего не вижу кроме этого проклятого песка и своей метелки! И ничего не слышу кроме шума ветра. Говорят, там, далеко, люди живут в городах и воды у них достаточно. И никто не проводит жизнь в ожидании той, которой нет дела ни до кого из смертных!

— Опять ты повторяешь эти глупые небылицы, Нифата! — Голос старейшины сделался необычайно серьезен. — Разве ты недовольна, что происходишь из семьи, отмеченной свыше? По-

думай — твоя мать, бабка и те, кто жил до нее, служили богине. Ты — единственная жрица, это ли не великая честь? С чего ты взяла, что мы обманываем людей? Только из того, что богиня являет людям свой лик с твоей помощью?! А кто направляет тебя, когда ты полируешь зеркала, отражающие ее, разве не она? Впрочем, если недовольна — можешь уходить прямо сейчас, но гнев богини настигнет тебя, как и тех, кто пытался это сделать до тебя. Разве я не рассказывал тебе о несчастных, кто пытался покинуть место, пред назначенное свыше? Каждый рожденный должен всю жизнь оставаться там, где появился на свет. Я много зря повторяю тебе это, упрямица!

— Да, я слышала эту историю много раз: они погибли в пустыне и в пасти чудовища...

— Истина не тускнеет от повторения. Еще это случается с теми, кто ропщет на свою судьбу. Это касается и ложа, которое ты должна разделить с моим сыном. Подумай, я заменил тебе родителей, воспитал в собственном доме... И к тому же пришла пора подумать о дочери, которой ты передашь свое умение.

— Но в прежние времена жриц Ушедшей было больше чем пальцев на двух руках, а теперь мне приходится все делать одной!

Из своего укрытия Конан хорошо видел как старейшина, ничего не ответив, выбрался из хижины. Женщина осталась внутри. Насколько киммериец понял, молодая жрица пребывала в глубокой печали, ставшей для нее привычной.

— Всякий раз одно и то же, одно и то же — тихонько повторяла она. — Я как зверь, попавшийся в ловушку.

— Из всякой ловушки можно выбраться, если как следует захотеть, — ответил Конан, появляясь в дверях. — Судьба каждого в его руках. И благодарю, что не рассказала о том, что видела.

Нифата, единственная жрица Ушедшей, испуганно взметнула голову и тут же крепко прижала ладонь ко рту, чтобы сдержать невольный крик. Справившись с испугом, она жестом привлекла киммерийца войти.

— Я ждала тебя, чужеземец, — тихо произнесла она, — ты снился мне. Ведь ты пришел оттуда, где люди живут в больших городах? Они там счастливы?

— Ну, это когда как.

— Кто ты? Как твое имя?

— Я Конан из Киммерии. — улыбнулся варвар и сощурил синие глаза. — Значит, ты хочешь сбежать отсюда? Мне тоже порядком здесь надоело, можем отправиться хоть сейчас. Но перед этим мне нужно найти одну вещь. Без нее я не могу уйти. Ты ведь знаешь все, что таится в этих подземельях?

— Нет. Говорят, чтобы обойти их все, недостаточно будет и нескольких лун, а еще там есть этажи, уходящие глубоко вниз... Но какую вещь ты имеешь в виду?

— Должно быть, тебе говорили, что ее следует хранить от посторонних, что в ней заключена часть божественной сущности.

— Если бы такая вещь существовала, мне это было бы известно. Может быть, это статуя богини или зеркало, но они точно так же отражают любой предмет, оказавшийся между ними... Ты это знаешь не хуже моего.

— Скажи, что это был за дворец? — поинтересовался варвар.

— Задолго до начала времен, — начала молодая женщина, полузакрыв глаза и прислонившись к стенке своего жилища, — здесь жили люди, которые считали, что сила разума способна сделать их равным богам и даже возвыситься над ними. Они были способны летать по воздуху подобно птицам, проводить долгое время под водой, согласно собственному желанию изменять свою и чужую внешность. Царь покровительствовал им и всегда был рад видеть их в своем дворце. В конце концов, их обуяла гордыня — они решили, что больше нет необходимости поклоняться богам и перестали возводить капища, творить обряды и приносить жертвы. Храм же богини, покровительствующей городу, был разрушен и на его месте возвели непотребный дом... Правда, я не знаю, что это такое, — прервала себя Нифата, — должно быть, место, где предаются неподобающим размышлением.

Конан поспешил нагнуться, сделав вид, что рассматривает узор на коврике, покрывающем песчаный пол.

— И Богиня-без-Имени покинула их, — продолжала жрица. — На единственном камне, оставшемся от ее храма, сама собой простила

надпись. Там говорилось, что она вернется и снова возьмет людей под свое покровительство лишь после того, как те проведут много зим в смирении и раскаянии. Но остальные небожители рассудили иначе. Гора, на склонах которой располагался город, изрыгнула жидкое пламя, в котором и погибли все, дерзнувшие бросить вызов богам. Земля расступилась и поглотила царский дворец, давший им приют. По странному капризу, нетронутыми оказались лишь дворцовые кладовые.

— А еще изваяния, — неожиданно вспомнил Конан — Броде статуи как статуи, а посмотришь — сразу делается не по себе.

— Это не статуи, — воскликнула Нифата. — Это люди, которых коснулся божественный огонь. Я тоже видела их.

— Самого скверного ты к счастью не видела — тихо произнес Конан, вспомнив о громадной собаке, пытавшейся спасти ребенка. Если бы его собеседницей не была женщина, он бы с удовольствием сообщил все, что думает о таких богах. — А та женщина с золотой расческой, чья оторванная кисть до сих пор сжимает гребень, — она-то в чем провинилась?

— Я не видела ее сама, только слышала, что говорили другие. Не знаю, в предании сказано, что царица была сильна в Искусстве Чисел. И хотела рассчитать, с помощью цифр, миг смерти Великих Богов. И те взъярились за такую дерзость, и обрушили на смертных свой гнев... А затем эти земли поглотило море. Когда же оно

ушло, песок на месте исчезнувшего города оказался черным в память о людской неблагодарности. Оставшиеся же люди должны смиренно ожидать возвращения богини... Только это все неправда!

— Неправда? Почему ты так решила?

— Потому что это не богиня является людям, это делают зеркала, а дары ее — то, что я приношу из кладовой дворца. Здесь никто не шьет одежду и не изготавляет никаких вещей, разве ты не заметил? Все ждут, когда нужное само появится у них... Путники, которые когда-то были здесь, рассказывали, что за краем пустыни люди живут совсем по-другому. Я не хочу провести здесь всю жизнь, подобно собаке на привязи! И не хочу восходить на ложе к этой ленивой ящице — сыну старейшины! Пожалуйста, забери меня отсюда!

— Постой, с дворцом все ясно, а что за чудовище бродит у вас по ночам?

— Никто его не видел. Все только знают, что оно пожрет любого, кто попадется ему на глаза, а взгляд его лишает способности двигаться... О боги, уже темно, ты не сможешь попасть в деревню до утра. Но будет ли правильно, если ты туда вернешься? Ведь тебя уже хватились.

— Еще как правильно! — воскликнул Конан, раздосадованный тем, что колдовской предмет, поискам которого он посвятил столько времени, как оказывается, существовал лишь в его воображении. По крайней мере, он должен выполнить обещанное и умертвить зверя, который на-

водит ужас на деревню. Тогда никто не сможет упрекнуть Конана из Киммерии, что он тайком сбежал, не отплатив за гостеприимство и кровь.

— Пожалуйста, не делай этого, — воскликнула Нифата, вскакивая со своего места. — До тебя тут появлялись путники, которые тоже не верили услышанному, а утром стражи нашли их мертвыми. Всех до единого.

— Ну это мы еще посмотрим, — пробормотал про себя Конан, а вслух добавил. — Ты не одолжишь мне одно из твоих зеркал? То, которое в форме щита?

— Нет, ведь для этого нужно выходить из дома, а чудовище может забрести и сюда! Может быть, подойдет вот это? — И Нифата, порывшись в сундуке, сплетенном из тоненьких прутиков, извлекла блюдо из полированного металла. — Я поняла, что ты задумал: взгляд чудовища, отразившись, поразит его самого!

— Ты на редкость сообразительна, — усмехнулся киммериец. — А куда подевались остальные служительницы богини?

— Многие умерли еще до моего рождения, остальных засыпало камнями, скатившимися с Горы Скорби. Меня в тот день послали в селение за пищей. Когда я вернулась, нашего дома уже не было... — голос жрицы задрожал.

— Да, печально, — торопливо произнес варвар, не выносивший зрелища женских слез. — Но в деревне есть и другие женщины, почему бы не взять их в помощницы?

— Ты не понимаешь наших обычаев, чужес-

транец. Они не смогут прислуживать в храме, потому что — они иные. А кроме того, это бы нарушило заветы Ушедшей и было бы неправильно.

— Ну, неправильно так неправильно. Слушай, Нифата, я сейчас прогуляюсь в селение. Там я закончу кое-какие дела, а потом вернусь и заберу тебя отсюда. Я обещаю! Кстати, чуть не забыл, одолжи-ка мне еще дорожный мешок, может быть боги будут милостивы к нам и мне удастся запастись съестным...

И не слушая дальнейших уговоров, он взял мешок, положил в него металлическое блюдо, споро проверил меч и выскользнул из дома.

* * *

Домик жрицы был освещен лишь пламенем от крохотной жаровни, но даже после ее неяркого света в первый момент варвару показалось, что снаружи царит непроядный мрак. Некоторое время он неподвижно стоял, давая время глазам привыкнуть к темноте.

Конан крадучись двинулся к деревне, скрываясь за низкими кривыми деревьями и песчаными холмами. Осторожность и здравый смысл подсказывали ему, что не стоит привлекать к себе лишнего внимания, во всяком случае, раньше, чем это будет необходимо.

Когда темные силуэты домов были уже на расстоянии полета стрелы, варвар ощутил чье-то присутствие, а затем до него донесся еле слышный звук дыхания и легких шагов. Варвар дога-

дался, что это несут караул знакомые ему стражи. Странно, но на них почему-то не распространялся запрет не выходить на улицу с наступлением темноты.

Оставив стражей за спиной, он нырнул в тень, которую отбрасывал один из крайних домов, а затем и в само жилище.

Это было одно из тех заброшенных строений, в которых давно никто не жил. Нырнув внутрь, киммериец устроился так, что, будучи невидимым с улицы, он мог беспрепятственно следить за тем, что творится снаружи.

Взошла луна и наблюдать за улицей стало куда удобнее. Прошло еще не менее половины колокола, прежде чем до слуха варвара донеслось шуршание подобное тому, которое издает змея, проползая по каменному полу. Звук, вначале еле слышный, становился все громче, вскоре перед изумленным взором Конана предстало существо его издающее.

По спящей деревенской улице проползло нечто, напоминающее гигантскую виноградную улитку вроде тех, что в изобилии водятся на склонах Кезанкийских гор.

Но в отличие от своих обычных собратьев, эта не уступала размерами взрослому мужчине. Вдобавок, морда существа в неверном свете луны показалась варвару удивительно похожей на человеческое лицо. Создание не выглядело опасным: оно не имело ни когтей, ни клыков, и, судя по всему не могло даже быстро передвигаться. Но киммериец за свою жизнь повидал нема-

ло странных тварей, и это приучило его тому, что облик часто может быть обманчивым.

Конан незаметно покинул свое убежище. Стارаясь держаться в тени с той стороны, чтобы ветер не донес его запах, варвар последовал за чудовищем.

При движении тело гигантского моллюска колыхалось и по нему проходили волны. Конан усмехнулся — уж очень эта тварь напоминала бурдюк с вином, который непонятно с чего вдруг раздулся до невиданных размеров и выполз на поиски своего хозяина.

Голова жуткого создания и в самом деле была человеческой, с женскими чертами, в которых угадывалась породистость — такое лицо могло бы принадлежать знатной даме из богатой семьи. Но портило впечатление то, что лицо было лишено хоть какого выражения и напоминало гипсовую маску. То, что издали показалось Конану раковиной улитки, на самом деле было уродливым горбом, покрытым крупными чешуйками. Посредине виднелось подобие гребня из подрагивающих и беспрестанно шевелящихся усиков.

Существо остановилось, поворачивая голову из стороны в сторону, как бы принююхиваясь. Вдруг из изящно очерченного рта высунулся длинный как у ящерицы язык и слизнул с земли брошенный кем-то кусок хлеба.

Точно так же непонятное создание поступило с горкой овощных очисток, съев их с явным удовольствием.

Внезапно откуда-то раздался еле слышный звук, похожий на свист и шипение одновременно. Вздрогнув всем телом, гигантская улитка повернула в другую сторону.

Судя по тому, как раздувались и опадали его бока и шевелился «гребень» на спине, существо торопилось изо всех сил. Даже на лице, напоминавшем маску, простило выражение напряженного ожидания. Заинтересованный, Конан не отставал, стараясь держаться как можно незаметнее.

Чудовище ползло не куда-нибудь, а прямиком к дому Рехаура.

Конан увидел, что старейшина собственной персоной стоял на пороге, прижимая ко рту небольшой металлический предмет, оттуда и доносился странный звук.

Чудовище подползло почти вплотную к порогу и замерло, с обожанием глядя на него, как пес смотрит на хозяина. Рехаур ногой подтолкнул к чудовищу деревянную бадью, полную отбросов. Существо наклонило голову и зачавкало, издавая переливчатое мурлыканье. Закончив, оно выпростало огромный язык, пытаясь лизнуть старейшину, но тот брезгливо отпихнул животное и, забрав посудину, скрылся за дверью своего дома. Оставшись в одиночестве, существо понюхало дверь, а затем с печальным, почти человеческим вздохом двинулось в обратном направлении.

Варвар ощущил гнев, смешанный с разочарованием. И вот эта тварь, которую кормят отбро-

сами, словно свинью, и есть то самое чудовище, которым его пугают с самого начала! Хорошо же, сейчас он проучит этого лжеца! Сладкоречивый плут узнает, как морочить голову киммерийскому варвару!

У Конана была еще одна причина поближе познакомиться с жилищем старейшины. Еще во время своего прошлого визита он приметил, что рядом с домом находится небольшой амбар в котором, по-видимому, хранились съестные припасы. Мало того, что варвар был голоден, но еще было бы неплохо запастись припасами в дорогу.

Чутье не подвело его и на этот раз: в крохотном строении отыскались круги козьего сыра, вяленые фрукты и зерно. Наскоро утолив голод, киммериец набил доверху дорожный мешок и закинув за плечи добычу, направился вслед за чудовищем.

Догнать его не составило труда; существо едва успело доползти до конца улицы. Но вдруг со стороны пустыни послышался шум и вдалеке показались низкие фигуры двух стражей, которых киммериец так ловко провел, проникнув незамеченным в деревню.

Странное существо не вызвало у них ни малейшего удивления, один из стражей, проходя мимо, даже слегка пнул его ногой. Никак не ответив ему, огромная улитка с жалобными вздохами поползла дальше.

Киммериец стиснул зубы: воистину боги решили сегодня испытать его терпение. С утра он вынужден был наблюдать за тем, как с помощью

горючей жидкости и зеркал дурачат селян; потом скитаться по сырым подземельям в поисках несуществующего магического предмета; к концу дня вместо чудовища с которым не зазорно и сразиться, перед его глазами предстает какое-то странное создание, явно не опаснее поросенка. И наконец эти косоглазые карлики, которые заставили его побегать по песку, пугая неведомой опасностью теперь глумятся над беззащитной тварью.

Конан почувствовал сильнейшее желание настигнуть наглеца и переломать ему ноги.

Но поднимать шум не следовало и киммериец усилием воли сдержал порыв. Но отпускать просто так удивительное создание не следовало и Конан, чтобы оставаться незамеченным для стражей легко запрыгнул в пролом в стене заброшенного дома, а затем, выскочив с другой стороны, оказался на улице перед лицом чудовища.

От неожиданности оно отпрянуло, от чего по поверхности тела моллюска пробежала волна, и замерло в нерешительности.

Северянин выудил связку вяленых фруктов и протянул непонятному существу. Длинный темный язык выскользнул из рта и мгновенно втянулся угощению.

— Неплохо, — одобрил Конан, — похоже нам удалось найти общий язык. А что ты скажешь вот об этом?

Он протянул кусок сыра.

Сыр отправился вслед за фруктами.

— Эге, да похоже тебя морят голодом, — пошутил варвар, — ну что, у старого мошенника хранилось немало припасов, поэтому думаю я могу угостить тебя на славу. Он опорожнил большую часть своего мешка, предусмотрительно оставив немного для себя и девушки.

— Ну вот и все, — подмигнул он улитке, — больше дать не могу, уж прости. Впереди еще неблизкий путь, а возвращаться к дому старейшины мне не с руки — могу напороться на стражей. Свернуть им шею это пара пустяков, но было бы нехорошо так отплатить этим несчастным за то добро, которое они для меня сделали. В конце концов, ведь это именно они вызволили меня из песков.

С этими словами он развернулся и направился к Змеиным Зубам. Пора, наконец, передохнуть и решить, что делать дальше. Тем более, что он обещал вернуться, а обещание в большинстве случаев следует исполнять.

Но гигантская улитка с женским лицом не пожелала отставать от него. Она упорно продолжала ползти за ним, торопясь изо всех сил и почти по человечески повторяя «ах-ах-ах». Стражи, караулившие деревню, не обратили на нелепое создание никакого внимания, Конан же, как всегда, сумел их внимания избежать.

Перед самыми скалами киммериец остановился, обернулся и пробурчал:

— Ну и чего тебе от меня нужно? Я честно поделился тем, что у меня есть. А теперь оставь меня в покое и ползи в свою нору!

— Ах-ах-ах, — попыталось что-то ответить чудовище — ннет... кр-р-р...

— Как это нет? — возмутился северянин. — И на что ты мне сдалась? Да и кто ты вообще? Не будешь же ты утверждать, что на самом деле заколдованная принцесса? Даже если и так, мне как-то неохота с тобой возиться. Пусть тебя расколдовывает кто-то другой.

Сказав это, Конан мягко переступил с ноги на ногу, а затем совершил прыжок в сторону. Улитка беспомощно завертела головой, но варвар уже шагал между скал, радуясь что ему на конец удалось отделаться от нелепого и назойливого создания ...

* * *

В крохотном домике, прилепившемся к скале, слабо светилось окно. Варвар, отдавая дать предусмотрительности, прежде чем войти, бросил взгляд в щелку между стеной и занавеской, заменяющей дверь.

Засады и прочих неприятных сюрпризов не предвидилось. Оставшись в одиночестве, жрица ушедшей богини принялась собирать вещи, чем и занималась до сих пор.

Увесистый мешок, тugo набитый, судя по всему, самым необходимым, стоял у стены. Во второй перекочевывало содержимое плетеного сундука.

Заслышиав шум, женщина подняла голову и улыбка озарила ее лицо.

— Ты вернулся, хвала Ушедшей!

— Ну да, — буркнул Конан. — Я же обещал вернуться, вот и вернулся, что в этом такого? Не знаю как ты, а я голоден настолько, что соожрал бы целого элефантуса, попадись он мне сейчас. В деревне я наскоро перекусил, но сейчас не отказался бы от повторения. Кстати, я тут принес кое-что подкрепиться. У тебя здесь найдется вино или хотя бы вода?

— Есть вода, вот. А что такое элефантус? Его едят?

— Ну, вообще-то нет. Потом объясню.

В мгновение ока середина крохотной комнатки оказалась застелена куском шелковой ткани, а на ней расставлена серебряная посуда, украшенная чеканкой и драгоценными камнями. Овальное блюдо, две тарелки, два небольших кубка, даже двузубые вилки, как в доме самого утонченного аристократа. Прямо на импровизированную скатерть Нифата выложила стопкой лепешки из плотного серого теста, выпекавшиеся здесь вместо хлеба.

Конан вывалил на блюдо свою добычу, которая существенно уменьшилась после встречи с улиткой.

На краткое мгновение перед его мысленным взором промелькнул стол, за которым эта женщина и пятеро мальчишек, похожих на него и на нее. Охота была удачной, он принес целого оленя... Но видение исчезло так же быстро как и появилось. Все время сидеть на месте, да еще и связав себя с одной женщиной — нет, такая

жизнь не для него! Может быть, когда-нибудь потом...

В разгар трапезы занавеска, заменяющая дверь заколыхалась и послышался визгливый женский голос:

— Ах-ах-ах... иннет.

Занавеска отодвинулась в сторону и в домик просунулось сперва прекрасное женское лицо, затем безволосая голова с парой беспрестанно шевелящихся усиков на длинной шее, и, наконец, половина туловища, напоминающего полупустой винный бурдюк. Из капризного женского ротика высунулся длиннющий синеватый язык и слизнул с блюда здоровенный кусок сыра.

— Кр-р-р, — прошелестело существо, — ах-ах.

Нифата испустила пронзительный визг и отскочила к стене.

Барбар поспешил прикрыть рот девушки рукой. Воспользовавшись паузой, чудовище успело поживиться куском вяленого мяса.

— Тише, тише, не бойся. Это и есть то самое чудовище, но мы, можно сказать, с ним теперь приятели. Гораздо лучше подружиться с кем-то, чем его убивать. Кстати, возьми назад свое блюдо, как видишь оно мне не понадобилось. Между прочим, вот это создание кормит не кто иной, как ваш старейшина...

— Чем? — удивленно спросила Нифата, отодвигая держащую ее руку. — Она кажется совсем голодной.

— Ну, по всему видно, он держит ее впроголодь. А, ты спрашиваешь *чем* кормит? Да так, —

всякими отбросами. А жителей вашей деревни — байками о чудовище, из-за которого якобы нельзя покидать дом после заката. А на самом деле оно совсем безобидное... Вот посмотри.

И, скорчив зверскую рожу, варвар замахнулся на существо, почти заполнившее внутренность домика своей тушей. Медузообразное тело заколыхалось, а из глаз хлынули слезы.

— Что ты делаешь?! — немедленно набросилась на него Нифата и голос ее задрожал, — зачем ты пугаешь это существо. Разве ты не видишь, оно тебя боится... Ах ты, бедненькая, на вот, поешь еще... Знаешь что, а давай возьмем ее с собой.

— Вот еще что удумала! — возмутился в свою очередь киммериец. — Сама посуди, мы же о нем ничего толком не знаем, — поспешил добавил он, увидев, что девушка опять готова расплакаться, — а вдруг оно не выносит солнечного света...

Темно-синий язык прошелся по щекам Нифаты, а затем осторожно коснулся руки Конана.

— Она такая ласковая, — умилилась жрица.

— Ах-ах-ах, — подтвердило жутковатое создание.

* * *

Терпение киммерийца, испытывавшего величайшее отвращение ко всякого рода жульничеству, подвергалось тяжелому испытанию. Внезапно он почувствовал, как будто внутри него со

звоном оборвалась тетива немедийского лука. Он больше не мог выносить, чтобы на его глазах так бессовестно дурачили людей. Решение также не заставило себя ждать.

— Скажи мне, — спросил он после некоторого раздумья, — когда и каким образом попадают к вам дары богини? То есть то, что считается ее дарами.

— Они появляются прямо посреди площади на рассвете, на следующий день после явления богини. На самом деле одна из плит опускается и вместо нее поднимается другая, с дарами... Ой, я забыла, я уже должна быть там!

— Ничего страшного, до рассвета еще далеко. Я отправлюсь вместе с тобой. Вместе с дарами богини твои соотечественники получат возможность делать то, что считают нужным. А затем мы уедем отсюда, клянусь Кромом!

Когда они вышли из домика, небо уже стало светлеть, а воздух был полон предутренней прохлады, являющей собой такой разительный контраст с дневной жарой. Чудовища рядом уже не было.

Жалобно охая, оно улепетывало прочь с быстротой, казавшейся немыслимой для этого грузного тела; явно солнечные лучи были ему не по нраву.

Но Конану и его спутнице было уже не до него.

Жрица подбежала к площадке из белого камня и трижды топнула своей немаленькой, как и у всех местных жителей, ножкой на самой ее границе, там, где в темном камне змеилась чуть

заметная трещина. Камень, находящийся в нескольких шагах к восходу от пещеры, слегка отодвинулся, освобождая проход.

— И сколько же здесь ходов? — подивился Конан, ныряя в подземный сумрак вслед за девушкой.

— Не знаю, — ответила та, — мне ведомы только четыре.

Найдя и засветив плошки, где в жиру плавал крохотный фитилек, они направились по узким коридорам, извивающимся подобно зингарской гадюке. То тут, то там в стенках виднелись ниши или боковые ответвления, откуда тянуло холодным сквозняком. Из темноты одной из ниш раздавалось уже знакомое Конану мелодичное позвякивание, сопровождаемое шуршанием и постукиванием маленьких коготков.

— Что там такое? — поинтересовался киммериец.

— Существа, которые мы называем Поющие Нити, — спокойно ответила девушка. — Тебе их лучше не видеть.

Пройдя еще несколько коридоров, они оказались в том самом подземном зале, где кучами были сложена одежда и утварь.

— И что же ты всякий раз таскаешь эти тяжести? — изумился варвар. — Ну, хорошо, женщины из деревни не годятся в подручные, так пусть тебе хоть стражи помогут. А то шатаются целыми днями без дела.

Присев на одну из куч, девушка засияла смехом.

— Они тем более не годятся, — произнесла она, наконец. — Они мужчины, а мужчины в святилище богини — это неправильно... Ну, ты — другое дело, — поспешило поправилась она.

— Ну, ясно, эти не годятся, — хмыкнул Конан — Им только паясничать под силу или сторожить солнце, чтобы ненароком не укради.

Между тем Нифата зашла в дальнюю нишу и, оставив в ней светильник, принялась перетаскивать туда вещи. Приблизившись, Конан увидел нечто вроде большой лодки, вытесанной из серого камня. Лодка стояла на тусклом поблескивающих металлических полосах, уходящих куда-то в темноту.

— Люди, которые жили раньше, многое умели, — заметила последняя жрица. Это тоже сделано ими.

Сложив в подобие лодки «подарки богини», она забралась туда же, жестом пригласив киммерийца последовать ее примеру.

— Держись крепче и ничего не бойся, — чуть лукаво произнесла она.

Не успел варвар возмутиться и сообщить, что в мире существует не так уж много вещей, способных вызвать у него хотя бы тень страха, как все вокруг пришло в стремительное движение. Диковинная лодка неслась по подземному желобу так же легко как капелька росы по листу травы-ножа, произрастающей в Пограничном королевстве.

Через некоторое время движение замедлилось, а затем и прекратилось вовсе. Конан огля-

делся. Насколько можно было судить, они находились в очередном подземном помещении, правда, именно это выделялось очень низким потолком. Даже миниатюрная Нифата, выбравшись из лодки, едва не доставала до него темением.

— Над нами площадь, — пояснила она. — Если ты не раздумал раскрыть людям глаза — то оставайся здесь.

Сказав это, она отошла куда-то в темноту. Раздался металлический лязг и Конан ощутил, что какая-то неведомая сила медленно поднимает его наверх. Когда потолок оказался уже над самой головой, каменная плита перевернулась подобно крышке котла и, слегка задев необычную повозку другим концом, вытолкнула ее наружу.

Прохлада подземелья сменилась жарким дыханием пустыни, ощущавшемся даже здесь, в центре оазиса. Северянин и в самом деле оказался посреди площади, выложенной серыми и розовыми плитами. Откуда-то из под земли раздался голос поющих нитей, заслышив который, на площадь потянулись жители деревни.

Заметив пропавшего гостя, в самой непринужденной позе восседавшего на куче вышивших золотом занавесей, они застыли, с изумлением глядя на него.

Подождав, пока любопытство достигнет накала, Конан встал и начал речь.

— Так уж случилось, что мне довелось побывать в вашем священном подземелье. Я хочу ска-

зать вам, люди, что вы пали жертвой обмана! Ваша Ушедшая богиня не вернется никогда, а вот эти вещи вовсе не ее дары, а всего лишь старые тряпки из кладовой разрушенного дворца. Рано или поздно они закончатся, и что тогда будете делать? А чудовище, которым вас тут пугают, само всех боится. Оно совершенно безопасно и питается отбросами, которыми по ночам его кормит ваш старейшина. Ведь верно, почтеннейший? — посмотрел варвар в сторону понурившегося старца. Явление богини, которое вас так радует — на самом деле просто представление, которым дурачат простаков. В общем, я покидаю ваше поселение, а кто хочет — может присоединиться ко мне, так уж и быть, помогу добраться туда, где живут обычные люди.

Не ответив ни единным словом, жители деревни начали подходить и брать вещи с каменной лодки.

После этого они так же, не издав ни звука, покидали площадь. Какая-то женщина принялась выдергивать расшитую занавесь прямо из под сидящего на ней Конана, как если бы он был простым куском дерева.

— Благодарим тебя, гость, — наконец сказал какой-то старик, — но нам лучше остаться здесь. Не так важно, вернется ли к нам Ушедшая богиня. Просто так будет правильно.

— Да, это так, — подтвердил хозяин дома, где гостили Конан. — Каждый человек должен прожить свою жизнь там, где родился.

Старейшина спокойно наблюдал за происход-

дящим. На лице его не было ни тени злобы или страха.

— Мы были рады оказать тебе гостеприимство, Конан из Киммерии, — важно произнес он наконец. — И будем рады указать тебе обратный путь. Лучше всего тебе отправиться в дорогу прямо сейчас, пока не началась дневная жара. Вот твои вещи, тебе нет нужды возвращаться за ними.

И старейшина указал на юношу, с некоторым страхом держащего перед собой дорожный мешок и клинки, которые варвар принес из разрушенного оазиса.

— А вот — продолжал Рехаур, — знак нашей скромной признательности. Эти вещи так нравятся людям, живущим за границей песка, возьми же их.

Двое юношей с трудом приволокли объемистый мешок, в котором что-то позвякивало. Заглянув внутрь, Конан едва удержался от изумленного свиста — мешок был тую набит золотыми монетами и другими вещицами, более уместно смотревшимися в королевской сокровищнице или в лавке драгоценностей.

— Стражи проводят тебя тем же путем, которым ты пришел сюда, гость. — Надеюсь, ты не сердишься, что к твоим речам отнеслись без должного почтения.

— Что ж, — невозмутимо ответил северянин, — каждый сам волен выбирать свою судьбу. Благодарю тебя, почтеннейший, я нашел более короткий путь.

И легко подняв на плечо мешок, он направился прочь. Вдвоем с очаровательной жрицей они быстрее покинут эти места.

Было бы более чем наивно полагать, что варвар принял на веру сладкие речи главного старейшины. Он разоблачил этого обманщика перед всеми, выдал его главный секрет, а тот лишь с почетом выпроводил, благодушно улыбаясь, да еще и дав с собой мешок золота. Тем более, что в отличие от остальных этот цену золоту знает. Не может быть, чтобы за всем этим не крылся какой-то подвох. Ну что ж, посмотрим — как сказал слепой шулер, обыграв всех в кости.

Несмотря на то, что дневная жара еще не началась, улицы были почти безлюдны. Завидев Конана, все старались уйти в дом или смотрели, как будто не замечали его.

Сворачивая на крайнюю улицу, северянин заметил мальчика, с которым играл в первый день своего пребывания в этой деревне. Высунувшись из пролома в стене заброшенного дома, тот делал ему знаки. Конан приблизился.

— Ты забыл свою монету, чужеземец, — сказал тот, — ты честно ее выиграл.

Но когда северянин нагнулся к нему, мальчишка еле слышно прошептал, испуганно кося глазами по сторонам.

— Будь осторожен, не ходи к Змеиным Зубам. Старейшина Рехаур в гневе. Я слышал, как он велел стражам убить тебя так же как тех, других, которые были здесь до тебя. Он не позво-

лит, чтобы кто-то унес в большой мир нашу тайну. Ведь тогда он лишится власти...

— Спасибо за монету, малыш, — ответил Конан истолкко громко, чтобы его слова долетели до тех, кому вздумалось бы подслушивать. — Я сохраню ее на память о самом искусном игроке, которого когда-либо встречал. — И шепотом добавил. — А теперь беги домой и сиди тихо.

С озорной улыбкой мальчишка исчез в развалинах. Вскоре топот его босых ног послышался уже на соседней улице.

* * *

Если бы Конан был один, может он бы и последовал совету мальчугана, но он не мог нарушить слово. Более того, здравый смысл подсказывал ему, что, оставшись здесь, Нифата подверглась бы неподумаемой опасности. А раз так — нечего терять время в бесплодных раздумьях. Так как они не успели договориться о месте встречи, значит, она ждет его в своем домике или около Змеиных Зубов.

Двое стражей, подкарауливавших его за не высоким барханом, надолго лишились возможности чинить препятствия мирным путешественникам. Один впал в глубокое забытье, когда ему в лоб угодила золотая монета, другой — при таком же тесном знакомстве с изящным серебряным браслетом. Спеленатые собственными рубашками подобно куколкам гусеницы-шелкодела, они перелетели через стену и оказались в

чьем-то дворе. Варвару было зазорно всерьез сражаться с карликами, тем более все-таки он был обязан им жизнью. Когда они придут в себя, он будет уже далеко.

В домике, прилепившемся к священной скале, его ждали. Занавеска была наполовину откинута, а Нифата сидела на пороге рядом со своими мешками. И почему только женщины не умеют путешествовать налегке? — с досадой подумал варвар. — Вечно им нужно брать с собой кучу всякой ерунды. Готов спорить, что в ее мешках не золото и серебро, а какие-нибудь тряпки...

Сделав несколько шагом навстречу, варвар остановился. Что-то здесь было не так, *неправильно*, как принято здесь выражаться. Острые глаза варвара различили, что девушка сидит, как-то слишком выпрямив спину, улыбка ее чересчур натянутая, а жест, которым она манила его к себе, более подходил бы обитательнице улицы разноцветных огней на окраине Шадизара.

— Стой, где стоишь, чужак, — раздался за спиной голос Наира. — Стой или она умрет. И не пытайся дотянуться до своего меча, он тебе все равно не поможет.

Девушка неловко встала и сделала шаг наружу. Взору Конана открылся второй страж, кажется его звали Тофар, прижимающий к ее спине один из своих метательных ножей.

— Интересно у вас провожают гостей, — протянул Конан, старательно подражая голосу удивленного простака, — пожалуй, я обижусь и

никогда к вам больше не приду. Даже не уговаривайте — кормежка у вас никудышная, развлечений никаких...

Не закончив фразы, киммериец сделал стремительное еле уловимое глазом движение. Так и не поняв, что же произошло, оба стража медленно осели на песок.

Из горла каждого торчало по изящной женской сережке в виде цветка.

Нифата, не издав ни звука, рухнула следом. В два огромных прыжка Конан преодолел расстояние, отделяющее его от девушки. Неужели коварный страж успел совершить свое черное дело? Но беспокойство оказалось излишним: жрица просто лишилась чувств. Варвар сгреб ее на руки, внес обратно в домик и устроил на ее лежанку. Воспользовавшись случаем, он развязал один из приготовленных ею мешков. Киммериец был далек от мысли присвоить что-то, принадлежащее молодой жрице, просто ему нужно было разрешить спор, заключенный им с самим собой.

В мешке, тщательно переложенные какими-то одеждами, лежали металлические зеркала, такие же, как в подземной пещере, только намного меньших размеров, еще кроме монет и драгоценностей он обнаружил несколько странных предметов. Нечто в этом роде он видел в доме одного знаменитого гадателя. Водя этими штуками по пергаменту, тот рассказывал, какие события ожидают киммерийца в течение ближайшей луны. Второй мешок был тую набит хлебом, кусками сыра и даже сырными овощами.

— Давно не встречал настолько разумной женщины, — подивился варвар.

Спохватившись, что девушка слишком долго не приходит в себя, он отыскал кувшин с водой и, недолго думая, плеснул ей на лицо. Результат превзошел все ожидания — чихая и кашляя, она моментально подскочила на своей постели. От наблюдательного варвара не укрылось, что взгляд Нифаты был при этом донельзя разочарованный, будто она ожидала от Конана совсем другого.

— Все-таки я поспешил, назвав ее разумной, — мысленно продолжил Конан. — Нужно торопиться, пока и в самом деле не отправили к праотцам, а у нее одни нежности на уме.

Окончательно прия в себя, девушка внимательно посмотрела на убитого стражу. Вопреки опасениям Конана визжать она не стала.

— Нужно спрятать его и того, другого, — почти спокойно произнесла она. Пусть в деревне думают, что мы уже сбежали, а они нас ищут.

— У нас не так много времени, чтобы закапывать их, — возразил киммериец. — Я тоже кое-что придумал. Это должно задержать тех, кому вздумается преследовать нас.

Притащив в дом обоих убитых стражей, он уложил их рядом на лежанку, с головой накрыв одеялом. Возле порога, так, чтобы было видно снаружи, он поставил на полу кувшин и два кубка.

— Пусть думают, что мы... отдыхаем перед дальней дорогой, — пояснил он.

— А когда обман все же обнаружится, их задержит вот это.

Безжалостно оторвав кусок от подола своего платья, девушка подбежала к белой площадке. Топнув по камню в нужном месте, она заставила скалу чуть отодвинуться. После этого она зацепила оторванный лоскут за острый выступ.

— Они подумают, что мы ушли через подземелье.

— А почему нам и в самом деле не воспользоваться этим путем? — удивился варвар. Ты говоришь, что все там знаешь и к тому же там не так жарко.

— Скоро там будет опасно. Запор, сдерживающий поющие нити, вот-вот ослабнет. А они так долго не получали пищи.

— И чем же их таким кормят?

— Чем придется, но когда они голодны, то принимаются сами искать себе еду... Я готова, мы можем отправиться прямо сейчас.

* * *

Солнце находилось уже в самом зените и идти становилось все труднее. Конан, хоть и старался сдерживать свой шаг, но все равно получалось, что он шел быстро. Однако девушка старалась не отставать.

До Горы Скорби, за которой было почти рукой подать до границы Черных песков, оставалось совсем немного, когда прямо перед ними из ниоткуда возникла знакомая фигура.

— Приветствую тебя, почтенный Рехаур, — усмехнулся Конан, — вроде бы мы уже простились с тобой и ты пожелал нам доброго пути...

— Не время для смеха, чужеземец! — спокойно произнес старейшина, — ты же не настолько глуп, чтобы предположить, что я позволю вам просто так покинуть наши края? Неужели ты всерьез думаешь, что я допущу, чтобы ты привел сюда других таких же как ты, жадных до чужого золота? Допущу, чтобы жители деревни ушли с вами, прельстившись рассказами о безбедной жизни в чужих странах? И чтобы ты, глупая упрямая потаскуха, наслаждалась жизнью, изведав мужские ласки? А знаешь ли ты, несчастная, как принято поступать с отступниками? Трепещите же, жалкие черви, сейчас вы на себе испытаете силу древней магии, завещанной мне предками.

Не сводя с них взгляда, он вдохнул всей грудью, надул щеки, а затем изо всех сил подул в их сторону. Ничего не произошло.

— Что, не получается представление? — насмешливо произнес Конан. — Разучился показывать фокусы — так хотя бы спой или спляши. Если сумеешь потешить как следует, так уж и быть, получишь монету.

— Напрасно ты разговариваешь с ним, — тихонько сказала Нифата, дергая его за одежду. — Лучше помоги мне.

Оглянувшись, Конан увидел, что девушка извлекла из своего мешка зеркало, по форме похожее на надутый ветром парус. Вынув вслед за

ним несколько металлических палочек, она ловко вставила их одну в другую, отчего в руках ее оказалось нечто вроде металлического прута ростом с нее самую.

Укрепив на самом верху его необычное зеркало, жрица безуспешно пыталась воткнуть это соружение в песок.

— Помоги же мне! — с отчаянием в голосе попросила она. — Скоро может быть поздно.

Недоуменно пожав плечами, Конан выполнил требуемое, отчего металлическая палка почти наполовину ушла в песок.

— Так хорошо? — поинтересовался он, — а теперь что сделать?

— Раскрути зеркало против движения солнца. Пожалуйста, поторопись.

Небрежно крутанув зеркало, отчего оно едва не слетело со своей подставки, киммериец взглянул на старейшину и тут все насмешливые речи замерли у него в горле. Тот что-то произнес на незнакомом языке, взмахнул руками и черный песок поднялся, подобно морской волне, прямо перед ним и она стремительно понеслась к путникам. Волна росла прямо на глазах, изгибаясь подобно вражескому войску, вознамерившемуся окружить их.

Конан потянулся было к мечу, намереваясь одним разом покончить и со злобным чародейством и те тем, кто творил его. Но жрица Ушедшей Богини сунула ему в руки круглое металлическое зеркало, по размерам напоминающее тарелку.

— Скорее, держи вот это и ни в коем случае не выпускай из рук, иначе нам несдобровать. Становись вот здесь...

Подпрыгнув, девушка крутанула зеркало на металлической палке еще раз и поспешно отбежала к Конану. Тем временем волна черного песка достигла вращающегося зеркала и закрутилась вокруг него подобно тому, как нитка наматывается на клубок.

Вскоре там бушевал самый настоящий смерч. Двинувшись, было в прежнем направлении, он ударился о зеркало, которое изо всех сил удерживал перед собой северянин, и, помедлив немного, развернулся назад. Старейшина, мнивший себя магом, не успел даже как следует удивиться, как ураган подхватил его и взметнул к небесам.

— Ловко ты его, — протянул Конан. — Идем дальше, до темноты нам нужно будет найти безопасное убежище.

— Подожди, смерч сейчас вернется. Прошу тебя, возьми меня за руку и не отпускай. И свой мешок тоже держи как можно сильнее.

Недоверчиво хмыкнув, варвар исполнил то, о чем его просили и даже сделал больше: вместо того, чтобы взять девушку за руку, от схватил ее за талию и прижал к себе.

Та лишь покрепче вцепилась в свою кладь, не высказав ни протesta, ни удовольствия.

Не успел Конан огорчиться ее безразличию, как смерч, сделавший огромный полукруг, вернулся и подхватил их. Все помыслы киммерийца

были лишь о том, чтобы не позволить урагану разлучить его ни со спутницей, ни с мешком золота. В какой-то момент северянин даже успел подумать, что из всех испытаний последних дней песчаная буря оказалась не самой страшной.

* * *

Наконец сила, породившая песчаный вихрь, иссякла. Выбросив путешественников из своего душного темного нутра, смерч истаял подобно кошмарному видению, посетившему любителя пыльцы черного лотоса.

Конан с трудом поднялся на ноги и осмотрелся. Девушка была здесь. Беспрестанно кашляя, она одновременно пыталась нашарить свои мешки и встать хотя бы на четвереньки. Варвар хотел подойти и помочь ей, но она уже выкарабкалась сама. Посмотрев куда-то за спину северянина, она засияла счастливым смехом:

— Я уже видела это место, оно мне снилось!

Оглянувшись, варвар увидел сухие колючие деревья и полуразрушенные дома брошенного оазиса. Не разделяя восторга своей спутницы, он проворчал:

— Не очень-то приятное местечко, должен тебе признаться. Но чтобы укрыться на ночь — годится.

И не оглядываясь, зашагал к тому домику, где переночевал до того, как попасть в загадочную деревню. Девушка последовала за ним. Воп-

реки ожиданиям Конана, кости, в изобилии валяющиеся здесь, не вызвали у нее ни страха ни отвращения.

Соорудив подобие метлы из каких-то обломков, она небрежно смела все это за порог и, расстелив на полу кусок ткани, принялась раскладывать там еду.

Неожиданно оба путника поняли, что здесь не хватает бурдюка с водой. То ли его забыли в спешке, то ли он выпал, когда ураган крутил их как два крохотных листика. Северянин помрачнел: ему вовсе не хотелось разделить участь прежних обитателей этого оазиса. Но Нифата вовсе не сочла их положение безвыходным.

— Вода, не ушла, она есть, я это чувствую.

Покопавшись в своем мешке, она извлекла оттуда причудливо искривленную красноватую железку, на конце которой красовался крохотный шарик из горного хрусталя. Девушка вышла из домика и не спеша прошлась между высокими деревьями. Когда она миновала самое высокое из них, железка в ее руках вдруг свернулась в кольцо, а затем так же внезапно распределилась.

— Здесь, — радостно заявила она, — Копай вот под этим деревом, но наберись терпения: копать придется глубоко.

Конан подошел и вознамерился вырвать дерево из земли, но оно упрямо цеплялось корнями, не желая покидать привычное место. Но не таков был варвар, чтобы отступать перед внезапным препятствием. Там, где невозможно взять

силой, пойдут в ход терпение и упорство. Варвар принялся потихоньку раскачивать корявый сухой ствол до тех пор, пока корни, похожие на клубок змей, не показались на поверхности. Дальнейшее и в самом деле удалось довершить одним движением.

Но яма, образовавшаяся на месте дерева, не спешила наполняться водой. Приглядевшись, киммериец заметил на дне ее кусок растрескавшийся на мелкие кусочки каменной плиты. Мысленно перечислив по именам всех известных ему слуг Эрлика, он снял перевязь с оружием, подобрал валяющийся неподалеку обломок щита и полез в яму. Девушка последовала за ним и, не взирая на уговоры, продолжала упорно выкидывать наружу обломок за обломком.

Примерно около колокола спустя варвар приподнял последний самый большой камень. Стоило ему, хорошенько размахнувшись, запустить его в сторону пересохшего колодца, как он ощущил, что стоит в воде, которая, налившись ему в сапоги, поднимается все выше. Нифата, как была в одежде, погрузилась в воду с головой. Когда она вынырнула, на лице ее было блаженство.

— Столько воды! — воскликнула она, — вот так люди и купаются, правда?

— Скажи ка лучше, — поинтересовался варвар, которому, наконец, удалось вытащить ее из воды, — откуда ты все вот это знаешь? Я имею в виду — как обращаться со всеми этими зеркалами и как заставить песчаную бурю повернуть обратно?

— Никто меня этому не учил, — пожала плечами девушка. — Просто вспомнила и все. Наверно, всегда знала.

После ужина, который показался путешественникам верхом роскоши, они устроились на ночлег. Нифата — в самом безопасном углу, а Конан — у двери, готовый проснуться при малейшем шорохе. Но эта ночь, как и первая, которую он провел в этом оазисе, прошла спокойно. Они были здесь единственными живыми существами.

А на следующее утро, выглянув из дома, они заметили, что жизнь медленно возвращается в этот оазис. Вокруг крохотного прудика среди давно высохшей бурой травы поднимались тоненькие зеленые росточки, а деревья уже не выглядели такими безжизненными.

Северянин усевшись в тени, пытался вычертить на земле карту. Значит, через три дня пути на полночь от Акита их застала песчаная буря, не менее двух дней он добирался до этого оазиса... Судя по всему, до ближайшего караванного пути слишком далеко, чтобы можно было добираться пешком, да еще отягощенный грузом и со спутницей, значительно уступающей по силе и выносливости. Но не могут же они вечно оставаться в этом месте. Вода — это хорошо, но кроме нее требуется еще пища, а взятые с собой припасы скоро закончатся.

Как будто услышав мысли Конана, Нифата подошла к нему с каким-то свертком:

— Скажи, мог бы ты укрепить это на крыше или на вершине дерева?

— Что там у тебя? И зачем тебе эта штука? Бывшая жрица Ушедшей Богини достала хрустальную пирамидку величиной с голову ребенка.

— Когда солнечные лучи попадут на ее поверхность — хрусталь засияет. Свечение будет видно издалека и караванщики захотят посмотреть, что здесь такое, — пояснила девушка.

В который раз поразившись сообразительности своей спутницы, Конан осторожно взял у нее сверкающую вещицу и полез на полуразвалившуюся стену сторожевой башни.

Он вспомнил рассказ старого моряка, случайно услышанный в одной из таверн Аграпура. Пострадав от страшного шторма, они пытались привлечь внимание тех, кто мог оказаться рядом. Для этого зажгли самый большой светильник, попеременно то закрывая, то открывая его. Почему бы не поступить так же с хрустальной пирамидкой? Подставив одну из ее граней солнечным лучам, Конан на несколько мгновений прикрыл ее ладонью, затем проделал это еще раз и еще.

Дневное светило только начало клониться к закату, когда старания киммерийца увенчались успехом. На горизонте он увидел цепочку вьючных дромадеров, которые направлялись прямо сюда. Помахав пирамидкой над головой, и убедившись, что караван не собирается сворачивать в сторону, варвар спустился на землю.

Насколько можно судить, он не ошибся, не позволив отговорить себя от путешествия в

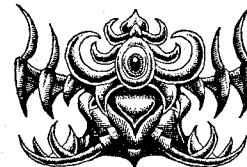

Аренджун в свите благородной дамы. Он устроит себе отдых на славу, а затем направится дальше — в Аргос, Зингару или куда-нибудь еще. Разумеется, он поручит кому-нибудь заслуживающему доверия позаботиться о Нифате, а то девушка, так мало знающая о жизни в цивилизованных местах слишком легко может нажить себе неприятности.

* * *

... Пожалуй, в одном я совершенно уверен, — подумал Конан, покачиваясь на спине дромадера, — в ближайшие несколько лун я не желаю видеть песка — ни белого, ни черного. Вообще никакого. И, хвала Крому, у меня есть для этого все основания.

И он с ухмылкой потрогал тugo набитый мешок, притороченный к седлу.

Содержание

Дуглас Брайан
ВЕНДИЙСКАЯ ДЕМОНИЦА
Роман

Глава первая	
Драка со странными участниками	6
Глава вторая	
Пляшущий золотой мальчик	20
Глава третья	
Нападение	46
Глава четвертая	
Опасное путешествие на отдых	66
Глава пятая	
Арвистли-чародей	92
Глава шестая	
Зелье трех кузин	108
Глава седьмая	
Пираты-призраки	125
Глава восьмая	
Праздник на острове	144
Глава девятая	
Мать в поисках сына	166
Эпилог	183

Дуглас Брайан
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ НЕ БУДЕТ
Повесть
189.

Лилиан Трэвис
СОЖЖЕННАЯ СТРАНА
Повесть
255

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас
Трэвис Лилиан

КОНАН
И СОЖЖЕННАЯ СТРАНА

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
OK-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевоясина, д. 25

В издательстве «Северо-Запад Пресс»
готовится к печати следующий том
из цикла
«САГА О КОНАНЕ»

«КОНАН И ПОТОМКИ АТЛАНТОВ»

Кт горизонта до горизонта, куда ни брось взгляд, везде одно и то же: бесконечные волны песка. Конан находился в самом сердце пустыни. Солнце сияло прямо у него над головой. Безжалостные лучи светила выискивали свою жертву и, казалось, в считанные мгновения вытивали из него всю влагу.

Но киммерийцу не привыкать было к подобным путешествиям. И хотя родился он на далеком севере, многочисленные жизненные испытания приучили его без особого труда переносить самые разные условия.

Он мог выжить и посреди моря, на утлом суденушке, и в душных вендийских джунглях, и в обществе китайских философов, и — наверное, это было самым трудным, — среди утонченной аристократии, при дворах цивилизованных владык, которые самого Конана именовали не иначе, как дикарем и варварам.

Конан намеревался пересечь пустыню за несколько дней. Путь был ему хорошо знаком, так что он без страха пустился в дорогу один, не взяв с собой проводника.

Киммериец не нуждался в чьем-либо обществе. У него было скверное настроение, и самая мрачная меланхолия одолевала его. Ему хотелось побывать в одиночестве. Для подобного состояния духа не требовался спутник. Пустыня — самое лучшее, что можно было измыслить.

Конан огляделся по сторонам, и хмурая улыбка появилась на его загорелом лице. Никого и ничего. Его окружали пески и смертоносный солнечный свет. Достойный противник! Конан оскалился, словно желая бросить пустыне вызов.

Она ответила еле слышным шорохом песков. Где-то вдали ветер перемещал песчаные массы, но там, где находился киммериец, не было ни малейшего дуновения. Солнце, казалось, застыло на небе, в самом зените.

На Конане был наряд кочевника — широкий белый плащ, покрывало на голове. Но даже издали киммерийца невозможно было принять за обыкновенного жителя пустыни.

Северянин был выше ростом любого из них, гораздо шире в плечах, да и держался иначе. Говорят, будто каждый кочевник обладает царственной осанкой; но любому, даже самому спесивому из них, далеко было до Конана-варвара.

Киммериец не сомневался в том, что рано или поздно он сделается королем. Завоюет себе королевство, какое глянется, и сядет там на трон. Человек, который не побоялся бросить вызов всему миру, вполне способен и на такое.

До него донесся пронзительный крик орла. Величавая птица кружила в вышине, и казалось, будто

солнце и жаркий воздух породили ее. Кого высматривал орел? В других областях пустыни имелась хоть какая-то растительность. Там обитали разные мелкие существа, тушканчики и прочие, которые обычно служили добычей орлу. Но кого он высматривает сейчас? Не самого ли Конана?

Конан засмеялся и погрозил орлу:

— Хочешь побороться?

Как будто услыхав человека, орел взмыл еще выше и словно бы растворился в ослепительном солнечном свете.

Конан удовлетворенно кивнул.

Конь ступал по песку уверенно: ему передавалось настроение хозяина. Всадник не сомневался в том, что к вечеру они доберутся до оазиса и смогут отдохнуть и утолить жажду. К тому же у них имелась при себе вода — бурдюк опустел лишь наполовину.

Киммериец еще раз огляделся по сторонам и удовлетворенно хмыкнул. Ни одного человеческого лица вокруг! Вчера он тоже был один и ночевал прямо на остывающем песке, под звездами, которых здесь великое множество. Рассвет нагрянул на пустыню, словно неприятель из засады, из-за горизонта выскочило гигантское красное солнце, и казалось, будто до него можно дотянуться рукой, а затем почти сразу же снова началась изнуряющая жара.

Пустыня. Пустая земля.

Неожиданно киммерийцу показалось, будто он замечает среди золотых песков нечто темное. Он приподнялся на стременах, всматриваясь в это.

Наверное, лучше было бы просто отвести взгляд и проехать мимо, подумалось ему. Но это «нечто» сво-

ей неуместностью и очевидным безобразием настойчиво лезло в глаза, так что Конан поневоле направил коня в ту сторону. Лучше бы сразу разрешить загадку — и выбросить ее из головы.

Конан почти не сомневался в том, что увидит сейчас плащ какого-нибудь незадачливого бедолаги, а может быть, и труп, иссохший и почерневший. Должно быть, пески сместились и обнажили то, что было многое землю под ними.

Он приблизился и остановил коня.

Так и есть! Одежда. Только какая-то странная. Расписной шелк, к тому же очень яркий. Если бы эти вещи пролежали под солнцем хотя бы несколько дней, они утратили бы краски — солнце выжгло бы их, сделало бы гораздо более тусклыми.

Стало быть, эти тряпки попали сюда совсем недавно. Что ж, люди погибают в пустыне постоянно. И века назад, и день назад, и колокол назад... Всегда одно и то же.

Конан хотел было повернуть коня и двинуться дальше, как вдруг тряпки зашевелились, и слабый голос простонал:

— Помогите...

* * *

Киммериец резко остановил коня. Удивленный подобным обращением, конь взвился на дыбы и громко заржал, но Конан быстро усмирил его. Звук лошадиного ржания возымел почти магическое действие на незнакомца, лежавшего посреди пустыни. Он проявил еще более очевидные признаки жизни; из-под горы тряпок

показались довольно пухлые белые руки с накрашенными ногтями. Человек закопошился, пытаясь подняться.

— Лежи, не трать силы, — буркнул киммериец.

— Здесь человек... — прошептал незнакомец и вдруг сухо, без слез, зарыдал.

— Ты почти угадал, — сказал Конан ровным, равнодушным тоном. — Здесь варвар, который совершен но не рад нашей встрече. Учи это на будущее и не будь многословен.

Он соскочил на землю и с бурдюком в руках подошел к незнакомцу. Присев рядом на корточки, Конан плеснул водой ему на голову.

— Выпей воды, — сказал киммериец.

— Вода... — простонал неизвестный.

Холеные руки с красными ногтями вцепились в бурдюк. Показалось лицо, обожженное солнцем, с багровыми пятнами, шелущающееся. Черты этого лица, впрочем, были довольно правильными и даже приятными: широко расставленные темные глаза, прямой нос, твердый подбородок.

Незнакомец принял ядою, глотать воду. Он оживал прямо на глазах. Конан смотрел на него с хмурой усмешкой. Вот и закончилось блаженное одиночество. Придется теперь терпеть рядом с собой какого-то нездачливого бедолагу. Тот, несомненно, начнет сейчас изливать благодарность, и на голову киммерийца обрушатся мутные словесные потоки.

А потом, что еще хуже, поведает ему свою историю. Какую-нибудь длинную, полную ненужных подробностей повесть о том, как он отправился за какой-нибудь нелепой надобностью в путь, как его

предали и бросили здесь на смерть, предварительно обобрав до нитки.

Когда эти темные глаза начнут хорошо видеть — а такое случится очень скоро, едва лишь тело напитается водой в должной мере, — незнакомец быстро разглядит своего спасителя и поймет, кто перед ним. Человек, способный браться за любое дело. Наёмник, если угодно. Бродяга — в любом случае.

И тогда начнется вторая часть их «знакомства»: незнакомец вцепится в Конана мертвой хваткой и будет предлагать ему любые деньги, лишь бы он, Конан, отыскал негодяев, покарал их и отобрал у них похищенное. А судя по тому, что незнакомец довольно молод, сравнительно крепок и наверняка обладает воей — иначе он не отправился бы в опасный путь и вообще не пошел бы на риск, — велика вероятность того, что он предложит свое общество спасителю. «Ты спас меня, теперь найди тех, кто меня предал. Я пойду с тобой. Можешь рассчитывать на меня...»

И, поскольку он предложит киммерийцу хорошие деньги за работу, у Конана не хватит духу отказаться. Нужда в деньгах была у него всегда — и сейчас, возможно, еще большие, чем зиму назад.

Конан морщился, предвидя обычное развитие событий. Незнакомец, как ни был он измучен пережитым, заметил, какое выражение лица у его спасителя.

— Что? — настороженно спросил он. — Я сделал что-то, что оказалось тебе не по душе? В таком случае, прошу меня простить.

— Нет, — сказал Конан. — Ты пока еще ничего не сделал. Просто я подумал о том, как противно предвидеть наперед...

— О чём ты говоришь?

— Да о том, что произойдет дальше! — с досадой воскликнул Конан. — Боги, должно быть, я сильно прогневал вас! — Он глянул на солнце с таким негодованием, как будто рассчитывал узреть у себя над головой какого-нибудь прогневанного бога, с которым можно было бы поспорить, а то и подраться.

— Я не понимаю... — пробормотал спасенный.

— Да? — Конан издевательски засмеялся. — Хорошо, я объясню, чтобы ты потом не говорил, будто не знал... Я уехал в пустыню с единственной целью: избавить себя от лицезрения людей. Мне неприятны человеческие лица. Мне отвратительна суeta так называемых «цивилизованных» господ. Меня тошнит от ваших забот, от ваших разговоров, от вашей мелочности... Я избрал самый опасный путь и отправился в одиночку. Знаешь почему? Просто потому, что это был единственный способ побывать в полном и совершенном одиночестве. И что же? Прошло всего три дня — и я встречаю тебя! Теперь ты понял?

— Ты мог проехать мимо, — заметил незнакомец.

Конану показалось, что в его тоне прозвучала легкая ирония. Но, быть может, это была лишь иллюзия... Или нет? Киммериец, насупившись, глянул на незнакомца.

— Мое проклятие любопытство! — бросил варвар. — Вот что стало причиной. Кроме того, пустыня часто обнажает то, что было погребено в ней веками — и иногда это оказываются сокровища какого-нибудь давным-давно погибшего каравана. Я не мог упустить такой возможности.

— Понятно, — сказал незнакомец. — Итак, ты спас меня, сам того не желая, и теперь я — досадная помеха для тебя.

— Что-то в таком роде, — признал Конан.

— Ты ведь не оставил меня здесь умирать? — осведомился незнакомец.

— Проклятье! — зарычал Конан.

— Вот и хорошо.

Спасенный поднялся на ноги, и Конан с удивлением уставился на него.

Обожженное лицо этого человека говорило о том, что он долго находился под палящим солнцем, не имея надлежащего головного убора и вообще слабо понимая, как следует защищать нежную белую кожу от смертоносных лучей пустынного светила. Ухоженные руки с крашенными ногтями — свидетельство того, что чужак прежде жил в богатстве и роскоши и никогда не занимался физическим трудом. Одно с другим сочеталось неплохо.

Но одежда! Митра, разве это одежда? На чужаке было шелковое одеяние: очень широкие штаны, схваченные под коленом лентами. По форме верхняя часть этих штанов напоминала два китайских фонарика, что раскачиваются обычно возле входа в загородный дом. Нижняя часть штанов, напротив, была узкой и облегала икры. Отправляясь в путешествие, никаких сапог незнакомец не надел, предпочтя им туфли на каблуке с пряжкой в виде бабочки. Конан был потрясен, заметив, что бабочка сделана из накрахмаленного шелка и усыпана крошечными драгоценными камушками.

И это — обувь, которую надевают в дорогу? Боги,

должно быть, вы и впрямь лишили этого парня остатков рассудка! Рубаха незнакомца была под стать штанам: расписной шелк. Очень широкие рукава, расшитые бусинами и украшенные бахромой. Рубаха зашивалась на груди и стягивалась тонким поясом.

Ни оружия, ни кошеля с деньгами у незнакомца при себе не было. Темные волосы, полные песка, слиплись от пота; он не захватил с собой даже шляпу!

— Может быть, тебя бросили умирать, отобрав у тебя дорожную одежду и соломенную шляпу? — вырвалось у Конана.

— Что? — Чужак заморгал, удивленный вопросом.

Конан с досадой прикусил губу. Он поклялся себе, что не станет любопытствовать касательно приключений незнакомца. Доставит его в оазис — и избавится от него навсегда. Но увиденное оказалось чересчур диковинным даже для Конана, так что удивление оказалось сильнее желания побывать в одиночестве и не связываться с очередным спутником....

— Меня зовут Югонна, — сказал незнакомец.

— Конан, — буркнул в ответ варвар.

— Конан? Это, кажется, аквилонское имя?

— Я киммериец, и закончим на том все разговоры обо мне, — отозвался Конан. — Полагаю, ты успел понять, с кем имеешь дело.

— Возможно. — Югонна вздохнул.

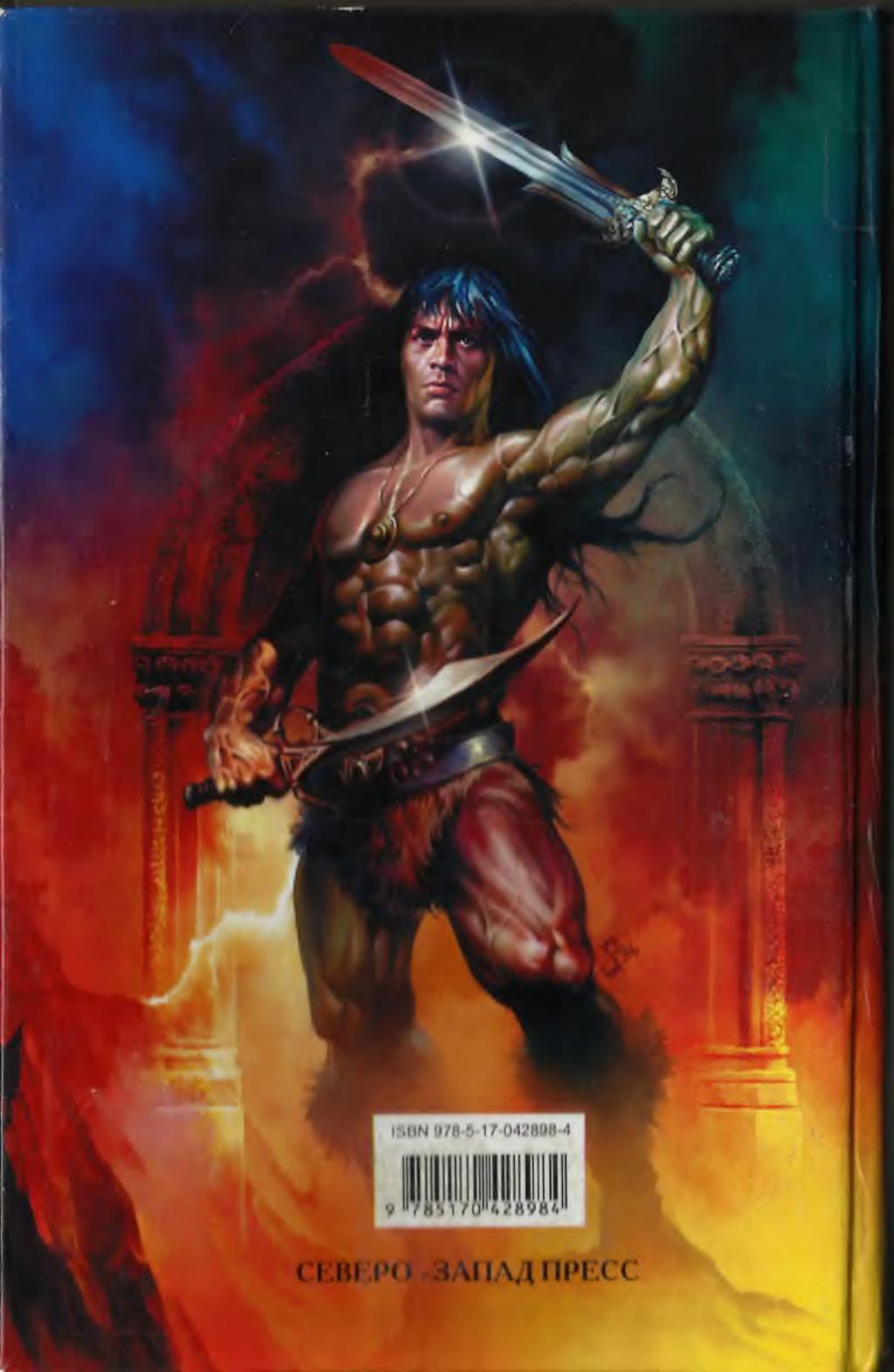
Киммериец сел в седло, и они вдвоем двинулись в путь.

САЈА О КОНАЊЕ

КОНАН И ГЕНІЙ ВЕГРА	КОНАН И ПРИЧИ ЗИНГАРЫ	КОНАН И КЕМУЖИНА ПУСТЬИН	КОНАН И ДУХИ ТОР	КОНАН И СОРОВИЦА ТАРАГТИН	КОНАН И НОРФОРТОВА КУБОК	КОНАН И УДИНИМ ЧУДОВИЦ	КОНАН И СТРИМВИК МОРЕН	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОВ
73	74	75	76	77	78	79	80	81
КОНАН И РАЛАМКА ЛЕСА	КОНАН И КИРГИЗ НАТУННКА	КОНАН И АЛДНОН ДАРЫ	КОНАН И ПЛАМАЯ ВОЗМЕЗДИЯ	КОНАН И ТРООН ВЛАДИ	КОНАН И ЧЕСТЬ ЕМДЕРИН	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЯ	КОНАН И ВОЛНЫ ВАШНЯ
82	83	84	85	86	87	88	89	90
КОНАН И КАЛЯТВА ВАРВАРА	КОНАН И СКИОНТЕ МАТА	КОНАН И БОДАЮТ ПАНТЕРА	КОНАН И АЛЕКСА АДАМУРИ	КОНАН И БРОСТЬ ТИТАНОВ	КОНАН И ТАИНА ПЕСКОВ	КОНАН И НАВА ГАНСМАНА	КОНАН И ПОХОД ОВРЕДИЛЫ	КОНАН И ЧАРЫ КОЛДУНЫ
91	92	93	94	95	96	97	98	99
КОНАН ГЕРОЙ ХАЙБОРН	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ	КОНАН И ЗАМОКИ РОКА	КОНАН И ПАТОДА СИА	КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ	КОНАН И НАМЫ СТИЛИ	КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТИК	КОНАН И КАЛЫК АСУРЫ	КОНАН И СУД ВОРНН
100	101	102	103	104	105	106	107	108
КОНАН ИЩИТ ВЕРСИИ	КОНАН ИАНКИ АХЕРОНА	КОНАН И БОДАЮЩИЙ ОСТРОВ	КОНАН И ДЕМОНЫ СТЕПЕЙ	КОНАН И ЧАРДАЕН ЮПА	КОНАН И УЗИНКИ КАМНЯ	КОНАН И КРАСНОЕ БРАСТВО	КОНАН И ГЛАЗ ДАУКА	КОНАН И ЦРТЬ ОБРОТНЯ
109	110	111	112	113	114	115	116	117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ	КОНАН И РЕКА ЗАБЫТИЯ	КОНАН И ДОДИНА АНКАРИ	КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРИБРАКОВ	КОНАН И ОБРАКУ СМЕРТИ	КОНАН И САЛОЙ ЗЕРЦ	КОНАН И НЕЗАДОЛЖНА НЕДРЫЛУ	КОНАН И МОРОК ЧАЦЫ	КОНАН И КРУТ ВРЕМЕН
118	119	120	121	122	123	124	125	126
КОНАН И ДОЛЬ ДРУИДОВ	КОНАН И УЖАС ХАРИИ	КОНАН И ПАСТЫНКА ШЕМА	КОНАН И ВОЛЧИНА СВИТЬИ	КОНАН И ВОЛЧИЯ ПЛЮСТИВА	КОНАН ПРОТИВ ЗОДАР-САЛА	КОНАН И МОЛКАННАЯ СТРАНА		
127	128	129	130	131	132	133		

ISBN 978-5-17-042898-4

9 785170 428984

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС